

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 4

МОСКВА-
КРЕМЛЬ,

ПЕТРОГРАД-
СМОЛЬНЫЙ.

1ое
АВГУСТА
1919г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

№ 4
АВГУСТ 1919 Г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 32-33. Тел. 161-20.

РЕДАКЦИЯ:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

ДВЕ ДАТЫ.

21 ИЮЛЯ—1 АВГУСТА.

В воззвании Коммунистического Интернационала от 25 июля мы писали:

— „Забастовка 21 июля сорвана. Социал-предатели внесли еще одно предательство в тот свиток чудовищных преступлений, какие они совершили по отношению к рабочему классу всех стран, начиная с 1914 года. Забастовка сорвана, по крайней мере, в некоторых из тех стран, где она намечалась. И первым результатом этого является то, что союзные империалисты готовят новый натиск на героическую советскую республику в Венгрии... И если на героев венгерских пролетариев, освободивших свою страну от гнета капитализма, теперь обрушатся орды белогвардейцев, ответственность за это несут в первую очередь те французские социал-предатели, которые сорвали забастовку 21 июля“.

Увы, наше предсказание оправдалось слишком скоро.

21-го июля была сорвана международная политическая забастовка, 1-го августа румынские контр-революционные войска в союзе с французскими и итальянскими генералами и венгерскими социал-предателями низвергли советскую власть в Венгрии. Связь между этими двумя датами — 21 июля и 1 августа — неразрывная.

Как возникла идея международной политической забастовки и каким образом социал-предателям удалось сорвать эту забастовку? Это вопрос, который должен быть тщательно выяснен до конца.

Идея международной забастовки, назначенной конкретно на такой-то день (в данном случае на 21 июля 1919 года), прямым образом от Коммунистического Интернационала не исходила. Коммунистический Интернационал воздержался даже от того, чтобы выпустить воззвание по поводу назначенной на этот день забастовки, желая выждать событий. Политическую забастовку на 21 июля назначал целый ряд организаций и групп, примыкающих ко второму Интернационалу. Многие из деятелей французской конфедерации труда — типичные социал-соглашатели — ратовали за эту забастовку.

Чем это объяснить? Ведь самая мысль о международной политической забастовке под боевым лозунгом „против вмешательства империалистов в

дела венгерской и русской социалистических республик“, — самая эта мысль, разумеется, взята из арсенала Третьего Интернационала.

Второй Интернационал и в годы своего расцвета не помышлял о таких выступлениях. Прообразом подобных активных выступлений в международном масштабе в эпоху второго Интернационала был в идее первомайский праздник. Но — только в идее. В действительности мы видели нечто совершенно противоположное. Особенно к последним годам деятельности второго Интернационала, в годы его декаданса, первомайский праздник выродился в пустую комедию, не вызывавшую энтузиазма у рабочих, не пугавшую буржуазию, оставлявшую равнодушной пролетарские массы.

Чем же объяснить то обстоятельство, что многие из деятелей второго Интернационала теперь поставили на очередь вопрос о международной политической забастовке?

Это объясняется на наш взгляд тем, что идея международного пролетарского выступления носится в воздухе. В самых широких массах рабочих передовых капиталистических стран зреет глубочайший протест против империалистских правительств. Мы знаем прекрасно, что в целом ряде мест дело доходит до прямых вооруженных столкновений рабочих с войсками буржуазии. Мы видели маевку 1919 года в Париже, ознаменовавшуюся крупным вооруженным выступлением сотен тысяч парижских пролетариев. В рабочих массах назревает идея вооруженного восстания. Поэтому, каутскианцы и социал-предатели робко примазываются к идее международной политической забастовки.

У агентов капитала хорошо развито обоняние, особенно у таких прожженных мошенников, каких мы видим в числе „социалистов“ во Франции. У этих господ нюх развит лучше, чем у иной ищейки. Они прекрасно сознавали, что среди французских пролетариев назревает героическое решение. И чтобы угодить своим хозяевам, социал-предатели решили прибегнуть к экстраординарному средству: попытаться стать во главе движения для того, чтобы в решающую минуту предать его.

Мы не знаем еще в подробностях, какие интриги плелись в Париже, какие разговоры происходили в тайниках кабинета Клемансо с такими „социалистами“. На вопрос—

Ты скажи мне, гадина,
Сколько тебе дадено?

—в данный момент никто нам точно не ответит. Но кто прочтет в настоящем номере „Коммунистического Интернационала“ статью о документах французского, извините за выражение, „социалиста“ Шарля Дюма, тот согласится с нами, что нет той низости, на которую не были бы способны продажные „вожди“ французского официального „социализма“...

Французские социал-соглашатели примкнули к идее международной забастовки, они помазали французских рабочих по губам этой идеей. А когда дело дошло до решительных действий, они повернули фронт, дали контр-пароль и дезорганизовали назревавшее превосходное движение.

Нечто подобное мы видели и во время первых всеобщих забастовок в 90 годах в Бельгии—только при другой обстановке. Бельгийские официальные социалисты в то время не были раз'едены язвой продажности и оппортунизма в такой мере, в какой раз'еден сейчас разлагающийся второй Интернационал. Но при иной обстановке некоторые „вожди“ бельгийских социалистов в то время делали то же самое. Они примыкали к идее всеобщей забастовки бельгийских рабочих для того, чтобы завоевать себе кредит среди рабочих и стать во главе организации; а в решающий момент они срывали движение, дезорганизуя его.

Забастовка 21 июля, насколько мы можем судить по тем отрывочным сведениям, которые дошли до нас, имела большой успех в Италии, перейдя там местами в прямое восстание и захват власти рабочими. Забастовка 21 июля имела также успех в некоторых из Скандинавских стран. Но центр тяжести намечавшегося движения находился во Франции. Там главный узел реакции. В Париже сидит международный штаб разбойничьего империализма. Весь вопрос был в том, насколько движение будет иметь успех именно во Франции.

Французское правительство, состоящее из наиболее матерых вожakov империалистского бандитизма, превосходно поняло опасность положения. Клемансо пустился во все тяжкие. С одной стороны, он обещал амнистию многим политическим заключенным и обещал ускорить демобилизацию армии; с другой стороны, Клемансо прибег к мерам неприкрытого террора. Он стал угрожать военно-полевыми судами железнодорожникам, он пригрозил такими же скорпионами служащим почт и телеграфов. И в то же время он, очевидно, стал

входить в тайные соглашения с социал-предателями и кое с кем из их прихвостней, идущих за так называемым „центром“.

Клемансо добился своего. Конфедерация труда и соглашатели из „центра“ накануне самой стачки дали рабочим контр-пароль, смешали карты, запутали дело, и—стачка была сорвана...

Идея международной политической стачки не умрет. Уже одно то, что такая идея могла возникнуть и встретить поддержку со стороны даже умереннейших представителей II Интернационала, служит косвенным доказательством того, как бурлит в рабочих массах Европы. Чрезвычайно знаменательно то, что первая намечавшаяся международная забастовка должна была пройти под лозунгом: „не смейте вмешиваться в дела русской и венгерской пролетарских республик“! Этот лозунг вынужден были поддержать некоторые из тех самых групп и „вождей“, которые еще в начале этого года на пресловутой Бернской конференции желтого Интернационала были совсем недалеко от того, чтобы прямо поддержать идею вмешательства империалистских правительств в дела советской России. И это опять таки служит нам косвенным доказательством того, как велики симпатии международного пролетариата к советской России и к идее пролетарской диктатуры вообще.

Посмотрите! Августовское собрание второго Интернационала в Люцерне, на котором тон задают такие господа, как Гендерсон, Гюисманс и Брантинг, устами своего председателя высказывается против вмешательства в русские дела. Амстердамский конгресс умеренных профессиональных союзов, стоящих на платформе второго Интернационала, в начале августа этого года также вынес протест против вмешательства Антанты в дела Советской России.

А кто задавал тон на этом съезде в Амстердаме? Легины, Гомперсы, Appleton'ы. На этом замечательном съезде лакей американских капиталистов, Гомперс, претендующий на звание вождя американских профессиональных союзов, упрекал своего коллегу, вожак германских желтых, сподвижника Шейдемана, г. Легина в приверженности к кайзеризму. А обоих этих славных „вождей“ мирил французский социал-соглашатель Жуо, призывавший их возлюбить друг друга. Видный участник Амстердамского конгресса, Appleton заявил корреспонденту Парижской газеты „Petit Parisien“:

— „Les bolcheviks? A mon sens, ni dans l'Internationale, ni dans le monde il ne peut y avoir place pour les bolcheviks“. (Большевики? По моему, ни в Интернационале, ни вообще на свете не может быть места большевикам*).

И все же эта банда озлобленных ренегатов, отдавая дань настроению европейских рабочих, **вынуждена** выносить протесты против вмешательства империалистов в дела советской России.

Что все это значит? Это значит, что пролетарская революция в России пользуется горячей симпатией европейских рабочих. Это значит, что идея международной диктатуры завоевывает все больше и больше сердца рабочих во всей Европе.

Поэтому мы с полной уверенностью говорим: идея международной политической забастовки не заглухнет. Подлое поведение соглашателей и каутскианцев, сорвавших политическую стачку 21 июля, послужит только к тому, что они окончательно потеряют доверие в рабочих массах. В январе 1919 года, когда в Берлине герои берлинские рабочие под руководством незабвенного Карла Либкнехта начали восстание против германских капиталистов, представители германского „центра“, во главе с Каутским и Гаазе, занимались тем, что маклерствовали, бегали от одной стороны к другой и **тем самым помогли буржуазии сорвать восстание берлинских пролетариев**. То же самое сделали теперь господа из „центра“ во Франции. Но такие уроки не пропадают даром. На таких уроках учатся десятки и сотни тысяч рабочих, такие уроки закаляют авангард пролетариата, такие уроки составляют эпоху в международном рабочем движении.

Идея международной политической забастовки встанет вновь в порядок дня,—свободная от иллюзий и ошибок, которые имела часть рабочих накануне 21 июля 1919 г. Третий Интернационал должен взять и берет это дело в свои руки. Симпатии рабочих этой идее обеспечены...

* * *

Но советской Венгрии господа империалисты тем временем все-же успели сломать спинной хребет. Советская Венгрия погибла.

Кто нанес ей этот удар? Империалисты держав согласия в союзе с венгерскими и европейскими вообще социал-предателями! Один конец веревки, при помощи которой захлестнули венгерский пролетариат, держал Клемансо, другой конец придерживали все эти большие и маленькие Ренодели, Гендерсоны, Пайдели, Гарамы, Агоштоны, Реннеры, Немец (чешский социал-предатель) и компания.

Главную „работу“ взяли на себя, конечно, вожаки международной биржи. „Лига Наций“ все время разжигала румын и чехо-словаков, требуя от них, чтобы они двинули войска против красной Венгрии. Совет 4-х пытался играть с правительством нашего тов. Бэла Куна, как кошка с мышкой. То они требовали от советского правительства прекращения боевых действий против румын, то подавали надежды советскому правитель-

ству Венгрии на то, что оно будет признано в Париже, то заверяли венгерское советское правительство, будто союзники принимают меры против излишних аппетитов румынских черносотенцев. И все время международная шайка шуллеров, хозяйничающая в Париже, преследовала только одну цель—продвинуть, как можно ближе к самым стенам Будапешта контр-революционные румынские и чешские войска.

Разве это не шито белыми нитками? Черносотенные румынские войска были уже в предместье Будапешта. Тогда матерой мошенник французской республики, министр иностранных дел Пишон, послал румынскому командованию телеграмму о том, что не следует входить в Будапешт. А за день, за два до этого, тот же самый Пишон послал в Бухарест, в столицу Румынии, шифрованную телеграмму, где говорилось, конечно, обратное.

Пока короли биржи искали во всей центральной Европе несколько десятков тысяч черносотенных войск для удушения красной Венгрии, пока американское радио через Лион возвещало на весь мир, что теперь единственная надежда цивилизованного человечества покоится на благородной румынской армии,—в это самое время социал-предатели в Париже и в Вене, в Лондоне и в Праге, да и в самом Будапеште делали одно и то же черное дело. Они готовились помочь палачам задушить венгерских пролетариев.

Когда Ренодель и Жуо в Париже сорвали забастовку 21 июля, они сознательно выступали подпевалами Клемансо, готовившегося задушить венгерское правительство. Когда в Вене Реннер, Бауэр, Фридрих Адлер и другие соглашатели давали приют контр-революционным венгерским офицерам, когда они высылали оттуда официальных послов советской Венгрии, когда они всеми правдами и неправдами клеветали на красный Будапешт, когда они, вместо того, чтобы помочь героям венгерским пролетариям, ставили им подножку, где только могли,—они выступали теми же помощниками разбойника Клемансо. Когда в Праге вождь социал-предателей г. Немец и другие делали решительно все возможное, чтобы затруднить победу венгерских пролетариев, когда они позволяли чешским помещикам и буржуа двигать войска против красной Венгрии, они поступали, как подручные и заплочных дел мастера, нанятые европейским капиталом.

И в результате этих комбинированных действий Иуд, называющих себя социал-демократами, и мясников, называющих себя представителями Лиги Наций, погибла юная, недостаточно еще окрепшая советская Венгрия.

— „Венгрия переходит от советского режима к режиму демократии“. Так гласит первая радио-

телеграмма, подписанная известным социал-предателем Пайделем, этим венгерским Носке, в первый же день государственного переворота в Венгрии. О, шуты гороховые, о презренные предатели, о, пигмеи! Не прошло и недели со времени, свержения советского правительства Венгрии, как в Будапеште установилась власть помещиков и банкиров.

Когда венгерские помещики использовали социал-предателей, они, как выжатый лимон, выбросили их в мусорную кучу. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Иуда совершил свое предательство, теперь ему можно дать веревку, чтобы он пошел удавиться.

В течение всего нескольких суток Венгрия прошла весь цикл развития: от советского режима через так называемых „чистых социалистов“ — к неприкрытой диктатуре венгерских помещиков. В Будапешт вернулся пресловутый граф Андраши, в Будапеште восстановлен корпус жандармов, который прогнал меньшевистское правительство Пайделя, на трон возвращается эрцгерцог Иосиф. В голодный Будапешт валом валят десятки тысяч солдат — румынских, чешских, английских, французских. Из Сегедина вернулись бандиты — контр-революционные венгерские офицеры. Все спешат на перебой, чтобы пограбить Будапешт и чтобы принять участие в разбоях и убийствах, направленных против венгерского пролетариата.

Более наглядного урока насчет того, что такое „чистые социалисты“, — никогда международный пролетариат не получал. „Чистые социалисты“, это — ступенька к подножию залитого рабочей кровью трона того или другого монарха. „Чистые социалисты“ это — переходная ступень к восстановлению самой дикой помещичье-капиталистической реакции. „Чистые социалисты“ это — замазка для империалистских грабителей с большой дороги...

Или диктатура реакционной буржуазии, или диктатура пролетариата, руководимого коммунистами! Третьего не дано.

Разумеется, кроме предательства со стороны венгерских меньшевиков, были другие объективные причины, облегчившие лиге разбойников дело удешевления венгерской советской республики. Венгерский пролетариат численно сравнительно слаб. Завязать прочные связи с венгерским крестьянством советская власть не могла успеть за недостатком времени. Территория Венгрии не так велика, чтобы, отбиваясь, иметь возможность, подобно советской России, „уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени.“ Стратегическое положение Будапешта, находившегося под ударами и из Праги и из Бухареста, дело трудное. Прага, Вена и Бухарест не только не поспешили на помощь красному Будапешту, но, в лице своих социал-соглашателей, изо всех сил тормозили успехи советской Венгрии. Со-

ветская Россия, всем сердцем стремясь на помощь своей младшей сестре, не имела, однако, достаточного количества вооруженных сил, чтобы немедленно оказать реальную помощь красной Венгрии. Международное пролетарское движение в течение четырех месяцев существования советской Венгрии окрепло чрезвычайно. Но оно все таки не было настолько крепко, чтобы немедленно освободить красную Венгрию от давления парижских и лондонских грабителей. Это доказало 21 июля — день, который стал роковым для советской власти Венгрии.

Разумеется, клеймить презрением, приговора к позорному столбу мы должны предателей. По отношению же к тем, кто оказал незаслуженное доверие предателям, мы найдем только слова братства и поддержки в момент, когда им приходится пить до дна столь горькую чашу, как сейчас венгерским коммунистам. Но урок наших братьев венгерских коммунистов не должен пропасть даром. Они допустили в свою партию вчерашних социал-демократов соглашателей. В угоду им они назвали свою партию „партией социалистов и коммунистов“, они допустили этих господ в центральное советское правительство и ради единства с ними не прибегали к достаточно решительной чистке авгиевых конюшен контр-революции.

Разумеется, для этого вначале можно было найти достаточно оснований. Все мы разделяем эту ошибку с нашими венгерскими товарищами коммунистами. Мы также поверили, что венгерские социал-демократы, наученные горьким опытом, будут поддерживать рабочую диктатуру. Мы верили торжественным клятвам венгерских социал-демократов поддержать советскую власть. Мы не могли заподозрить, что эти господа обнаружат ту бездну низости, какую они сейчас обнаружили.

Теперь коммунисты всех стран должны учесть этот тяжелый урок.

В это тяжелое, но великое время обостренной классовой борьбы, переходящей всюду в гражданскую войну, малейшая фальшь, ничтожнейшая ошибка, крошечная уступка оппортунистам может привести к роковым последствиям. Третий Интернационал должен раз навсегда до самого конца изжить слабости, которые были свойственны второму Интернационалу. Ни малейших уступок оппортунизму! Никаких надежд на старое поколение продажных вождей! Надо понять, что старая казенная социал-демократия является самым опасным нашим врагом. Таков урок, вытекающий из венгерских событий.

* * *

Буржуазия торжествует. Казенные социалисты из лагеря второго Интернационала восторженно жужжат, как шмели, по случаю победы „демокра-

тии" над советским режимом в Венгрии. Поднялись ценности на парижской бирже, подняли голову гады из партии Шейдемана в Германии. Всему черному стану кажется, будто одержана решающая победа над идеей пролетарской диктатуры. Напрасно! Империалистская война погубила капитализм. И если бы даже в ближайшие месяцы империалисты одержали еще несколько таких побед над пролетарской революцией, все равно, их песенка спета.

В тот самый момент, когда низвергнуто было советское правительство Венгрии, в Швейцарии, в нейтральной, мелкобуржуазной, полумещанской Швейцарии вспыхнула вот уже второй раз всеобщая забастовка. И при том—против воли казенной социал-демократии. В Болгарии коммунистическая партия растет и крепнет не по дням, а по часам. Стачечное движение разливается по всей стране, переходя местами в восстание. Италия вся пылает в огне гражданской войны. Недалек момент, когда итальянский пролетариат встанет у власти. Сегодня, когда я пишу эти строки, телеграф принес известие о громадном вооруженном столкновении рабочих Триеста с итальянскими белогвардейскими бандами. Стачечное движение растет в Англии и во Франции. Советская власть в России стоит крепче на ногах, чем когда бы то ни было. Сибирь очищается от войск Колчака, этой „красы и гордости“ всей международной реакции.

Всюду, где рабочие видели, что такое советская власть, они никогда не примирятся с другой

властью. Это показывает пример и Эстляндии, и Финляндии, и Сибири, и Архангельска, и даже Мюнхена, где мы видим опять уже первые вспышки демонстраций и восстаний. Так будет и в Будапеште.

В том-то и беда международного империализма, что теперь, когда маски сброшены, когда классовая борьба приняла самые реальные обнаженные формы, любое поражение пролетариата является только эпизодом в его великой борьбе, которая неизбежно кончится победой рабочих.

Уже в тот самый день, когда империалистские войска вступили в Будапешт, соотношение сил начало опять меняться в пользу рабочей диктатуры. За это можно ручаться головой. Так было всюду и в России. В тот самый день, когда тот или другой город захватывали банды Колчака или Деникина и по спинам рабочих начинала гулять плеть и нагайка, в эту самую минуту, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, в среде самых широких рабочих масс начинала зреть уверенность в том, что избавление от буржуазного гнета лежит только в пролетарской диктатуре.

21 июля и 1 августа — дни, полные горьких испытаний для международного революционного пролетариата. Но эти дни, несомненно, послужат переходом к новой полосе решительных битв, которые кончатся победой коммунизма во всем мире.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

11 августа 1919 г.

О ЗАДАЧАХ III-го ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

(Рамсэй МАКДОНАЛЬД о III-ем Интернационале).

В № 5423 французской социал-шовинистской газеты „L'Humanité“ (Человечество), от 14 апреля 1919 года, помещена передовая статья известного вождя британской так называемой „Независимой Рабочей Партии“—на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия—Рамсэя Макдональда. Статья эта так типична для позиции того течения, которое принято называть „центром“ и которое назвал таким именем I-ый конгресс Коммунистического Интернационала в Москве, что мы приводим ее целиком вместе с вступительными строками редакции „L'Humanité“.

Третий Интернационал.

Наш друг Рамсэй Макдональд до войны был популярным лидером Рабочей Партии в Палате Общин. В качестве убежденного социалиста и убежденного человека он считал своею обязанностью осудить эту войну, как империалистскую, в противоположность тем, кто приветствовал ее, как войну за право. Вследствие этого он после 4-го августа отказался от роли руководителя „Рабочей Партии“ (Labour Party) и вместе со своими товарищами из „Independent“ („Независимой Рабочей Партии“), вместе с Кейр Гарди, которым все мы восхищались, не побоялся объявить войну войне.

На это требовалось немало изюда в день вторгающегося героизма.

Макдональд на собственном примере показал, что мужество, говоря словами Жореса, заключается в том, чтобы не подчиняться закону торжествующей лжи и не служить отголоском для аплодисментов дураков и шикания фанатиков.

*На выборах „по команде“ *) в конце ноября Макдональд был побежден Ллойд Джорджем. Мы можем быть спокойны,—Макдональд возьмет реванш, и в самом недалеком будущем. (От редакции „L'Humanité“).*

Возникновение сепаратистских тенденций в национальной и в интернациональной политике социализма было несчастьем для всего социалистического движения.

Нет, конечно, никакой беды в том, что внутри социализма имеются оттенки в мнениях и различия в методах. Наш социализм находится ведь еще в стадии эксперимента.

Его основные принципы установлены; но способ наилучшего их применения, комбинации, которые принесут торжество революции, организация социалистического государства — все это вопросы, которые подлежат обсуждению и относительно которых еще не сказано последнее слово. Только углубленное изучение всех этих вопросов может привести нас к более высокой истине.

Крайности могут сталкиваться друг с другом, и такая борьба может содействовать укреплению социалистических взглядов, но зло начинается, когда каждый смотрит на своего противника, как на предателя, как на верующего, который лишился благодати и пред которым должны быть захлопнуты врата партийного рая.

Когда социалистами овладевает дух догматизма, вроде того, какой некогда в христианстве разжигал гражданскую войну во славу божью и ради сокрушения дьявола, буржуазия может спать спокойно, ибо период ее господства еще не завершился, как бы велики ни были местные и интернациональные успехи, достигнутые социализмом.

В настоящий момент наше движение встречает на своем пути, к несчастью, новое препятствие. В Москве основан новый Интернационал.

Меня лично этот факт глубоко огорчает,—ведь, социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причины, почему левое крыло его

должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу.

Прежде всего нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции. Формы правления, выросшие из политических и социальных опустошений, произведенных войной, еще не выдержали испытаний и не могут считаться установленными окончательно.

Новая метла сначала метет удивительно хорошо, но как она будет работать под конец — об этом нельзя с уверенностью судить заранее.

Россия не Венгрия. Венгрия не Франция и Франция не Англия, и потому, кто вносит раскол в Интернационал, руководствуясь опытом какой-либо одной нации, обнаруживает преступную ограниченность ума.

Чего на самом деле, стоит опыт России? Кто на это ответит? Союзные правительства боятся дать нам возможность полного осведомления. Но есть две вещи, которые мы знаем.

Прежде всего мы знаем, что революция совершена нынешним русским правительством не по заранее составленному плану. Она развернулась в связи с ходом событий. Начав борьбу с Керенским, Ленин требовал созыва Учредительного Собрания. События привели его к разгону этого собрания. Когда в России вспыхнула социалистическая революция, никто не подозревал, что Советы займут в правительстве то место, которое они заняли.

Затем, Ленин совершенно справедливо убеждал венгерцев не копировать рабски Россию, а предоставить венгерской революции развиваться свободно, согласно ее собственному духу.

Развитие и колебания тех опытов, при которых мы присутствуем, ни в коем случае не должны были вызывать раскол внутри Интернационала.

Все социалистические правительства нуждаются в помощи и в советах Интернационала. Интернационалу надлежит следить за их опытами внимательным и критическим оком.

Я только что слышал от одного друга, недавно видевшего Ленина, что никто не подвергает советское правительство более свободной критике, чем сам Ленин.

* * *

Если послевоенные беспорядки и революции не оправдывают раскола, то не находит ли последний оправдания в той позиции, которую заняли некоторые социалистические фракции во время войны? Признаюсь откровенно, что тут можно было бы найти более разумную причину. Но если, действительно, и имеется кое-какой предлог для раскола в Интернационале, то во всяком случае на Московской конференции вопрос этот был поставлен самым неудачным образом.

Я принадлежу к числу сторонников того взгляда, что прения на Бернской конференции по вопросу об ответственности за войну были только уступкой обществу, моему мнению несоциалистических кругов.

На Бернской конференции не только не было возможности вынести по этому вопросу такое решение, которое имело бы какую-нибудь историческую ценность (хотя оно могло иметь кое-какую ценность политическую), но и самый вопрос не был поставлен надлежащим образом.

Осуждение германского большинства (осуждение, которое было вполне заслужено германским большинством, и к которому я с удовольствием присоединился), не могло быть изложением причин войны.

Бернские дебаты не сопровождалась откровенным обсуждением той позиции, которую заняли другие социалисты по отношению к войне.

*) Буквально „хаки“: так прозвали их солдаты, которым приказано было голосовать за правительственных кандидатов.

Они не дали никакой формулы поведения, обязательного для социалистов во время войны. Все сказанное Интернационалом до того времени, заключалось в том, что, когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями.

Кого же при таких условиях станем мы осуждать?

Некоторые из нас знали, что эти решения Интернационала не имели значения и не годились для дела в качестве практического руководства.

Мы знали, что эта война должна закончиться победой империализма, и, не будучи в обычном смысле слова ни пацифистами, ни антипацифистами, мы примкнули к политике, по нашему мнению, единственно совместимой с интернационализмом. Но Интернационал никогда не предписывал нам подобной линии поведения.

Вот почему в момент, когда началась война, Интернационал потерял крах. Он утратил свой авторитет и не издал ни одного постановления, на основании которого мы имели бы право ныне осуждать тех, кто честно выполнял резолюции международных съездов.

В виду этого в настоящее время нужно отстаивать такую точку зрения: вместо того, чтобы расходиться из-за разногласия по поводу событий прошлого, будем создавать Интернационал действительно активный и помогающий социалистическому движению в тот период революции и строительства, в который мы вступили.

Необходимо восстановить наши социалистические принципы. Необходимо положить прочные основы интернациональному социалистическому поведению.

Если же окажется, что мы существенно расходимся в этих принципах, если мы не придем к соглашению по вопросу о свободе и демократии, если наши взгляды насчет условий, при которых пролетариат может взять власть в свои руки, окончательно разойдутся, если, наконец, выяснится, что война отравила ядом империализма некоторые секции Интернационала, — тогда раскол возможен.

Но я не думаю, чтобы случилось такое несчастье.

И потому меня огорчил Московский манифест как, по меньшей мере, преждевременный и, конечно, бесполезный; и я надеюсь, что мои французские товарищи, на которых в течение последних четырех злополучных лет сыпалось столько и клевет и напастей, не поддадутся порыву нетерпения и не будут со своей стороны содействовать разрыву интернациональной солидарности.

Иначе их детям пришлось бы вновь восстанавливать эту солидарность, если пролетариату суждено когда-нибудь управлять миром.

Дж. Рамсэй МАКДОНАЛЬД.

Автор этой статьи, как видит читатель, старается доказать ненужность раскола. Напротив, именно его неизбежность вытекает из того, как рассуждает Рамсэй Макдональд, этот типичный представитель II-го Интернационала, достойный соратник Шейдемана и Каутского, Вандервельда и Брантинга и т. д. и т. д.

Статья Рамсэя Макдональда есть лучший образец тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения.

I.

Начнем с наименее важного, но особенно характерного. Автор, подобно Каутскому (в его брошюре „Диктатура пролетариата“), повторяет буржуазную ложь, будто в России никто не предвидел заранее роли Советов, будто я и большевики начали борьбу с Керенским только во имя Учредительного Собрания.

Это—буржуазная ложь. На самом деле я уже 4 апреля 1917 г., в первый же день своего при-

езда в Петроград, выставил „тезисы“ с требованием советской республики, а не буржуазно-парламентарной. Я повторял это много раз при Керенском в печати и на собраниях. Партия большевиков торжественно и официально заявила это в решениях своей конференции 29 апреля 1917 года. Не знать этого—значит не хотеть знать правды о социалистической революции в России. Не хотеть понять, что буржуазно-парламентарная республика с Учредительным Собранием есть шаг вперед против такой-же республики без Учредительного Собрания, а советская республика есть два шага вперед по сравнению с ней, значит закрывать глаза на разницу между буржуазией и пролетариатом.

Называть себя социалистом и не видеть этой разницы два года спустя после постановки вопроса в России, 1½ года спустя после победы Советской революции в России, это значит упорно оставаться в полном плену у „общественного мнения несоциалистических кругов“, то-есть у идей и политики буржуазии.

С такими людьми раскол необходим и неизбежен, ибо нельзя совершать социалистической революции рука об руку с теми, кто тянет сторону буржуазии.

И если люди, подобные Рамсэю Макдональду или Каутскому, и т. п., не захотели преодолеть даже той совсем маленькой „трудности“, которой было бы для этих „вождей“ ознакомление с документами об отношении большевиков к Советской власти, о постановке этого вопроса до и после 25 окт. (7 нояб.) 1917 года, то не смешно ли было бы ждать от таких людей готовности и способности преодолеть несравненно большие трудности настоящей борьбы за социалистическую революцию.

Хуже всякого глухого тот, кто не хочет слышать.

II.

Перейдем ко второй неправде (из бесчисленных неправд, которыми полным полна вся статья Рамсэя Макдональда, ибо в этой статье, пожалуй, неправд больше, чем слов). Эта неправда едва ли не самая важная.

Дж. Р. Макдональд утверждает, будто Интернационал до войны 1914—18 годов сказал только то, что, „когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями“.

Это чудовищное, вопиющее уклонение от истины.

Всем известно, что Базельский манифест 1912 года единогласно принят всеми социалистами и что он один только из всех документов Интернационала относится как раз к той именно войне между английской и германской группой империалистских хищников, которая в 1912 году явно для

всех подготавливалась и которая в 1914 году разразилась. Именно про эту войну Базельский манифест сказал три вещи, умалчивая о которых теперь, Макдональд совершает величайшее преступление против социализма и доказывает, что с людьми вроде Макдональда необходим раскол, ибо они служат на деле буржуазии, а не пролетариату.

Эти три вещи следующие:

война, которая грозит, не может быть оправдана ни тенью интересов национальной свободы; со стороны рабочих было бы преступлением в этой войне стрелять друг в друга;

война ведет к пролетарской революции.

Вот—те три основные, коренные истины, „забывая“ которые (хотя он подписал их до войны) Макдональд на деле переходит на сторону буржуазии против пролетариата и доказывает этим, что раскол необходим.

Коммунистический Интернационал не пойдет на единство с партиями, не желающими признать этой истины и не способными своими делами доказать свою решимость, готовность и умение проводить в сознание масс эти истины.

Версальский мир доказал даже глупцам и слепцам, даже массе близоруких людей, что Антанта была и осталась таким же кровавым и грозным империалистским хищником, как и Германия. Не видеть этого могли либо лицемеры и лгуны, проводящие сознательно буржуазную политику в рабочем движении, прямые агенты и прикащики буржуазии (labor lieutenants of the capitalist class, рабочие офицеры на службе у класса капиталистов, как говорят американские социалисты), либо настолько поддавшиеся буржуазным идеям и буржуазному влиянию люди, которые на словах только социалисты, а на деле мелкие буржуа, филистеры, подпевалы капиталистов. Разница между первой и второй категорией важна с точки зрения личностей, т.е. для оценки Ивана или Петра из социал-шовинистов всех стран. Для политики, т.е. с точки зрения отношений между миллионами людей, между классами, эта разница не существенна.

Те социалисты, кои во время войны 1914—1918 г.г. не поняли, что эта война преступная, реакционная, грабительская, империалистская с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т.е. социалисты на словах, шовинисты на деле; друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи „своей“ национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая „национальной“, „освободительной“, „оборонительной“, „справедливой“ и т. п. войну между английской и германской группой империалистов—хищников, равно грязных, корыстных, кровавых, преступных, реакционных.

Единство с социал-шовинистами есть предательство революции, предательство пролетариата,

предательство социализма, переход на сторону буржуазии, ибо это есть „единство“ с национальной буржуазией „своей“ страны против единства интернационального революционного пролетариата, есть единство с буржуазией против пролетариата.

Война 1914—18 годов окончательно доказала это. Кто этого не понял, тот пусть остается в желтом бернском „Интернационале“ социал-предателей.

III.

Рамсэй Макдональд с забавной наивностью салонного социалиста, который бросает слова на ветер, совершенно не понимая их серьезного значения, совершенно не думая о том, что слова обязывают к делам, заявляет: в Берне была сделана „уступка общественному мнению несоциалистических кругов“.

Вот именно! Весь бернский „Интернационал“ мы считаем желтым, предательским, изменническим, ибо вся его политика есть „уступка“ буржуазии.

Рамсэй Макдональд великолепно знает, что мы построили III-й Интернационал и безоговорочно порвали с II-м, ибо убедились в его безнадежности, в его неисправимости, в его роли слуги империализма, проводника буржуазного влияния, буржуазной лжи и буржуазного разврата в рабочем движении. Если Р. Макдональд, желая рассуждать о III-м Интернационале, обходит суть дела, ходит кругом да около, говорит пустые фразы и не говорит о том, о чем надо говорить, это его вина и его преступление. Ибо пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела как благовидная, благоприличная, обывательская ложь. Вопрос об империализме и о его связи с оппортунизмом в рабочем движении, с предательством рабочего дела рабочими вождями, поставлен давно, очень давно.

Маркс и Энгельс в течение сорока лет, с 1852 по 1892 год, постоянно указывали на обуржуазение верхушек рабочего класса Англии вследствие ее экономических особенностей (колонии, монополия на всемирном рынке и т. д.). Маркс завоевал себе в 70-х годах прошлого века почетную ненависть подлых героев тогдашнего бернского интернационального направления, оппортунистов и реформистов, за то, что заклеил многих вождей английских тред-юнионов, как людей, продавшихся буржуазии или оплачиваемых ею за услуги ее классу, оказываемые изнутри рабочего движения.

Во время англо-бурской войны англо-саксонская пресса поставила уже вполне ясно вопрос об империализме как новейшей (и последней) стадии капитализма. Если память мне не изменяет, то никто иной, как Рамсэй Макдональд, вышел тогда из „Фабианского Общества“, этого прообраза берн-

ского „Интернационала“, этого рассадника и образца оппортунизма, охарактеризованного Энгельсом с гениальной силой, яркостью и правдой в переписке с Зорге. „Фабианский империализм“—такое было тогда ходячее выражение в английской социалистической литературе. Если Рамсэй Макдональд забыл об этом, тем хуже для него.

„Фабианский империализм“ и „социал-империализм“, это—одно и то же: социализм на словах, империализм на деле, перерождение оппортунизма в империализм. Это явление стало теперь, во время войны 1914—18 г.г. и после нее, всемирным фактом. Непонимание его есть величайшая слепота бернского, желтого „Интернационала“ и величайшее преступление его. Оппортунизм или реформизм неизбежно должны были перерости в имеющий всемирно-историческое значение социалистический империализм или социал-шовинизм, ибо империализм выделил горстку богатейших, передовых наций, грабящих весь мир, и тем самым позволил буржуазии этих стран подкупать на счет своей монополистической сверхприбыли (империализм есть монополистический капитализм) верхушки рабочего класса этих стран.

Не видеть экономической неизбежности этого факта при империализме могут либо круглые невежды, либо лицемеры, которые обманывают рабочих, повторяя общие места о капитализме и заслоняя таким образом горькую правду о переходе целого течения в социализме на сторону империалистской буржуазии.

А из этого факта вытекают два бесспорных вывода:

Вывод первый: бернский „Интернационал“ есть фактически, по его действительной исторической и политической роли, независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других из его членов, организация агентов международного империализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат.

В странах с давней демократически-парламентской культурой буржуазия великолепно научилась действовать не только насилем, но и обманом, подкупом, лестью, вплоть до самых утонченных форм этих приемов. „Завтраки“ английских „рабочих вождей“ (т.е. приказчиков буржуазии по части надувания рабочих) не даром приобрели известность, и об них говорил еще Энгельс. Того же порядка факт есть „обворожительный“ прием господином Клемансо социал-предателя Мергейма, любезные приемы министрами Антанты вождей бернского „Интернационала“ и прочее и тому подобное. „Вы их обучите, а мы их купим“—говорила одна умная английская капиталистка господину социал-империалисту Гайндману, который

рассказал в своих мемуарах, как эта госпожа—более догадливая, чем все вожди бернского „Интернационала“, вместе взятые,—оценивала „труды“ социалистов-интеллигентов по обучению социалистических вождей из рабочих.

Во время войны, когда Вандервельды, Брантинги и вся эта банда предателей устраивала „международные“ конференции, французские буржуазные газеты смеялись очень ядовито и очень верно: „у этих Вандервельдов нечто вроде тика. Как люди, страдающие тиком, не могут сказать двух фраз без странного подергивания мышц лица, так Вандервельды не могут выступать политически, не повторяя попугайски слов: интернационализм, социализм, международная солидарность рабочих, революция пролетариата и т. п. Пускай повторяют какие угодно сакраментальные формулы, лишь бы они помогали водить за нос рабочих и служили службой шам, капиталистам, при ведении империалистской войны и при закабалении рабочих“.

Английские и французские буржуа бывают иногда очень умны и превосходно оценивают лакейскую роль бернского „Интернационала“.

Мартов писал где-то: вы, „большевики“, носите бернский Интернационал, но в нем состоит „ваш“ же друг, Лорио.

Это—довод мошенника. Ибо всем известно, что Лорио борется за III-й Интернационал открыто, честно, геройски. Когда Зубатов устраивал в Москве в 1902 году собрания рабочих в целях одурачения их „полицейским социализмом“, рабочий Бабушкин, которого я знал с 1894 года, когда он был в моем рабочем кружке в Питере, один из лучших, преданнейших рабочих-„искровцев“, вождей революционного пролетариата, расстрелянный в 1906 г. Ренненкампфом в Сибири, ходил на зубатовские собрания, чтобы бороться с зубатовщиной и вылавливать рабочих „из ее лап“. Бабушкин так же мало был „зубатовцем“, как Лорио „бернцем“.

IV.

Вывод второй: III-ий, коммунистический Интернационал для того и основан, чтобы не позволять „социалистам“ отделяться тем словесным признанием революции, образцы которого дает Рамсэй Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую, реформистскую, националистическую, мелко-буржуазную политику, было основным грехом II-го Интернационала, и с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть.

Когда говорят: II-ой Интернационал умер, потерпев позорное банкротство, это надо уметь понимать. Это значит: обанкротился и умер оппортунизм, реформизм, мелкобуржуазный социализм. Ибо у II-го Интернационала есть историческая за-

слуга, есть завоевание *et cetera* (навсегда), от которого сознательный рабочий никогда не отречется, именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических, использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии и т. п.

Чтобы на деле победить оппортунизм, приведший к позорной смерти II-й Интернационал, чтобы на деле помогать революции, приближение которой вынужден признать даже Рамсэй Макдональд, надо:

Во-первых, всю пропаганду и агитацию вести с точки зрения революции, в противоположность реформизму; систематически разъясняя массам эту противоположность и теоретически и практически, на каждом шагу парламентской, профессиональной, кооперативной и т. д. работы. Ни в каком случае не отказываться (за исключением особых случаев, в виде изъятия) от использования парламентаризма и всех „свобод“ буржуазной демократии, не отказываться от реформ, но рассматривать их только как побочный результат революционной классовой борьбы пролетариата. Ни одна из партий бернского „Интернационала“ не удовлетворяет этому требованию. Ни одна не обнаруживает даже понимания того, как надо вести всю пропаганду и агитацию, разъясняя различия реформ от революции, как надо неуклонно воспитывать и партию и массы к революции.

Во-вторых, надо соединить легальную и нелегальную работу. Этому учили большевики всегда и особенно настойчиво во время войны 1914—18 г.г. Над этим смеялись герои подлого оппортунизма, самодовольно превознося „законность“, „демократию“, „свободу“ западно-европейских стран, республик и пр. Теперь уже только прямые мошенники, обманывающие рабочих фразами, могут отрицать, что большевики оказались правы. Нет ни одной страны в мире, самой передовой и самой „свободной“ из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организационной работы в этом именно направлении. Партия, которая доньше не признала этого при господстве буржуазии и не ведет систематической, всесторонней нелегальной работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которая словесным признанием революции обманывает народ. Таким партиям место в желтом бернском „Интернационале“. В Коммунистическом Интернационале их не будет.

В-третьих, необходима неуклонная и беспощадная война за полное изгнание из рабочего движения тех оппортунистических вождей, которые зарекомендовали себя и до войны и особенно

во время войны как в сфере политики, так в особенности и „в профессиональных союзах и кооперативах“. Теория „нейтральности“ есть лицемерная и подлая увертка, которая помогла буржуазии овладеть массами в 1914—18 г.г. Партии, которые на словах стоят за революцию, а на деле не ведут неуклонной работы за влияние именно революционной, только революционной партии во всех и всякого рода массовых рабочих организациях, суть партии предателей.

В-четвертых, нельзя примириться с тем, что они на словах осуждают империализм, а на деле не ведут революционной борьбы за освобождение колоний (и зависимых наций) от своей империалистской буржуазии: это—лицемерие. Это политика агентов буржуазии в рабочем движении (*labor lieutenants of the capitalist class*). Та—английская, французская, голландская, бельгийская и т. п.—партия, которая на словах враждебна империализму, а на деле не ведет революционной борьбы внутри колоний за свержение буржуазии, не помогает систематически повсюду начавшейся уже революционной работе в колониях, не ввозит в них оружия и литературы для революционных партий в колониях, есть партия негодяев и предателей.

В пятых, величайшим лицемерием является типичное для партии бернского „Интернационала“ явление: на словах признавать революцию и щеголять перед рабочими пышными фразами насчет признания ими революции, на деле же относиться реформистски к тем начаткам, росткам, проявлениям роста революции, каковыми являются всякие выступления масс, ломающих буржуазные законы, выходящих из всякой легальности, например—массовые стачки, уличные демонстрации, протесты солдат, митинги в войске, распространение листов в казармах и в лагерях и т. п.

Если спросить любого героя бернского „Интернационала“, ведет ли его партия такую систематическую работу, он ответит вам либо уклончивыми фразами, прикрывающими отсутствие такой работы: неимение организаций и аппарата для нее, неспособность его партии вести ее, либо декламацией против „путшизма“ (вспышконопускательства), „анархизма“ и т. п. А в этом и состоит измена рабочему классу со стороны бернского „Интернационала“, его фактический переход в лагерь буржуазии.

Все негодяи-вожди бернского „Интернационала“ распинаятся, заявляя о своем „сочувствии“ к революции вообще, к русской революции в частности. Но только лицемеры или дурачки могут не понимать, что особенно быстрые успехи революции в России связаны с долголетней работой революционной партии в указанном направлении, когда годами создавался систематический нелегальный аппарат для руководства демонстрациями и стачками, для работы в войсках, изучались детально

приемы, создавалась нелегальная литература, подводящая итоги опыта и воспитывавшая всю партию в мысли о необходимости революции, вырабатывались вожди масс для подобных случаев и т. д. и т. п.

V.

Самыми глубокими, коренными разногласиями, которые подитоживают все указанное выше и объясняют неизбежность непримиримой теоретической и практической политической борьбы революционного пролетариата с бернским „Интернационалом“, являются вопросы о превращении империалистской войны в гражданскую и о диктатуре пролетариата.

Пленение бернского „Интернационала“ буржуазной идеологией более всего обнаруживается в том, что, не поняв (или: не пожелав понять, или: прикидываясь непонимающим) империалистского характера войны 1914—18 г.г., он не понял неотвратимости ее превращения в войну гражданскую между пролетариатом и буржуазией всех передовых стран.

Когда, большевики еще в ноябре 1914 года указали на эту неотвратимость, филистеры всех стран отвечали тупоумными насмешками, и к числу этих филистеров принадлежали все вожди бернского „Интернационала“. Теперь превращение империалистской войны в войну гражданскую стало фактом в целом ряде стран, не только в России, но и в Финляндии, в Венгрии, в Германии, даже в нейтральной Швейцарии, а нарастание гражданской войны наблюдается, чувствуется, осязается во всех без исключения передовых странах.

Теперь обходить этот вопрос молчанием (как делает Р. Макдональд) или отговариваться от неизбежной гражданской войны сладенькими примирительными фразами (как делают господа Каутский и Ко), равносильно прямой измене пролетариату, равносильно фактическому переходу на сторону буржуазии. Ибо настоящие политические вожди буржуазии давно поняли неизбежность гражданской войны и великолепно, обдуманно, систематически проводят подготовку ее, укрепление своих позиций для нее.

Буржуазия всего мира изо всех сил, с громадной энергией, умом, решительностью, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, осуждая на голод целые страны, готовит подавление пролетариата в надвигающейся гражданской войне. А герои бернского „Интернационала“, как дурачки, или лицемерные попики, или педанты профессора, тянут старую, избитую, истасканную реформистскую песенку! Нет зрелища более отвратительного, более омерзительного!

Каутские и Макдональды продолжают пугать капиталистов революцией, страшать буржуазию

гражданской войной, чтобы добиться от них уступок, согласия на реформистский путь. К этому сводятся все писания, вся философия, вся политика всего бернского „Интернационала“.

Этот жалкий прием лакеев мы наблюдаем в России в 1905 году со стороны либералов (кадетов), в 1917—19 г.—со стороны меньшевиков и „социалистов-революционеров“. О том, чтобы воспитывать массы в сознании неизбежности и необходимости победить буржуазию в гражданской войне, о том, чтобы всю политику вести под углом этой цели, все вопросы освещать, ставить и решать с этой точки зрения,—об этом лакейские души бернского „Интернационала“ и не помышляют. И потому наша цель должна состоять только в том, чтобы окончательно столкнуть неисправимых реформистов, т. е. 9/10 вождей бернского „Интернационала“, в помойную яму прислужников буржуазии. Буржуазии нужны такие прислужники, которым бы доверяла часть рабочего класса и которые бы прихорашивали, подкрашивали буржуазию разговорами о возможности реформистского пути, засоряли народу глаза этими разговорами, отвлекали народ от революции размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути.

Все писания Каутских, как и наших меньшевиков и эсеров, сводятся к такому размалевыванию, к хныканью трусливого мещанина, боящегося революции.

Здесь мы не имеем возможности подробно повторять, какие основные экономические причины сделали неизбежным именно революционный путь и только революционный путь, сделали невозможным иное решение вопросов, поставленных на очередь дня историей, кроме как гражданской войной. Об этом должно писать, и об этом будут написаны томы. Если господа Каутские и прочие вожди бернского „Интернационала“ этого не поняли, то остается только сказать: невежество мнее удалено от истины, чем предрассудок.

Ибо невежественные, но искренние люди труда и сторонники трудящихся легче понимают теперь, после войны, неизбежность революции, гражданской войны и диктатуры пролетариата, чем, напичканные, учеными реформистскими предрассудками господа Каутские, Макдональды, Вандервальды, Брантинги, Турати и tutti quanti.

Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса: „Le feu“ („В огне“) и „Clarté“ („Ясность“). Первый переведен уже на все языки и распространен во Франции в числе 230.000 экз. Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера

именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво.

Массы пролетариев и полупролетариев за нас и переходят к нам не по дням, а по часам. Бернский „Интернационал“ — штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца.

Имя Карла Либнехта во всей буржуазной прессе Антанты во время войны употреблялось для обмана масс, — чтобы выставить разбойников и грабителей французского и английского империализма сочувствующими этому герою, этому „единственному честному немцу“, как они говорили.

Теперь герои бернского „Интернационала“ сидят в одной организации с Шейдеманами, которые подстраивали убийство Карла Либнехта и Розы Люксембург, с Шейдеманами, которые исполняли роль палачей из рабочих, оказывающих палаческие услуги буржуазии. На словах — лицемерные попытки „осудить“ Шейдеманов (точно от „осуждения“ дело изменится!) На деле — пребывание в одной организации с убийцами.

Покойный Харри Квелч в 1907 году был выслан германским правительством из Штутгарта за то, что он назвал „собранием воров“ заседание европейских дипломатов. Вожди бернского „Интернационала“ — не только собрание воров, они — собрание подлых убийц.

От суда революционных рабочих им не спастись.

VI.

От вопроса о диктатуре пролетариата Рамсэй Макдональд отделяется парой слов, как от предмета для дискуссии о свободе и демократии.

Нет. Пора действовать. Дискуссии опоздали.

Самое опасное со стороны бернского „Интернационала“ это — словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения. Каутский говорит уже теперь, что он не против диктатуры пролетариата! Французские социал-шовинисты и „центристы“ подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата!

Доверия они не заслуживают ни на волос.

Не словесное признание нужно, а полный разрыв на деле с политикой реформизма, с предвзвешенными буржуазной свободой и буржуазной демократией, проведение на деле политики революционной классовой борьбы.

Диктатуру пролетариата пытаются признать на словах, чтобы тайком протащить рядом с ней „волю большинства“, „всеобщее голосование“ (так именно делает Каутский), буржуазный парламентаризм, отказ от полного уничтожения, вырывания, славления до конца всего буржуазного государственного аппарата. Этих новых уверток, но-

вых лазеек реформизма надо бояться больше всего.

Диктатура пролетариата была бы невозможна, если бы большинство населения не состояло из пролетариев и полупролетариев. Эту истину Каутский и К^о пытаются фальсифицировать так, что де нужно „голосование большинства“, дабы признать „правильную“ диктатуру пролетариата.

Комичные педанты! Они не поняли, что голосование в рамках, в учреждениях, в обычаях буржуазного парламентаризма есть часть буржуазного государственного аппарата, который должен быть разбит и сломан сверху до низу для осуществления диктатуры пролетариата, для перехода от буржуазной демократии к демократии пролетарской.

Они не поняли, что вообще не голосованиями, а гражданской войной решаются все серьезные вопросы политики, когда в порядок дня поставлена история диктатуры пролетариата.

Они не поняли, что диктатура пролетариата есть власть одного класса, берущего в свои руки весь аппарат новой государственности, побеждающего буржуазию и нейтрализующего всю мелкую буржуазию, крестьянство, обывательщину, интеллигенцию.

Каутские и Макдональды признают на словах классовую борьбу, чтобы на деле забыть о ней в самый решительный момент истории — борьбы за освобождение пролетариата: в момент, когда, взяв государственную власть и поддерживаемый полупролетариатом, пролетариат при помощи этой власти продолжает классовую борьбу, доводя ее до уничтожения классов.

Как настоящие филистеры, вожди бернского „Интернационала“ повторяют буржуазно-демократические словечки о свободе и равенстве и демократии, не видя, что они повторяют обломки идей о свободном и равном товаровладельце, не понимая, что пролетариату нужно государство не для „свободы“, а для подавления своего врага, эксплуататора, капиталиста.

Свобода и равенство товаровладельца умерли, как умер капитализм. Не Каутским и Макдональдам воскресить его.

Пролетариату нужно уничтожение классов — вот реальное содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы от капиталиста, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства классов — на эту пошлость сбиваются Каутские, Вандервельды и Макдональды, — а равенства трудящихся, которые свергают капитал и капитализм).

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берет власть, становится господствующим классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет все.

попытки всех других классов вернуться к капитализму, дает настоящую свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при отмене частной собственности на средства производства), дает им не „права“ только, а реальное пользование тем, что отнято у буржуазии.

Кто не понял этого содержания диктатуры пролетариата (или, что то-же, — советской власти или демократии пролетарской), тот все приемлет это слово.

Я не могу здесь развивать подробнее эти мысли, изложенные мною в „Государстве и революции“ и в брошюре „Пролетарская демократия и ренегат Каутский“. Я могу закончить, посвящая эти заметки делегатам на Люцернском конгрессе, 10-го августа 1919 г., бернского „Интернационала“.

Н. ЛЕНИН.

14-го июля
1919 г.

РАБОЧИЕ И СОЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛИ В АНГЛИИ.

Правительственный проект „национализации“ железных дорог и других перевозочных средств ясно доказывает неизбежность революции.

Промышленная конференция и судьба, постигшая требования шахтеров, с совершенной несомненностью говорят о невозможности достигнуть переворота в общественных отношениях Англии мирным путем.

Билль о путях сообщения: мнимая национализация. Двойное финансовое бремя.

Билль об учреждении министерства путей сообщения, относящийся ко всем внутренним средствам передвижения, не имеет общегосударственного характера.

Он дает министерству право выкупать, ставить под свой контроль, строить и эксплуатировать железные дороги, под'ездные пути, трамваи, внутренние водные пути, дороги, мосты, паромы, всякого рода повозки, гавани, доки, молы, электрические установки и всякие другие сооружения и предприятия, имеющие отношение к транспорту.

Обеспечение дивидендов.

Если министерство возьмет под свой контроль какое-нибудь предприятие, то владельцам его должны быть обеспечены дивиденды, которые будут выплачиваться из сумм, отпускаемых парламентом, т. е. из средств получаемых путем обложения населения. Если контроль министерства поведет к упадку предприятия, владелец его должен быть вознагражден также за счет сумм, отпускаемых парламентом.

Если министерство решит не только контролировать, но окончательно взять в свои руки какое-нибудь предприятие, то оно может купить это предприятие, причем разумеется, цена будет высокая. Если оценка предприятия будет производиться комиссией, то в состав этой комиссии, несомненно, войдут лишь представители имущих классов. Деньги для уплаты владельцу будут отпущены полностью или частью из сумм, занятых у частных капиталистов, которым правительство будет платить проценты. Закон дает правительству право, купив или основав какое-нибудь предприятие,

сдать его в аренду с тем, чтобы оно велось, как частное предприятие. Далее, статья первая первого отдела предоставляет правительству право давать капиталистам казенные субсидии для развития частных предприятий, что может повести к крупным злоупотреблениям.

Статья пятая разрешает министру, с утверждения казначейства, выдавать из сумм, отпускаемых парламентом, авансы учреждениям, компаниям и отдельным лицам, как заимообразно, так и на других условиях, определяемых по его усмотрению, для следующих целей:

- а) для постройки, улучшения и поддержания в надлежащем виде железных дорог, под'ездных путей или трамваев,
- б) для постройки, улучшения и поддержания в надлежащем виде шоссе, мостов и паромов,
- в) для постройки, улучшения и поддержания в надлежащем виде гаваней, доков или молов,
- г) для постройки, улучшения и поддержания в надлежащем виде каналов или внутренних водных сообщений,
- д) для развития и улучшения сухопутного и водного транспорта

Очевидно, таким образом, что здесь уготована богатая добыча для лиц, жаждущих прибылей, и тяжелое бремя для рабочих. Если железные дороги и другие транспортные средства будут находиться под контролем правительства, то дивиденды будут обеспечены владельцам без обычного риска и независимо от случайностей, неизбежных во всяком деле. Если железные дороги будут приобретены государством, то акции будут выкуплены, или же будет по-прежнему производиться уплата процентов по ним. Проценты по займам, заключенным для выкупа железных дорог, лягут тяжелым бременем на народ. Во всяком случае на население будут возложены расходы по содержанию лентяев, живущих доходами с капиталов, вложенных в железнодорожные акции; кроме того, оно же будет нести расходы по содержанию дорого стоящего правительственного аппарата. Министр путей сообщения будет получать пять тысяч фунтов стерлингов в год; его помощники будут получать по тысяче пятьсот фунтов стерлингов; и, кроме того, при-

дется, конечно, содержать целую армию чиновников и низших служащих, не говоря уже о больших расходах на помещения, на бланки и на прочую канцеляршину.

Такого рода „национализация“ или правительственный контроль не рассеет капиталистического кошмара, как это сделала бы настоящая национализация, не принесет рабочим улучшения условий жизни и не повысит уровня их существования, не поведет она и к понижению цен на уголь.

Нет, такого рода национализация даже увеличивает непроизводительные расходы, падающие на данную отрасль промышленности. Истинная национализация рудников, без уплаты вознаграждения и дивидендов их владельцам, может быть произведена лишь путем революции, которая окончательно экспроприирует не только владельцев рудников, но и всех других капиталистов.

Билль о путях сообщения не даст рабочим большей свободы. Напротив того, им в случае какого-нибудь конфликта придется иметь дело со всею полнотою власти правительства. В статье второй встречается зловещая фраза:

„Если министру понадобятся услуги какого-нибудь служащего или рабочего в предприятии, которое по настоящему закону перешло в ведение правительства, то этот служащий или рабочий поступает в распоряжение министра или совсем, для чего требуется его собственное согласие, или на время, для чего требуется согласие владельца данного предприятия“.

Это, повидимому, означает, что, если министерству только на время потребуются услуги рабочих, то оно не обязано заручиться согласием самих рабочих. С какой целью вставлена эта фраза? Мы полагаем, что она продиктована намерением правительства взять в свои руки железные дороги для подавления забастовок, как это случилось несколько недель тому назад во время французской железнодорожной забастовки. Повидимому, британское правительство хочет устранить для себя всякую возможность судебной ответственности за такой шаг, а с другой стороны, оно хочет лишить рабочих права отказаться от работы на железной дороге в случае такого кризиса.

Мы думаем, что к изданию рассматриваемого билля побудил правительство страх перед революцией.

Правительство сочло выгодным взять железные дороги под свой контроль, когда оно вело капиталистическую войну в Европе. Правительство понимает, что для него будет еще более выгодным контролировать железные дороги тогда, когда оно будет вести гражданскую войну против своих же собственных рабочих.

Билль о путях сообщения не означает введения государственного социализма, как утверждают некоторые; в лучшем случае он будет способствовать установлению государственного капитализма; этот закон является не чем иным, как ширмой, скрывающей решение правительства обеспечить себе большую силу для обуздания рабочих.

Социалистическое правительство, приняв в свое ведение железные дороги, не взяло бы на себя ответственности за уплату дивидендов; оно предложило бы работу на одинаковых условиях всем, кто имеет отношение к железным дорогам, будь то машинист или директор правления; оно платило бы нетрудоспособным пенсии в размере полной зара-

ботной платы; оно передало бы контроль над железными дорогами самим рабочим. Такого рода национализация называется „большевизмом“ и подвергается ожесточенным нападкам со стороны тех, кто вложил свои капиталы в железные дороги. Но когда наступит революция, у нас произойдет именно такого рода национализация. Надо поэтому стараться, как можно скорее, приблизить наступление революции.

Объединенная промышленная конференция.

На заседаниях объединенной промышленной конференции обнаружили скудоумие и лживость бывших рабочих вождей обоего пола, позабывших всякую классовую солидарность, которая, может быть, когда-нибудь и была им присуща, и старающихся теперь изо всех сил угодить предпринимателям. Министр труда, сэр Роберт Горн, председательствовавший на конференции, говорил с поразительным цинизмом о безработных. Он заявил, что безработных мужчин в застрахованных предприятиях насчитывается всего 6,5% и что имеется значительно больший процент безработных женщин; это он находил вполне естественным, утверждая, что значительная часть женщин, заполняющих ряды безработных и требующих пособия, вовсе не намеревается снова стать на работу. Мы могли бы рассказать кое-что иное о многочисленных безработных женщинах, которым под тем или иным предлогом отказывают в выдаче пособия, на которое они имеют полное право. Сэр Роберт Горн заявил, что размеры этого пособия объясняют большое число безработных женщин: оно не превышает заработка, который они могли бы получить в предприятиях, в которых они работали до войны, но число безработных теперь сократится, так как правительство собирается понизить еженедельное пособие, для безработных с 25 до 15 шиллингов для женщин и с 29 до 20 шиллингов для мужчин. Так вот как вы, цинические прислужники рабовладельцев, исполняете ваши обещания о социальном переустройстве: вы пользуетесь бедственным положением рабочих для того, чтобы заставить их снова взяться за изнурительную работу.

Особенно неуместно было заявление министра, что, сокращая пособие безработным по истечении определенного срока, правительство „решило следовать примеру тред-юнионов“. Тред-юнионы вынуждают сокращение их фондов к этому шагу, губительному вообще и чрезвычайно жестокому по своим последствиям для мужчин, женщин и детей. Правительство, обрекающее такими мерами безработных на лишения, затрачивает ежегодно свыше 60 миллионов на уплату дивидендов директорам железнодорожных компаний и теперь вводит закон, который должен обеспечить им эту прибыль на все время пребывания железных дорог под правительственным контролем.

На предложение использовать для предоставления работы безработным „национальные“ заводы, основанные ввиду неспособности частных предприятий справиться с грандиозной задачей, от правильного решения которой зависело победоносное окончание войны, сэр Роберт Горн возразил, что правительство решило закрыть эти заводы, так как оно полагает, что „если правитель-

ство само выступит конкурентом в тех отраслях промышленности, к которым ныне обращается частная инициатива, то частная предприимчивость вообще никогда уже не возродится снова“.

Представлялась возможность национализировать промышленность так, что капиталисты не имели бы ни тени основания требовать вознаграждения, раз они сами, боясь конкуренции со стороны государства, отстранились от дел. Но правительства, защищающие интересы капиталистов, не пользуются подобными возможностями для того, чтобы улучшить положение большинства народа. Напротив, они спешат оказать услугу капиталистам в ущерб народным массам.

На конференции не было дано никакого определенного обещания о сокращении рабочего дня; министр труда выяснил, что правительство не намерено прибегать в этом отношении к мероприятиям общенационального характера. Учреждение комиссий для определения заработной платы в наиболее тяжелых отраслях промышленности и советов Уайтли — вот единственная уступка, обещанная рабочим и подлежащая осуществлению лишь в далеком будущем. Но Дж. Р. Клайнс (председатель конференции) заявил, что единственным недостатком речи сэра Роберта Горна было его заявление по поводу пособия безработным. Клайнс сказал, что „он озабочен лишь тем, как бы рабочие не предъявили сразу слишком больших требований“.

Но Клайнс уже неоднократно выступал в качестве открытого союзника капиталистов, Гендерсон же объявил о своей полной независимости после того, как он был изгнан из правительства Ллойда Джорджа. Как отнесся Гендерсон к тому, что рабочих лишают того вознаграждения, которое он постоянно сулил им за поддержку правительства во время войны? Считая, повидимому, что только обеспечение коммерческих условий существования капиталистической машины может интересовать представителя рабочих, эксплуатируемых этой машиной, настойчиво игнорируя защиту интересов рабочих, которую, как он неоднократно уверял, он принял на себя, вступая в коалиционное правительство, он выступил с красноречивым заявлением, что, поскольку не будет предпринято какой-нибудь меры, навсегда устраняющей возможность волнений в промышленности, постольку он не питает „надежды на то, что страна сможет выпонить свои финансовые обязательства“. Затем, он внес следующую неудачно сформулированную и весьма неумную резолюцию:

„Принимая во внимание, что всякая разруха в промышленности, которой можно было бы избежать, всегда достойна особого сожаления, а в настоящий критический период воссоздания может быть особенно губительной для интересов нации; что необходимо приложить все старания к устранению причин законного недовольства и проявить гуманность и добрую волю — конференция постановляет учредить объединенный комитет, состоящий из равного числа предпринимателей и рабочих, как мужчин, так и женщин, с председателем, назначенным правительством, для рассмотрения вопросов: 1) о рабочем дне, о заработной плате и общих условиях труда; 2) о безработице и мерах ее предупреждения; 3) о наилучшем способе осуществления сотрудничества капитала и труда. Ввиду срочности вопроса объединенный комитет будет уполномочен сговориться с правительством относительно нового созыва настоящей конференции не позже 5-го апреля на предмет рассмотрения доклада объединенного комитета.“

Неужели вы забыли, м-р Гендерсон, великолепную речь, произнесенную вами на конференции в Блэмпле, о мощной международной рабочей партии, которая сметет все на своем пути и создаст новый мир? Неужели эта речь была только блефом? Неужели вы сами не верили в то, что говорили? Теперь вы отстаиваете сотрудничество капитала и труда, между тем как только путем борьбы между этими двумя непримиримыми силами может быть свергнут капитализм. Теперь вы говорите, что „разруха в промышленности может быть губельна для интересов нации“.

Ллойд Джордж одобрил резолюцию Гендерсона и убеждал конференцию принять ее. И предприниматели и представители рабочих приняли резолюцию, и немедленно же было назначено по 30 представителей с каждой стороны. Правительство собирается назначить председателя. В вопросах подлежащих рассмотрению этой комиссии не может быть беспристрастного решения; раз председатель, как мы уверены, будет назначен из предпринимательской среды, то рабочие сразу же окажутся в меньшинстве.

Участие в подобных объединенных комитетах губельно для интересов рабочих; оно может надолго отсрочить день их освобождения.

Требования шахтеров и Законодательная комиссия.

Беспомощность безработных.

Конференция шахтеров беспрекословно подчинилась предложениям правительства. Она согласилась отложить забастовку, назначенную на 15-ое, до 22-го марта с тем, чтобы сначала ознакомиться с постановлениями Законодательной комиссии. Она согласилась также участвовать в комиссии. Так как правительство отклонило рассмотрение вопроса об уплате полностью пособия безработным, то конференция решила отказаться от этого требования, и вместо того, чтобы сделать, этот вопрос одним из лозунгов забастовки, она передала его в парламентскую комиссию конгресса тред-юнионов и рабочей партии. Всякому ясно, что это равносильно поручению безработных нежным попечениям правительства; эти попечения сведутся, конечно, к нулю, если только какая-нибудь другая группа промышленных рабочих не возьмет на себя защиты их интересов, или же сами безработные не заявят о себе революционным выступлением. Рабочая партия и конгресс тред-юнионов не способны на активные шаги; мало того, они доказали, что не посоветуют даже своим избирателям вести энергичную самостоятельную политику, хотя бы рабочие и в состоянии были осуществить ее. Вот этот-то момент и был избран правительством для сокращения пособий безработными, при чем на это, ни со стороны шахтеров ни со стороны организаций, которым они передали требования безработных, не последовало никакого протеста.

Согласившись участвовать в Законодательной комиссии, представители шахтеров вряд ли смогут остаться не скомпрометированными. Будут приложены все старания, чтобы возложить на них ответственность за постановления комиссии, и их положение будет чрезвычайно трудно.

Шахтеры согласились войти в комиссию при условии предоставления им половины мест, но в конце концов должны были удовлетвориться 3-мя местами из 12-ти. Предприниматели также имеют 3-х представителей. Правительство назначило шестерых членов, трое из них — представители предпринимателей из других отраслей промышленности, а трое должны ограждать интересы рабочих, занятых в других отраслях промышленности. В результате — социалистические элементы, являющиеся боевой силой в рудниках, вряд ли могут быть довольны представительством шахтеров. Было бы естественно, если бы шахтеры избрали своими представителями своего председателя, вице-председателя и секретаря, хотя даже Роберт Смитли не может считаться действительным представителем более молодых революционных элементов. Но безусловно не справедливо, что престарелый, заядлый реакционер Сидней Вебб избран представителем шахтеров; в конце концов, ведь, сэр Лео Чюица Монеи — либерал, а мистер Тауни — член Рабочей Образовательной Ассоциации, тогда как сами шахтеры — сторонники Центральной Рабочей Коллегии. Лица, избранные правительством в качестве представителей интересов предпринимателей, типичные предприниматели и дельцы; по крайней мере, один из них, как говорят, большой знаток в вопросах угольной промышленности. Лица, избранные правительством для поддержки 3-х представителей шахтеров, являются буржуазными теоретиками, которые не обладают непосредственным знакомством с жизнью шахтеров. Председатель комиссии — судья, а судьи всегда придерживаются самых реакционных взглядов. Шахтеры, таким образом, останутся в меньшинстве или, что еще хуже и всего вероятнее, окажутся в ложном положении.

Вне комиссии стоят рабочие массы. К ним будет обращен настойчивый призыв поддержать своих представителей в комиссии, „лояльно“ подчиниться ее постановлениям и во что бы то ни стало предупредить развал промышленности во время этого важного кризиса мировой истории.

Поймут ли рабочие массы, что они призваны сыграть видную роль в этом кризисе? Увидят ли они, что борьба, потрясающая весь мир, является борьбой рабочих за социализм, и что они, не боясь резкой постановки вопроса, должны решительно примкнуть к международной армии труда? Шахтеры должны понять это и стать во главе британского отряда борцов всемирной революции, которая произведет переворот во всей мировой промышленности.

Война продолжается.

Огромные расходы на борьбу с международным социализмом.

В 1913—14 г.г. расходы на армию исчислялись в 28.346.000 фунтов стерл., в 1919—20 г.г. они достигают огромной суммы в 440.000.000 ф. стерл. Не следует заблуждаться: эти деньги предназначены для борьбы с социализмом.

Черчилль заявляет, что в Архангельске и Мурманске находится союзная армия; он не хотел указать ее размеры, но пояснил, что она на половину состоит из англичан, и что, каково бы ни было решение парижской конференции, эта армия не может быть отозвана раньше конца лета.

„Раз войска должны остаться там, необходимо помочь им подкреплениями и вообще всем, что им понадобится“.

Странно, очень странно, не правда ли, что подкрепления могут быть посланы, а отозвать основные кадры невозможно. Почему же их нельзя отозвать? Объясняется ли это климатическими условиями или только желанием правительства оставить их там и впредь? „Кроме того, заявил Черчилль, мы приняли серьезные обязательства по отношению к населению, которое стало на нашу сторону“. По отношению к населению? Нет, дело здесь не в населении, а в капиталах, помещиках и приверженцах царского режима; британские войска должны защищать имущее меньшинство, а не большинство населения, которое едва располагает необходимейшими средствами существования.

На Кавказе британцы тоже содержат „армию незначительных размеров“. Опять Черчилль утверждает, что она находится там лишь случайно. Она явилась туда для борьбы с турками и случайно осталась там „для поддержания порядка в этой дикой местности и среди этого беспокойного населения, впредь до решения мирной конференции“. Как можно утверждать, что армия лишь „поддерживает порядок“, если постоянно сообщается об ее военных действиях, победах и поражениях. „На этом театре войны нам не приходится защищать специально британские интересы“. Разве? Не слышали ли мы о наличии в Баку нефтяных источников и иных богатств и не было ли недавно заявлено, что эта часть России „явится вскоре выгодным объектом для нашей коммерческой предприимчивости? Но Черчилль заявил также, что эта армия поддерживает генерала Деникина, которому Британия посылает оружие, снаряды и снаряжение, что у нас имеется военная миссия в главной квартире генерала Деникина, и что он одержал за последний месяц большую победу, захватив в плен 30 тысяч большевиков. Часть наших солдат находится, кроме того, также в Сибири, сражаясь под начальством полковника Джона Уорда в рядах адмирала Колчака, этого реакционного правителя, правительство которого существует на доходы, получаемые от продажи водки, и на английские займы.

Черчилль добавил, что в ближайшем будущем союзные правительства должны окончательно определить свою политику по отношению к России. Он не преминул указать, что решение будет принято в Париже, дав понять палате общин, что с ней считаться не будут. Союзным правительствам надлежит также придти к какому-нибудь определенному решению относительно Финляндии, Эстонии, Литвы, Польши и многих других государств, которые, как он заявил, „еще не захлестнуты большевистским потоком“. Повидимому, союзники собираются перенести международную гражданскую войну также и в эти области. На Рейне, по словам Черчилля, тоже необходимо будет содержать сильную армию даже после подписания мирных условий.

Теперь вполне выяснилось, что политика английского правительства требует содержания большой европейской армии. Черчилль пояснил:

„Без этой армии мы не располагаем средствами для влияния или воздействия на ход событий в Европе, если не желаем путем голода толкнуть все страны в объятия большевизма“.

Необходимо помнить, что политика воздействия при помощи большой армии была политикой, которую, как утверждали, проводила Германия, и которую, казалось, осуждала Британия. Но мы всегда утверждали, что политика всех капиталистических и милитаристических держав почти тождественна.

Но именно эта политика непрекращающейся войны, военного вмешательства и блокады и „толкнет все страны в объятия большевизма“ и ускорит наступление социальной революции в других странах и в самой Англии.

Почему же союзные капиталисты придерживаются такой политики которая губительна для них самих и которая, хотя и причиняет в настоящий момент страдания, окажется в конечном счете благотворительной для рабочих? Мы думаем, что союзные капиталисты не вполне единодушны в вопросе о наиболее рациональной политике. Одни из них

несомненно намереваются добиться дальнейших уступок от Германии при помощи блокады и путем полного уничтожения ее значения, как экономического соперника; другие, наиболее воинственно настроенные, считают необходимым вступить в бой с социализмом. Они желают произвести оккупацию Германии и всех стран, расположенных на восток от Германии, для того, чтобы вступить в борьбу с социализмом повсюду, куда он проник, и искоренить его раньше, чем он распространится на союзные страны.

Но именно эта безумная ярость, не смущающаяся возможностью новой войны, еще более ужасной и грандиозной, чем война, из которой мы только что вышли, несомненно ускорит наступление антитезиса ее, т. е. социализма, несущего с собой всемирное братство всех народов.

Э. Сильвия ПАНКХЭРСТ.

КАУТСКИЙ — ВИЛЬСОН.

„Демократ“ Каутский нашел нужным взять под свою защиту своего великого собрата „сверх“ демократа Вильсона и „разъяснить“ его политику: ведь осмелились же некоторые рабочие утверждать, что Вильсон является представителем американских трестовых королей и американского империализма, а его „демократическая“ Лига Наций — опасным оружием потерявшего стыд и совесть кровавого доллара.

Для нашего вразумления Каутский и выпустил брошюру: „Корни Вильсоновской политики“. В предисловии к ней говорится: „Если Лиге Наций удастся заложить фундамент новой национальной и международной политики, то мы сможем смотреть на будущее с полной уверенностью“. Осуществление же этих радужных перспектив зависит, по словам Каутского, от двух факторов, „от силы интернационалистически настроенной части пролетариата и от могущества Америки и ее президента Вильсона“.

Так как могущество Америки не подлежит никакому сомнению, то, очевидно, что для возможности „спокойно глядеть на будущее“ требуется лишь поддержка Вильсона со стороны рабочих-интернационалистов. Вначале, пожалуй, не обойдется без некоторых „нарушений права наций на самоопределение“, но Лига Наций не замедлит поправить дело: „дайте только народам время притти в себя и преодолеть моральные последствия войны, и прежние враги снова внесут справедливость в свои взаимные отношения“.

Эта заманчивая идиллия была нарисована „марксистом“ Каутским около Рождества 1918 г., следовательно, уже в то время, когда союзники, оказавшись полными победителями, стали усиленно готовиться к разделу мира.

Какими, однако, судьбами Вильсон очутился в роли передового борца за интересы интернационалистически мыслящего пролетариата? Каутский объясняет нам это в своей брошюре, опираясь на книжонку одного буржуазного немецкого писателя М. И. Бонна, озаглавленную: „Чего хочет Вильсон“?

Судя по обстоятельным цитатам Каутского, выраженные в означенной книжонке взгляды мало чем отличаются от рассуждений наемной американской буржуазной прессы; это обстоятельство, однако, не мешает Каутскому думать, что она „очень хорошо уясняет нам мирную и военную политику Америки“.

Бонн уверяет нас, а Каутский вторит ему, что, „он (Вильсон) действует вполне искренно и независимо, от империалистов своей страны“. Политика Вильсона, по словам Каутского, соответствует традиционной американской политике, в свою очередь, основанной на своеобразных условиях развития Соединенных Штатов с их молодым общественным укладом и полной оторванностью от Европы. С американскими же трестами и империализмом, по мнению Каутского, политика Вильсона не имеет ничего общего. Это звучит дико в устах Каутского, который, ведь, указывает на то, что нигде так не развиты тресты и финансовый капитал, как именно в Северо-Американских Штатах. Он даже прибавляет, что это развитие и в Америке положило первое начало империализму: „(по всем этим причинам) в Америке прежде всего развился финансовый капитал, империалистические тенденции, которого прежде всего и пришли в столкновение с традиционной миролюбивой политикой страны“. Затем Каутский указывает на завоевание Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин; на сооружение Панамского канала и на основание Панамской республики, как на главные проявления этого американского империализма. „Главной целью при этом было господство над Тихим океаном, превращение его в американское море, путем распространения американского владычества с восточных его берегов на западные, включая и Китай“. Все это, конечно, не очень-то миролюбиво. Но Соединенные Штаты скоро оставили свои юношеские империалистические заблуждения, ибо, „империализм есть простая тенденция, глубоко коренящаяся, правда, в экономических интересах, но легко преодолимая при встрече с достаточно сильным сопротивлением“.

Каутский не называет нам тех сил, от которых должен исходить отпор все растущему могуществу финансового капитала. Он указывает лишь на то, что вследствие все растущих военных затрат (с 1912 г. по 1914 г. общая сумма расходов на армию и флот возросла с 84 мил. дол. до 314 мил., что, конечно, сущие пустяки для такой державы, как Соединенные Штаты) в американском народе „все усиливалось“ враждебное отношение к империализму.

С другой стороны, по мнению Каутского, американский финансовый капитал не обнаружил безусловной приверженности к империализму еще и потому, что для американской крупной промышленности железнодорожные сооружения были гораздо важнее, чем работа на армию. Здесь Каутский явно ошибается, упуская из виду главным образом выгоды непосредственно заинтересованных в войне военных промышленников, для которых самые заманчивые перспективы связаны, конечно, именно с мощным развитием империализма. Но империализм имеет свои корни во всем капиталистическом развитии, с его тенденцией к установлению доминирующего значения финансового капитала. Вывоз капитала, в форме средств производства, железнодорожных материалов и т. д. — его характернейшая особенность. И тут Соединенным Штатам никак уж нельзя отказаться от своих империалистических тенденций в то самое время, когда и для всякого филистера ясно, что Америка из земледельческого государства стала промышленным, и что для нее поэтому потребность в вывозе продуктов промышленности будет все более усиливаться. В качестве доказательства Каутский приводит все растущее число голосов „демократической“ партии по сравнению с „республиканской“. Но различие между этими двумя капиталистическими партиями может быть установлено разве лишь при помощи микроскопа, и тогда только мы увидим, что „демократы“ характеризуются лишь большим лицемерием и более тонким умением дурачить рабочих. Да и сам Каутский признается (конечно, в другом месте), — что „они (обе американские буржуазные партии) все более превращаются в простые компании охотников за теплыми местечками“.

Как, однако, обстоит дело с Китаем и южноамериканскими республиками? Разве Америка отказалась от своих вождедсий в этом направлении? Каутский ловко обходит этот вопрос. „Панамериканские“ стремления приветствуются им, как первый шаг к всеобщему миру, а для Китая „политика открытых дверей“ будет де означать новую эру! Как будто не требуется военной силы для того, чтобы открыть эти, кстати сказать, полузамкнутые двери, а еще больше, — чтобы удержать их в таком „открытом“ состоянии. И для чего другого должно послужить это „открытие дверей“, как не для ввоза через них продуктов американской машиностроительной и железодобывательной промышленности? А это влечет за собой постройку в Китае железных дорог, основание там новых отраслей промышленности и концессий всякого

рода. И неужели все это можно будет оставить потом без всякой охраны, несмотря на опасности, грозящие со стороны китайских революционеров и на поползновения иностранных соперников? Каким бы красивым именем не прикрывалась империалистическая политика, последствиями ее все же будут разбой, убийство и беспощадная реакция. Американские рабочие уже сейчас могут нам многое рассказать на этот счет. И для миллионов пролетариев, вынужденных за голодную плату изнывать в непомерно тяжелой работе на заводах и рудниках, остается только один выход — борьба со всеми империалистами и их слугами. Ибо и прославленный избыток невозделанных земель отошел уже в область тех легендарных традиций, которые Каутский все еще изображает как настоящие пружины Вильсоновской политики. Пишет же он: „итак Вильсон вел антиимпериалистическую политику в полном согласии с большинством своего народа, избравшего его вторично в 1916 году, и в соответствии с традициями страны“.

Вряд ли стоит подробно останавливаться на истолковании Каутским мотивов, заставивших Америку принять участие в войне. Он вполне присоединяется к утверждениям Бонна, который в названной своей брошюре повторяет вслед за американскими газетными борзописцами, что „Вильсон занял непримиримую позицию в вопросе о ничем неограниченной подводной войне; Вильсон был возмущен двусмысленной немецкой политикой в Мексике“. (Что случилось бы с Лигой Наций, если бы перестали верить красивым „двусмысленностям?“) Наконец, русская февральская революция грозила ослабить державы Согласия. Америка де выступила для восстановления нарушенного военного равновесия и для обеспечения „справедливого“ мира. Выдвинутые Вильсоном мирные условия, по мнению Каутского, заключали „в сущности требование демократизации Германии“; ибо демократизация иностранных государств является „необходимой предпосылкой и вернейшим залогом прочности Лиги Наций, международных третейских судов и всеобщего разоружения“. „Только при всеобщей демократизации“, говорит Каутский, ссылаясь при этом даже на Канта, „различные государства могут приобрести то взаимное доверие друг к другу, без которого немыслимо действительное всеобщее разоружение“.

Ноябрьская революция в Германии и выполнила это условие и притом раньше и „более основательно, чем я (Каутский) полагал“. „Заграничная демократия может поэтому с уверенностью протянуть руку немецкому народу. У нее имеются все основания предложить ему мир на условиях, которые сделали бы этот мир поистине продолжительным“.

Не знаешь, чему более удивляться: полному ли отсутствию социалистической мысли или той униженности, с какой Каутский ползает у ног Вильсона и прочих кровавых „демократов“, вымаливая у них „справедливый“ мир.

С. Ю. РЕТГЕРС.

ДОЛГ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ.

В поезде, уносящем меня на юг, я вспоминаю о моем быстром переезде из Одессы в Петроград, еще более усилившем во мне чувства преклонения и любви по отношению к народу-мученику, в течение двух лет безропотно страдающему и истекающему кровью ради создания нового братского общества народов на развалинах старого мира, исполненного анархии и варварства и рухнувшего под бременем позора войны.

На огромном расстоянии от Черного до Белого моря встречается масса явлений, вызывающих подлинную скорбь, но вместе с тем наблюдается немало и поучительных фактов, укрепляющих нашу веру в будущее и могущих заинтересовать, просветить и привлечь к нам наших европейских товарищей, упорно не желающих нас понять или не решающихся действовать.

Только что возродившаяся юная Украинская Советская Республика, встреченная с радостным энтузиазмом рабочими массами, освобожденными, наконец, от притеснений военных канцелярий Скоропадского и Франше д'Эсперэ, оказалась стоящей перед множеством задач, большая часть которых уже разрешена ее старшей сестрой и заботливою покровительницей — Социалистической Россией. Украинская республика должна посвятить свои силы защите своего еще непрочного существования. Отброшенные вначале натиском революционных солдат, батальоны авантюриста Петлюры, полки царского генерала Деникина, дивизии румынского короля и польского буржуазного правительства образуют грозное кольцо. И в то время, когда, видя грозящую революции опасность, крестьяне и рабочие спешат в ряды армии, бросив полевые работы и оставив все на стариков и детей, — черные банды Григорьева и зеленых, получающие поддержку, деньги и оружие от агентов Антанты, выходят из лесов, где они окопались, взрывают поезда с предметами продовольствия и военного снаряжения, грабят деревни и города и наводят ужас на их обитателей, убивают евреев целыми тысячами и подвергают пыткам революционеров. Теперь, благодаря героическому самоотвержению народа, поднявшегося всею своею массой, военное положение, одно время казавшееся таким безнадежным, значительно улучшается.

После моего четырехмесячного отсутствия я нашел, что дело социального строительства, которое испытывает на Украине такую пагубную задержку вследствие внезапного отъезда на фронт наиболее деятельных представителей Советской власти, в Великороссии, наоборот, сделало удивительные успехи. Если внутренняя контр-революция окончательно подавлена, то война, далеко, еще не закончена. Через девять месяцев после заключения перемирия, через два месяца после подписания

общего мира Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон все еще вынуждают социалистическую республику держать под ружьем несколько миллионов граждан. Ей необходимо держаться и побеждать повсюду: и на западе, и на востоке, и на севере, борясь против лакеев империализма, против сторонников старого режима, против белогвардейцев адмирала Колчака, Падеревского и Галлера, Маннергейма и Юденича. Если не установится международный революционный фронт, если весь рабочий класс Запада дружно не восстанет, то буржуазная и капиталистическая олигархия не положит оружия до тех пор, пока не выпустит последней капли крови из последнего революционера. Изнемогающая от такой борьбы, вся истекающая кровью и покинутая европейским пролетариатом, за благо которого она с таким отчаянием борется, Россия со святым героизмом принесет себя в жертву до конца.

Кажется почти невероятным, что советская власть, обреченная на такую неслыханную борьбу, все-таки с каждым днем все более и более расширяет свою грандиозную работу социалистического творчества.

Та простая и спокойная уверенность, с которою петроградский пролетариат стойко выполняет свою миссию под непосредственной угрозой неприятеля, является одним из наиболее редких и блестящих примеров человеческой доблести. Он неустанно продолжает развивать свою деятельность, несмотря на нападения белых из Эстляндии и Финляндии, союзных отрядов, находящихся на севере, и английской балтийской эскадры, несмотря на предательство бывших царских офицеров, вступивших в Красную Армию для того, чтобы изменить ей, несмотря на дикие нападения английских летчиков, бросающих бомбы в окраинах города и убивающих десятки женщин и детей, несмотря на жестокий голод.

В то время, когда бои подходят чуть ли не к воротам города, предпринимаются крупные общественные работы: уничтожение антисанитарных кварталов, проложение новых дорог, устройство канализации, водопроводных фильтров, водосточных труб и прочее. Производится приспособление буржуазных домов для нужд рабочих семей. Вокруг города устраиваются обширные городсады. В каждом районе растут учреждения: капли молока, ясли и школы. Пышные особняки, выстроенные аристократами в окрестных лесных местностях, превращаются, один за другим, в детские колонии. А в гигиенически устроенных мастерских, преобразованных согласно требованиям науки и опыта, мало-по-малу водворяются в среде рабочих порядок и дисциплина, устанавливаемые рабочими комитетами. Права и благосостояние рабочих, все их материальные и моральные потреб-

ности обеспечиваются целым рядом постановлений, осуществляющих в действительности гораздо больше того, о чем лишь дерзают мечтать самые передовые рабочие на Западе.

Большинство русских городов следуют примеру великого красного Петрограда. Повсюду идет работа, повсюду царит бодрое настроение.

Однако, сколько же времени еще пролетарское правительство, лишенное хлеба, угля и железа, будет в состоянии само выдерживать такое страшное двойное напряжение? Ведь, с одной стороны, ему приходится оказывать сопротивление беспрестанно бушующим на границах государства волнам реакции, а с другой, — оно продолжает сложную работу социального переустройства. Будучи предоставлено своим собственным силам, не обречено ли оно на гибель? Неужели же европейские коммунисты и социалисты могут примириться с самою мыслью о такой гибели? Неужели они не понимают, что на их плечи обрушится еще более тяжкое бремя в том случае, если империализм, победив русскую революцию, объединив свои силы, выступит против своего же пролетариата? Неужели они не знают, какими потоками крови закрепят свою победу мировая реакция? Разве они забыли, что белогвардейцы повсюду, где им удавалось одержать кратковременный успех, убивали тысячи и десятки тысяч жертв? Они, наверно, слышали, ведь, об избиениях, которые продолжают теперь чинить Деникин, Григорьев и Петлюра на Украине, Колчак на Урале и в Сибири, Маннергейм в Эстляндии и в Финляндии, и до них должны были дойти ужасные стоны крестьян и рабочих, подвергнутых царскими палачами самым страшным мучениям. Неужели же европейским коммунистам и социалистам об этом ничего неизвестно? Но если они знают об этом, то как же их совесть может быть безмятежно спокойна и как же они не понимают, что в конце концов ответственность за эти ужасные преступления ляжет на них? Что же сделано ими для того, чтобы предупредить эти преступления?

Что сделали до сих пор для спасения русской социалистической революции лица, стоящие во главе пролетарских организаций Запада? — Ничего. Ибо ограничивать свою деятельность напечатанием нескольких газетных статей и произнесением нескольких фраз с трибуны — значит не сделать ничего.

А что сделали сами пролетарские массы? — Ничего. Ибо ограничивать свою деятельность митинговыми речами и уличными манифестациями — значит не сделать ничего.

Ничего не сделав, они ничего и не добились.

Они несколько раз обращались к правительствам Антанты с требованиями о прекращении отправки войск в Россию. Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон, несмотря на это, продолжают посылать против большевиков все новые отряды, и если в течение некоторого времени такая отправка задержалась, если даже оказалось необходимым некоторые полки вернуть из России во Францию, то это произошло исключительно потому, что сами солдаты, поняв истинное положение вещей, благодаря нашей пропаганде, а в особенности благодаря фактам, отказались исполнять гнусную роль палачей своих русских братьев и подчиняться приказам, призывавшим их к убийству.

Слыша о том, что бюро Генеральной Федерации Труда и административная комиссия фран-

цузской социалистической партии шлют свои поздравления восставшим на Черном море французским солдатам и матросам, что Марсель Кашэн с парламентской трибуны призывает солдат Восточного экспедиционного корпуса к неповиновению, я чувствую, что все эти жесты еще более подчеркивают всю робость и нерешительность вождей, не умеющих предусматривать события и руководить ими, неспособных проявить мужественную революционную деятельность и могущих лишь задним числом санкционировать факты, совершившиеся исключительно по инициативе самих рабочих. Вместо того, чтобы идти впереди рабочих, они идут вслед за ними; вместо того, чтобы толкать их вперед, они умудряются сводить на нет их порывы.

Увы! Нет больше Жореса. И за все эти пять лет, в течение которых мы его оплакиваем, никогда еще невознаградимость понесенной 31 июля 1914 г. утраты не чувствовалась с такой остротой, как теперь.

Среди всех западных социалистов он первый понял все величие и несравненную красоту русской пролетарской революции. Его проникательный государственный ум, его пылкая вера в революцию очень скоро привели его к сотрудничеству с Лениным. Никто не посмеет утверждать и даже допустить мысль о том, что этот великий человек, человек бесконечной доброты и высоких нравственных правил, защитник всех слабых и борец за освобождение всех угнетенных народов, мог бы хоть на миг, по недомыслию или из трусости, стать безгласным или бездейственным сообщником самого ужасного преступления, а именно — медленного удушения народной революции.

„Что мне в вас нравится, — сказал однажды Жоресу Жюль Гед, — это то, что у вас дело немедленно следует за мыслью“.

Да, Жорес с первого же дня разоблачил бы роковой и преступный замысел. Со всем присущим ему благородством и бесстрашием он мужественно встал бы между разбойничьими правительствами Антанты и русской революцией и открыто призвал бы французский народ к восстанию.

Но Жореса нет, а его преемники еще не появились. Мы не обманываем себя иллюзиями. На помощь русской революции, которой угрожают удушением, мы не призываем ни социал-предателей, перешедших на службу к буржуазии, ни ложных интернационалистов, вся деятельность которых вот уже целый год ограничивается лишь ораторскими протестами и которые ведут разговоры и споры с разбойниками, вонзающими нож в горло несчастного русского народа. Мы не обращаемся и к важным сановникам Генеральной Федерации Труда. Полученное нами официальное американское радио с презрительной иронией похваливает этих господ за то благоразумие, которое было внушено им грубыми угрозами Клемансо, и за рабскую угодливость, с которой они согласились отказаться от всеобщей забастовки, столь торжественно заранее возвещенной всему миру. Мы это предвидели. Эта жалкая капитуляция, по крайней мере, откроет глаза синдикалистским массам. Они поймут, наконец, что эти люди, которые считают ниже своего достоинства стоять во главе таких великих рабочих выступлений, какими являются забастовки, не заслуживают дальнейшего доверия. В тот момент, когда пролетариат, напрягая все свои силы и,

всю свою энергию, будет готовиться не к простому выступлению, а к восстанию, иначе говоря, к революционной войне, он заклеит и прогонит тех вождей, которые, дезертировав перед началом битвы, несомненно оказались бы предателями во время сражения.

Именно к пролетарским массам, к ним одним, к еще неизвестным вождям, которые вырвут революционный факел из слабых рук чиновников и парламентариев европейской социал-демократии, обращаемся мы с призывом зажечь пожар.

Можно ли найти более справедливый и более благородный лозунг, чем защита русской революции, для призыва к освободительному движению, которое должно повлечь за собою крушение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата и подготовить господство коммунистического режима? Довольно митингов и мирных демонстраций! Пусть рабочие, не покладая рук, готовятся к этому движению. Пусть они образуют с этою целью в городах и селениях тайные организации, советы рабочих, крестьян и солдат. Пусть они повсюду разыскивают, добывают и накапливают оружие и военное снаряжение. Пусть они выбирают начальников из своей среды. Война подготовила к командованию многих сынов народа. Пусть они формируют отряды не многочисленные, но дисциплинированные и смелые. Пусть они обеспечат себе поддержку или по крайней мере нейтралитет со стороны войск. И, выходя на улицу, пусть каждый из них возьмет с собою браунинг и бомбу.

Пусть они требуют всего, и они добьются всего.

В России остались незначительные отряды войск Антанты. Своими собственными усилиями солдаты добились возвращения их на родину, и мы с достоверностью утверждаем, что французские солдаты, образовавшие совместно с нами группы коммунистов в Южной России, в Бессарабии и в самой Румынии, окажут пролетариату деятельную поддержку. Тем не менее, некоторые солдаты союзников еще остаются в России, и все время продолжают прибывать новые отряды. Остаются и прибывают солдаты добровольцы, бедные, несознательные люди, которые делают свое гадкое дело сначала без одушевления, а затем с отвращением. Остаются и прибывают главным образом наиболее послушные и наименее щепетильные прислужники реакции и капитала, блестящие офицеры-служисты, явившиеся вместе с генералом Бертелло для того, чтобы обучать, организовать и подбивать на борьбу с революцией несчастных румынских крестьян, или приехавшие с генералом Жанэном, чтобы выполнять подобную же работу при Колчаке и Деникине, или с генералом Нисселем для формирования польской армии против большевиков и прочее. Необходимо требовать прежде всего немедленного отозвания всех этих военных отрядов, всех этих специальных миссий, действующих против революционных государств как в России, так и на Балканском полуострове и в Венгрии.

Европейские рабочие, кроме того, должны добиться прекращения дальнейшей поддержки, оказываемой контр-революционным и антисемитским войскам, восстановителям кнута, виновникам погромов и палачам социалистов,—Колчаку, Деникину, Маннергейму, Юденичу и прочим сторонникам старого режима, против которых восстали не только большевики, но и все русские социалисты, меньшевики, социал-демократы и социал-революционеры.

Будучи не в силах заставить своих солдат задушить русскую революцию, Антанта осыпает золотом золотопогонных бандитов. Она обильно снабжает их по Сибирской железной дороге, через Белое и Черное моря оружием, воинским снаряжением, летательными аппаратами, танками, удушливыми газами, благодаря чему у них оказывается подавляющее превосходство в вооружении по сравнению с рабоче-крестьянской красной армией. Достаточно будет и того, если французские, английские, американские портовые рабочие, следуя прекрасному примеру солидарности, проявленному итальянскими доковыми рабочими, откажутся работать по нагрузке какого бы то ни было военного материала и в случае надобности не остановятся перед тем, чтобы взорвать нагруженные желтыми войсками транспорты.

Предоставленные своим собственным силам, контр-революционные банды будут быстро уничтожены красными войсками. Они были бы уничтожены еще год тому назад, если бы Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон не оказывали белым такой сильной поддержки.

Таким образом прекратилась бы гражданская война, и миролюбивое советское правительство, которое с самого своего возникновения не переставало требовать мира, соглашаясь ради этого на всякие жертвы, получило бы возможность произвести демобилизацию. Благодаря этому, всякого рода работники, техники и специалисты, десятки тысяч которых, в настоящее время находятся в рядах армии, могли бы вернуться на свои места, остающиеся незанятыми на заводах, в сельских хозяйствах, в административных учреждениях. Но для того, чтобы дать возможность русской революции снова взяться за трудное дело социалистического переустройства и вести его в нормальных условиях, требуется нечто большее: необходимо снять блокаду.

Россия, представляя собою крестьянскую страну, располагала слабо развитым промышленным аппаратом и ввозила в огромных количествах предметы фабричного производства, вывозя в обмен на них хлебные продукты, пеньку, лен и металлы. Для обработки земли ей необходимы заграничные сельскохозяйственные орудия, для перевозки урожая ей нужны изготовляемые у нас паровозы и вагоны, для восстановления разрушенного войною промышленного аппарата она нуждается в наших машинах.

Отказавшись от мысли победить Россию исключительно военными силами, Антанта решила принудить ее к сдаче блокадою. В течение восемнадцати месяцев не только она сама отказывается что бы то ни было покупать у нее или продавать ей, но даже добродетельная Лига Наций,—это могучее орудие для притеснения пролетариата, устроенное лицемером Вильсоном,—запретила неприятельским и нейтральным государствам поддерживать с Россией какие бы то ни было торговые сношения.

Эта жестокая блокада расстроила русский транспорт, затруднила снабжение населения продовольствием, разорила русскую промышленность и земледелие. Благодаря ей, сотни тысяч невинных жертв, стариков, больных, женщин и детей погибли от нужды и голода. Ответственность за все эти жертвы лежит на европейском пролетариате, который не сумел их предотвратить. Пусть же он

не усугубляет своей вины своим дальнейшим безучастным отношением. Пусть он потребует и добьется немедленного снятия блокады и восстановления экономических сношений между Россией и Антантой, не останавливаясь для достижения этого и перед революционными средствами.

Судьбы революции, т. е. вся будущность рабочих масс всего мира, благо и возрождение всего человечества, находятся в руках западных пролетариев...

Им предстоит или стать жалкими и одурченными соучастниками преступления,—если они позволяют сокрушить советскую власть в России и Венгрии, тем самым покрыв себя вечным позором и затруднив и отдалив свое собственное освобождение,—либо, сформировав боевые организации,

немедленно начать наступление, заставить Антанту разжать свои тиски, и спасти Россию и Венгрию, добившись того, чтобы за торжеством революции в этих странах последовало торжество ее во всем мире.

Того несравненного вождя, каким был Жорес, уже нет. Официальными лидерами западной социал-демократии и синдикализма являются предатели, ограниченные или трусливые люди. Революционный натиск пролетариата должен быть совершен им самим, и только им. Но пусть он поспешит, он и так уже слишком промедлил.

Жак САДУЛЬ.

Между Петроградом и Москвой.
24 июля 1919 года.

+ ИЗ ДОКУМЕНТОВ Г. ШАРЛЯ ДЮМА.

Шарль Дюма является, как известно, одним из самых видных представителей французского социал-патриотизма. Примыкая к крайнему правому флангу этого направления, он, вместе с Компер-Морелем, Адрианом Вебером и Александром Варенном, представляет собою в настоящее время одного из самых рьяных сторонников политики вмешательства в русские дела. Несмотря на это, Кашэн и Лонге считают его добрым товарищем, с которым произошла лишь некоторая, временная размолвка. Шарль Дюма, бывший в течение первых месяцев войны управляющим делами министра без портфеля—Жюля Гэда (который променял свой марксизм на пустой министерский портфель), был командирован с деловым поручением в Россию, куда он ездил два раза. В Петрограде и Москве он поддерживал связи с французскими агентами и с некоторыми представителями меньшевиков и эсеров, но данное ему поручение его мало удовлетворяло, и он — да и не только он один — мечтал о том, чтобы занять место Нуланса, по отношению к которому он неоднократно проявлял свою враждебность.

Во время обысков, произведенных недавно в канцелярии французского генерального консульства, находившейся в помещении Датского Красного Креста в Москве, были взяты некоторые бумаги, представляющие собою, несмотря на свою запоздалость, весьма значительный интерес. Бумаги эти оказались большею частью черновиками тех сообщений, которые Дюма регулярно посылал Пешону. При своем поспешном отъезде из Москвы, когда Дюма второпях даже не позаботился поинтересоваться судьбою двух арестованных его секретарей, он вложил эти бумаги в большие, запечатанные сургучом конверты, на которых значился

следующий адрес: Г. Шарлю Дюма, Париж, ул. François I, № 3, Дом Печати (Maison de la Presse *).

2-го апреля 1918 г. Шарль Дюма отправил французскому послу Нулансу, переехавшему в Вологду, письмо с просьбой о выдаче 100.000 рублей для одной газеты. Он упрекал Нуланса за его скудость, которая, действительно, известна была всем. «С большим трудом — писал он — Вы дали мне на это сорок тысяч рублей, а затем уехали. Вы оставили для меня 10.000 рублей, которые, впрочем, отыскились лишь спустя много времени после Вашего отъезда и которые я получил лишь в Москве. Результатом всего этого было то обстоятельство, что газета, очутившись сразу без средств, должна была прекратить свой выход, задолжав некоторым лицам, а я лишен был возможности выполнить мои обязательства.» Он жалуется далее на то, что Нуланс передал в его распоряжение лишь ничтожную часть кредита в три миллиона франков, открытого ему Военным Комитетом. 10 апреля Нуланс написал своему «дорогому другу» ответное письмо, в котором указывал, что направленные по его адресу упреки не мало его удивили. «Что касается выдачи денег, то, внося в Ваши предложения некоторые ограничения, я воспользовался лишь тем правом, которое было предоставлено мне правительством, уполномочившим меня принимать эти предложения или отклонять их. Питая к Вам расположение и зная Вашу исключительную добросовестность, я никогда не требовал подробных объяснений и, не задумываясь, шел навстречу

*) В Доме Печати за все время войны работали литераторы, политические деятели, журналисты и полицейские агенты; он представлял собою бюро пропаганды министерства иностранных дел, и там производились также и работы шпионского характера.

Вашим желаниям, и я отнесся бы несравненно строже, если бы мне пришлось разрешать тот или иной вопрос по отношению к самому себе." Затем бывший посол пишет: "Я держусь того мнения, что расположение наше к некоторым русским партиям только тогда должно склоняться нас к оказанию им денежной помощи, когда они могут оказать нам действительную пользу. А я позволяю себе думать, что лицо, обратившееся к Вам по делу об издании газеты, в данный момент не может иметь никакого влияния на судьбы государства". Наконец, Нуланс в своем письме указывает своему "дорогому другу", что не следует преувеличивать значение данного ему "поручения". "Находясь вдали от Вас, я не мог предоставлять Вам больше полномочий по сравнению с теми, которыми Вы пользовались в бытность мою в Петрограде. Если Вы имели в виду дать полезное назначение каким-либо средствам, то Вы должны были сообщить об этом генеральному консулу в Москве, который, в мое отсутствие, запросил бы указаний от министерства иностранных дел для совместного с Вами обсуждения целесообразности предполагаемого расхода".

Не менее, чем поведением Нуланса, Дюма недоволен и поведением военной миссии, против которой он также высказывает ряд обвинений. 4 января 1918 года он сообщает Пишону: "Я считаю принципиально необходимым всецело предоставить направление нашей политической деятельности послу и компетентным дипломатическим агентам. Это нисколько не помешает военным быть полезными на других поприщах, скорее наоборот".

Из других бумаг, которые в скором времени будут полностью опубликованы*), выясняется деятельность Дюма по вопросу о вмешательстве в русские дела. 10 апреля 1918 г. он пишет: "Если только вы хотите спасти положение, то необходимо предпринять немедленную и энергичную интервенцию. Не говоря о деятельности, предпринятой во Владивостоке, безусловно необходимо, чтобы между союзные войска в большом количестве произвели десант в Архангельске и на Мурмане. Это оправдывается занятием немцами Финляндии. Вокруг этих союзных войск быстро сформируется чисто русская армия численностью от двухсот до трехсот тысяч человек. Что касается большевиков, то на них не стоит больше обращать внимания. Возможно, что для своего спасения они будут искать нашей дружбы, но пред нами окажется лишь разлагающийся труп. Как социалист, я должен заявить, что вся их деятельность всегда была лишь прямым отрицанием социализма и что в настоящее время обманутое ими неизмеримое большинство русских рабочих покидает их, и свободные выборы сразу обнаружили бы потерю ими всякого доверия".

"Союзники изменили бы своим демократическим и правовым принципам, если бы сделали что-нибудь для спасения, в момент его окончательного развала, правительства авантюристов, стрелявшего

в Учредительное Собрание и установившего, по словам Горького, "самодержавие дикарей". Единственным последствием нашего сближения с большевиками было бы удаление от нас и ослабление всех здоровых элементов русской демократии."

Подобно всем союзническим контр-революционерам, и в частности своему приятелю и товарищу по разрушительной работе Вертамоню, Дюма стремится свергнуть большевизм с помощью финансовых средств. Этим и объясняется его отрицательное отношение к пересмотру Брестского договора.

Поддерживая связи с эсерами, он имел возможность послать в редакцию "L'Humanité" манифест центрального комитета партии социалистов-революционеров, составленный членом учредительного собрания Тимофеевым, но при этом он настойчиво просил, чтобы имя Тимофеева не было опубликовано и чтобы последний не был скомпрометирован. Равным образом он сообщил о прениях, происшедших 18 мая 1918 г. на межфракционном совещании, в котором участвовали партии эсеров, трудовиков, народных социалистов, интернационалистов, объединенная еврейская социалистическая партия и мусульманская социалистическая партия. Несколько раз присылал он отзывы своих друзей, Дага и Эрлиха. Его отношения к меньшевикам и эсерам не помешали ему, после неудачи односторонних фанатических планов, упрекать и дискредитировать их. Так, он заявляет, что эсеры "загипнотизированы мыслью о мире во что бы то ни стало". 12 января 1918 г. он пишет Пишону: "Мир для них обозначает возможность свержения большевиков. Если бы власть перешла к ним в руки, то они с такою же поспешностью, как и Ленин, но хуже, чем он, сделали бы все для того, чтобы как можно скорее избавиться от солдат. Мы могли бы, пожалуй, оставаться при них, но, быть может, мы могли бы и еще можем с меньшим успехом сделать для большевиков то, что я стараюсь осуществить при помощи предоставленных мне средств". Он заявляет, что роль меньшевиков сводилась не к чему иному, как к тому, чтобы сделать еще более скользким путь, по которому Россия докатилась до теперешнего ее состояния. А вот как он отзывался о своих "друзьях": "2-го июля, когда я уезжал из России, Церетелли сказал мне: мы будем бороться против безумия максималистов до самой смерти. Это означало только следующее: я отправляюсь на Кавказ. Действительно, он уехал туда вместе с Чхеидзе, который остался там до сих пор". 22 февраля Дюма сообщил о том, что его посетил член учредительного собрания Сухомлин и передал ему, что учредительное собрание, по всей вероятности, соберется в Восточной России и обратится к народу с воззванием организовать борьбу. При этом он прибавил: "Чернов официально спрашивает Вас о том, окажут ли в таком случае Франция и Америка учредительному собранию финансовую и военную поддержку... Сухомлин попытается проехать во Францию с целью установить контакт с французским правительством".

В другом сообщении, отправленном министру иностранных дел, Дюма указывает на необходимость выслать ему крупные денежные суммы и восхваляет своего друга, эквилибриста социал-оппортунизма, Гюисманса. 24-го января 1918 г. он пишет: "Я виделся в Стокгольме с Гюисмансом, который

*) Шарль Дюма и его "социалистическая" миссия в России. Полный текст подлинных документов, с введением и примечаниями А. Гильбо. Издание Московского Коммунистического Интернационала.

просил меня настоять на том, чтобы издающиеся в Голландии на французские деньги бельгийские газеты прекратили свои грубые выходки против него. Сами по себе эти выходки трогают его очень мало, но ему неприятно, что все это совершается на французские деньги. Он является глубоко убежденным сторонником Антанты, и все нападки, утверждающие противное, совершенно несправедливы⁴.

Несколько приведенных извлечений дадут читателю предварительное понятие о „мелкой корреспонденции“ Шарля Дюма, которую он по

своей трусости, удостоверенной его секретарями и допрашивавшей его m-lle Carlier, вместо того, чтобы уничтожить, оставил в одном из несгораемых ящиков канцелярии французского консульства. Все это указывает на ту роль, которую играли герои желтого Интернационала, продавшие 4 августа 1914 года свою душу и тело за деньги и всякие награды и цинично называвшие революционеров и последовательных интернационалистов союзных государств германскими агентами.

Анри ГИЛЬБО.

+ ПРОРОЧЕСТВО БАЙРОНА О МОСКВЕ.

(Историческая справка).

Thou ¹⁾ standst alone unrivaled, till the fire
To come, in which all empires shall expire
Byron, 1823. Works, vol. VIII, p. 273.

Единственной, себе в истории соперницы не зная,
ты ²⁾ простишь и до того пожара

Грядущего, в котором все империи мира должны
погибнуть ³⁾.

Байрон, 1823. Соч. т. VIII, стр. 273.

В среде историков существуют умники, утверждающие, что история не повторяется. Но вот, на протяжении одного столетия, уже в третий раз все, что есть на свете разумного, честного, стремящегося вперед, в ужасе останавливается перед временным торжеством всего невежественного, презренного, тянущего назад. Кто читал Герцена, конечно, никогда не забудет того гнетущего, доходящего до полного отчаяния, состояния, до которого были доведены мыслящие современники кровавых июньских дней 1848 года, приведших к повсеместному торжеству реакции с ее наиболее ярким проявлением во второй империи, с ее прямым наследием—Версальской „учредилкой“, варварски задушившей Парижскую коммуны. Теперь, через полвека, в Версале пытались также задушить, но уже не Париж, а без малого весь мир; и для того, чтобы найти в истории еще более полную аналогию, мысль невольно возвращается уже не на полвека а на целый век назад, так как мы, современники того, что творится в Версале, испытываем точно те же чувства, которые испытывали, правда, немногие из современников священного союза. Как тогда, под лицемерным предлогом преследования военного авантюриста, задались мыслью вырвать с корнем все следы французской революции, так

и теперь с еще худшим фарисейством, под личиной борьбы с милитаризмом, пытаются окончательно раздавить другую гидру—мировую социальную революцию. Теперь, как и тогда, — ликование победителей, но с тем только различием, что тогда почти не было слышно протеста, даже со стороны побежденных и нейтральных, и только одинокие, смелые, вызывающие протесты в рядах победителей; теперь—великий народ, смело вышедший из рядов сражающихся для того, чтобы вступить на путь нового строительства, и миллионы, хотя и поздно прозревших, демократических масс в среде побежденных и даже в лагере упоенных своим торжеством победителей. Теперь громкий, дружеский голос сознательного пролетариата, не признающего национальных переговоров, не отступающего и перед открытой борьбой с могущественным классом. Тогда чуть ли не одинокий, смелый борец, безжалостно бичующий фарисейство и предательство своего собственного класса, негодующий на раболепие народов, но в то же время не теряющий надежды на их конечное освобождение. Таковым выступил тогда Байрон в одном из своих последних произведений: в „Бронзовом веке“ („The Age of Bronze“), не существующем, если не ошибаюсь, в русском переводе по цензурным условиям недавнего прошлого. Я читал его давно, и по смутному воспоминанию мне казалось, что в нем есть много сходного с современным положением; перечитывая, я был поражен в особенности теми строками, которые поставлены в заголовке этой заметки. В переживаемой фазе международной политики, этот голос из далекого прошлого, хотя бы ради пророческих строк о современной Москве, заслуживает внимания. Беспристрастные английские критики считают это стихотворение самым блестящим из сатирических произведений Байрона, а современники, по понятным причинам, долго пытались отрицать принадлежность этого стихотворения великому поэту.

¹⁾ Moscow. ²⁾ Москва. ³⁾ Я даю дословный, подстрочный перевод: позволил себе для пояснения смысла, только добавить слово „история“. Пусть кто-нибудь из наших бесчисленных поэтов попытается передать стихами всю силу, содержательность, лаконичность и красоту подлинника.

Поводом к появлению стихотворения послужил Веронский конгресс, а содержанием — головокружительная карьера Наполеона, закончившаяся московским пожаром, и отношение к нему всех европейских наций, и прежде всего характеристика веронских героев и тех правящих классов, которые их поддерживали и толкали на войну. Байрона возмущает уже одно название — „конгресс“, с которым было связано еще свежее воспоминание о другом конгрессе, в котором заседали Франклин и Вашингтон. О всех заседающих венценосцах он говорит, что если бы современный Диоген осветил их физиономии своим фонарем, то не нашел бы „ни одного честного человеческого лица“.

Он осыпает сарказмом самую идею „священного союза“; о стоящей во главе его троице он говорит, что они воображают, будто „из трех болванов можно отлить одного Наполеона“. И далее продолжает: „Египтяне были умнее нас: своих богов низших разрядов, они держали, как и следует, в стойлах, кормили только лучше“. „А эзоповы лягушки были счастливее нас: данный им разгневанными богами в царя чурбан, был настоящий, бессловесный, а наши все — живые“.

Александра I он аттестует как „варвара под маской мира“ („Barbarian with his mask of peace“). Он безжалостно издевается над именами, давно служившими пищей английскому шовинизму. Ватерло для него только пример того, „что иногда и дуракам везет“, а у Веллингтона, этого идола толпы, невежественной и цивилизованной, он видит только „нос крючком, на который англичане думают подвесить весь мир“ *).

Но поразительнее всего те страницы, где всю ответственность за войну он слагает главным образом на крупных землевладельцев. Кажется, будто перед нами не поэт начала девятнадцатого века, а современный нам человек, знакомый с идеями экономического материализма и классовой морали. Вот на выдержку несколько сарказмов, которыми перestreт эти изумительные страницы:

— „Вас не увидишь с тем, кто требует скорей кончить войну“. „Зато вы надсаживаетесь, крича: „все долой, ползла бы только вверх цена на хлеб“. „Вы обжираетесь и опиваетесь на своих обедах, горланите и божитесь, что готовы за отчизну, за Англию все умереть“. „Но для чего же вы тогда живы? Как для чего? — Для ренты! Потом, кровью, слезами вымученные миллионы, к чему все это? — Все для ренты!“ „Добро и зло, радость и горе, жизни цель, религия — что? — Только рента, рента, рента.“ „Вы существуете, чтобы охотиться, выбирать в парламент и набивать цены на хлеб“.

Вот какими приветствиями встречал Байрон ликующих правителей и народные массы, одуряченные победной войной. Но он не отчаивается; он знает, откуда ждать спасения. Не забудем, что за десять лет до того, в 1812 году, еще совсем молодым человеком, заняв свое наследственное кресло в палате лордов, он озадачил, привел в

*) Признавая грубость этой шутки, он оправдывался, что заимствовал ее из отзыва римского поэта об Антонии.

ужас этих ненавистных ему землевладельцев блестящею громовой речью, своею первую „девственную речью“ („Maiden speech“). Он выступил в ней решительным защитником рабочих, обвиняемых в так называемых „рабочих беспорядках“. Это были первые раскаты грома, еще громче повторившиеся через десять лет, через двадцать разразившиеся грозой чартизма, восстанием этой, по словам Энгельса, „первой рабочей партии нашего времени“ *). Не приходит ли невольно на ум, что, будь Байрон современником не Веронского конгресса, а Версальской конференции, ему не много пришлось бы изменить в своем бичующем стихотворении? характеристику Александра он повторил бы только во множественном числе, распространив ее на всех участников конференции, и даже часто повторяющаяся рифма осталась бы та же, только вместо „ренты“, пришлось бы подставить — „проценты“. Да, Байрон был не только поэт, всем существом своим ненавидевший деспотов и страстно увлекавшийся французской революцией, это был один из первых изумительно проникательных и правдивых людей, жестоко бичевавший классовую мораль того привилегированного класса, из рядов которого вышел сам, и одним из первых провозвестников зарождения другого класса, с другой классовой моралью, от которого он и ждал пожара с таким изумительным, за сто лет, почти чудесным providением, связанным с именем Москвы.

Не права ли была молодая Москва, пожелавшая в числе других новых памятников, увидеть у себя и памятник великому поэту — гражданину, от которого позорно отреклась его родная страна? **)

Что бы ни говорили историки известного склада мысли, история решительно повторяется, и с каждым повторением только растет в размерах своих событий. Сто лет назад с таким решительным протестом против победителей выступил чуть ли не один только Байрон. Против реакции сорок восьмого года выступила целая плеяда побежденных, но не сломленных мыслителей и деятелей, выступил Маркс и создал Интернационал. Теперь отпор победителям дают уже миллионы, и не только нейтральных и побежденных, но и победителей. То, что было страстной мечтой великого поэта, — мировой пожар, который уничтожит все оплоты мировой реакции, является сознательным, уверенным ожиданием мирового пролетариата.

К. ТИМИРЯЗЕВ.

Ильинское, Санаторий.

Июль 1919 года.

*) Курсив Энгельса.

**) Известно, что прекрасная статуя Байрона, работы Торвальдсена, предназначавшаяся, по общественной подписке, для Вестминстерского аббатства, интригами клериков туда не попущена и наша поздний принят в Кембриджском университете. Как велика до сих пор злоба против Байрона, можно видеть из следующего случая. Профессору Бейльштейну за каким-то парадным обедом пришлось сидеть рядом с почтенной старой леди. Он как-то завел разговор о Байроне. Его собеседница строго остановила его словами: „Вы иностранец, а я старуха; я обязана Вас предупредить, что у нас в присутствии порядочной женщины не принято произносить имя этого человека.“

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция с удовольствием помещает статью тов. К. Тимирязева. В dniu, когда вся английская печать полна человеконенавистнических статей различных сикофантов и ренегатов социализма, может быть, для английского „общественного мнения“ пройдет не совсем бесследной статья выдающегося ученого тов. К. Тимирязева, имя которого хорошо известно в Англии. К. Тимирязев, ни минуты не колеблясь, стал под знамя Коммунистической России. В его лице мы видим персонифицированный „союз науки с социализмом“.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Многочисленные „критики“ русского и мирового большевизма, который есть не что иное, как революционный марксизм и в его теоретическом, и в его практическом значении, стараются „опровергнуть“ величайшее движение угнетенных, которое когда-либо знала история, ссылаясь на „факты“. Подбирая $n+1$ количество недостатков советского механизма, указывая на голод и экономическую разруху в России, на непрекращающуюся гражданскую войну и еще раз на голод и разруху, предатели социализма готовы почти петь (если не поют) дифирамбы в честь того самого капиталистического строя, могильщиком которого становится революционный пролетариат. После истребительной империалистической войны (которую, кстати сказать, все эти господа прямо или косвенно поддерживали) они пробуют опереться на усталость масс. „Как бы не было хуже“, „лучше подождем, пока поправится экономическая жизнь; тогда, о, тогда и мы будем за революцию“ — такова основа всех рассуждений Каутского и Ко. В предлагаемой вниманию товарищей статье нам хочется отметить на примере России несколько моментов, освещающих этапы развивающейся мировой революции пролетариата, которая побеждает, несмотря на похоронный вой всех „социалистических“ шакалов империализма.

I. Гражданская война и издержки революции.

Когда революционный трибунал допрашивал Шарлотту Кордэ, убийцу одного из величайших революционеров, Марата, то эта госпожа отвечала: „Я убила его за то, что он распространил по всей Франции пламя гражданской войны и разорил всю страну“. Мало-мальски беспристрастные историки выяснили вполне объективно контр-революционную роль жирондистов и Шарлотты Кордэ и революционную роль Марата. Теперь еще не пришло время писать многотомные исследования о роли большевизма. Но стоит остановиться на том примечательном факте, что все буржуа и капитал-социалисты, начиная с Ллойда Джорджа и кончая Каутским, в один голос повторяют против большевиков те же самые обвинения, которые когда-то поднимала жирондистская дама Шарлотта Кордэ против Марата (их, между прочим, повторяла и стрелявшая в „тирана“ Ленина эс-эровская мадам Каплан).

Нас не интересует в данном случае вопрос о необходимости и неизбежности гражданской войны, равно как и выяснение того, что только старички оппортунизма могут представлять себе революцию без гражданской войны. Мы здесь хотим затронуть вопрос о ее **экономическом** значении.

Этот вопрос можно поставить в чисто объективной плоскости: правда ли, что гражданская война

является разорением? И если правда, то какова же ее экономическая функциональная роль?

Посмотрим, прежде всего, на пример французской революции. Там мы найдем, действительно, многие признаки жестокой экономической разрухи. Голод в Париже, полное обезценение бумажных денег, разрыв экономических связей между городом и деревней и между отдельными округами Франции, и т. д. Повинна ли была хотя бы отчасти — в этом гражданская война? Конечно, да. Всякая революция есть ломка старых сношений и построение новых; это относится и к производственному базису и к политическим надстройкам, т. е. к государственной власти прежде всего. И уже а priori должно быть ясно, что эта ломка и переход на новые производительные рельсы неизбежно должны влиять на процесс общественного труда, как фактор, временно дезорганизующий. Ведь, общественное производство только в абстракции имеет две стороны: „техническую“, выражающую отношение человека к природе, и экономическую, выражающую отношения между людьми. Конкретно, в действительности, обе эти „стороны“ есть некое единство, они неразрывно связаны, слиты. И самой собой разумеется, что нарушение установившихся отношений между людьми есть точно также нарушение установившихся отношений к природе, т. е. **перебой в процессе труда**, как такового, и всего общественного воспроизводства (Reproduktion). Поясним это примером. Во Франции дореволюционной эпохи производственные отношения были отношениями феодальными. Крестьянин трудился на помещика и был связан с ним полукрепостническими отношениями; в городах было регламентированное на средневековый манер производство. В этих рамках и двигался весь процесс общественного труда: он был с ними неразрывно связан и слит. Когда произошла революция, то эти отношения были взорваны. Крестьянин перестал подчиняться помещику, регламентация производства в городах лопнула; разлетелась в пух и прах старая система труда. А так как всегда и всюду общественный труд существует не „вообще“, а в своих конкретно-исторических формах, то был нарушен и весь ход общественного воспроизводства, пока не началась новая трудовая система, система буржуазной организации труда.

Это — один тип экономического „вреда“, который приносит всякая революция.

Другой тип — **непосредственные издержки** гражданской войны. О них сетовал еще в 1905 г. русский либерал Петр Струве, боровшийся против восстания потому, что для баррикад нужно сжигать телеграфные столбы и портить вагоны.

Перейдем теперь к русской пролетарской революции.

Здесь мы без труда заметим, что экономиче-

ский „вред“ революции неизмеримо значительнее, чем в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Для марксиста не трудно понять, почему это происходит. Конечно, колоссальную роль играет всеобщее разорение и обнищание, вызванное империалистской войной. Оно даже несравнимо с экономическим минусом, происходящим от гражданской войны, ибо никакая гражданская война не может спорить с империалистской резней. Но тем не менее, мы обязаны проследить разрушающее действие революции.

Прежде всего, необходим анализ того, что я назвал **перебоями** процесса воспроизводства. Понятно, что эта сторона дела при революции пролетариата захватывает хозяйственный организм гораздо глубже и шире, чем при буржуазной революции. При буржуазной революции идет, в сущности, перестановка собственнических групп, при сохранении самого принципа организации труда. Наоборот, при коммунистической революции пролетариата старая система труда ломается в корне, ибо перемещаются не поверхностные социальные пласты, а выпирают наверх самые глубинные: старые производственные отношения ставятся на голову. Понятно, что при такой ломке общественный минус будет больше, чем при ломке поверхностной. Переход к новым принципиально иным формам производственных отношений гораздо болезненнее и труднее. Нет поэтому ничего удивительного в том, что разрыв связей между капиталистом и рабочим на фабрике (точно также, как разрыв связей между солдатом и генералом в империалистских армиях во время революции, или так называемое „падение дисциплины“) вызвал падение производительности труда в его общественном масштабе. Пока на место капиталистической дисциплины не образовалась товарищеская дисциплина грудящихся (что немыслимо, как однократный акт, что, наоборот, есть длительный процесс) до тех пор будет продолжаться отрицательное воздействие революции на экономику страны.

Вторая форма разрушительной экономической роли революции — „непосредственные издержки гражданской войны“. Эти издержки опять таки гораздо значительнее при пролетарской революции, ибо борьба здесь тяжелее и упорнее. И притом, эта борьба тяжелее не только потому, что сопротивление буржуазии в каждой стране гораздо больше, чем сопротивление феодалов, но и потому, что эта борьба неизбежно принимает характер **классовой войны** между государственно-организованным пролетариатом и его регулярной армией — с одной стороны, регулярными армиями империализма — с другой. Классовая война есть не просто гражданская война, она есть высший тип гражданской войны: война между государствами с различным социальным содержанием. Технически эта война очень напоминает обычную войну. Экономически она истощает страну, как и всякая война. Ее священный для пролетариата характер ни в малой степени не смягчает этого ее значения... Вредное влияние еще более усугубляется затяжным ее характером, переходом ряда областей из рук в руки и т. д. Таким образом, и здесь минусы гораздо больше, чем при революции буржуазной.

Следует ли из всего вышесказанного, что революция есть вообще бессмыслица с точки зрения экономического „разума“?

Этот вопрос есть решающий вопрос. Здесь-то и проявляется отвратительное ренегатство господ Каутских и К^о, их полное отречение от революционного марксизма, их prostituiрование общественной науки, которую они сознательно или безсознательно превращают в простую служанку Господина Капитала.

В самом деле, уже на примере великой французской революции совершенно ясно видно, что человек, который бы оценивал экономическую роль революции исключительно с точки зрения экономического ущерба, который она, на определенной стадии развития, несомненно наносит, ровно ничего не понял бы в этой революции. Такая точка зрения была бы сугубо вульгарной, даже для буржуазного историка и экономиста. Ибо даже для этой категории людей экономическое значение революции было не в том, что она временно способствовала падению производительных сил, а, наоборот, в том, что она, устранив устаревшие производственные отношения, сметя с лица земли прогнившую политическую надстройку, подняла производительные силы на небывалую до того времени высоту. В этом и состоит **экономическая функциональная роль революции**. Но этот объективный конечный результат требует определенных издержек производства: „экономическая разруха“, вызванная гражданской войной, и представляет собой эти издержки.

То, что было верно для французской революции 18-го века в этом отношении, верно и для революции мирового пролетариата, верно и для революции одного из отрядов этого пролетариата, пролетариата русского. Капиталистический способ производства пережил сам себя, и дальнейшее развитие производительных сил стало возможным лишь при уничтожении капиталистического режима. Но это дальнейшее развитие производительных сил покупается ценой временной их растраты — таковы издержки революции, экономический вред, гражданской войны. Коммунизм двигает производительные силы вперед с небывалой силой. Но предпосылка коммунистического развития — социалистическая революция, гражданская война пролетариата против буржуазии, классовая война пролетарских государств против государственных организаций финансового капитала стоит больших жертв; жертв гораздо больших, чем требовала революция победоносной буржуазии 130 лет тому назад.

Жирондисты, которые искали компромисса со „старым порядком“, прекрасно замечали „пламень гражданской войны“ (и поддерживали этот пламень, сражаясь по ту сторону баррикады), они любили поговорить о разрухе, в которую ввергла страну „крайне левая“. Но их ограниченный взор не мог видеть преходящего характера этой разрухи, равно как ее очистительного значения; то, что ценой этих потерь покупалось, развитие производительных сил — было вне их поля зрения. Точно такой же слепотой по отношению к революции пролетариата страдают социал-патриоты, „независимые“, эсэры, меньшевики и т. д. и т. п. Они ищут компромисса с капиталом, и в посягательстве на капитал, который должен быть уничтожен, они видят бессмысленную гражданскую войну, подрывающую возможность „действительной“ социализации, которая... видите ли, должна

совершиться „в мирных формах“. А сами поддерживают эту войну, сражаясь вместе с белыми против красных...

Итак, в издержки производства коммунизма входят издержки революции, проистекающие, как в силу перебоев производственного процесса, так и в силу непосредственных материальных трат на гражданскую войну. Без этих трат немислим переход к новому строю, а следовательно, и к дальнейшему развитию производительных сил.

II. Мировой характер пролетарской революции и экономические издержки революции русской.

Но—скажут нам наши критики—ведь, власть советов продолжается в России почти два года. Почему же до сих пор большевики не сумели упорядочить хозяйственных отношений? Почему в советской России голод больше, чем в империалистской Франции? Как возможно то, что во многих отраслях производительность труда до сих пор не поднимается, а падает? Не есть ли это перманентный регресс производительных сил?

Говорящие так не только поступают, как величайшие мерзавцы, свою собственную трусость прикрывающие издевательством над кровавыми жертвами, которые приносят героический русский и венгерский пролетариат. Они, кроме того, позабывают (ибо это здесь выгодно) то, что они сами тысячу раз писали, проповедывали, говорили. В марксистской или quasi-марксистской литературе довоенного времени неоднократно поднимался вопрос о том, —возможна ли победа социализма в одной стране. Большинство писателей отвечало на этот вопрос отрицательно, из чего отнюдь не делается вывод о невозможности или недопустимости начала революции и захвата власти в отдельной стране. С тех пор, как ученые и неученые социалисты писали эти статьи, прошло несколько кровавых лет, и контуры всего развития видны в тысячу раз яснее и отчетливее, чем тогда. Теперь ясно: не может в наше время быть большой войны, которая рано или поздно не развернулась бы в войну мировую. И точно также не может быть большой революции, которая не задела бы всего мира, возбуждая симпатии пролетариата, двигая против себя силы мирового империализма, развиваясь в мировую революцию. Маркс писал в одной из своих блестящих исторических работ, что партия революции спланирует силы контрреволюции. И это наблюдение Маркса объективно вполне правильно (подобной вещи никогда не поймут оппортунисты, филистерская мораль которых заключается в заповеди: не тронь буржуа, а то он рассердится, и тогда придет контрреволюция). При существовании мирового хозяйства и взаимосвязи его частей, при взаимозависимости различных государственно-организованных буржуазных групп, само собой разумеется, что борьба в одной стране не может кончиться без решительной победы той или другой страны в нескольких цивилизованных странах. Соппротивление русской контрреволюции (Колчак, Деникин и Ко.) особенно упорно как раз потому, что она непосредственно переходит, через своих английских, французских, американских, японских и пр. союзников, в контр-

революцию мировую. Иностранные резервуары энергии и силы,—вот что питает материально и морально Российскую буржуазию. Можно поэтому сказать что пролетариат той страны (или тех стран), который первый поднял знамя восстания и который победил в своей стране, неизбежно должен принять на себя самые крупные жертвы: ибо он является мишенью для сил объединенного всемирного капитала. Критики русского (ол.шевизма и русской советской власти исходят из наивного представления о русской пролетарской революции, как о закончившемся процессе, тогда остается только заниматься положительной организационной работой, развитием производительных сил и т. д. В действительности же русская революция ведет борьбу, за элементарнейшие предпосылки своего дальнейшего существования, спланивая силы мировой контрреволюции и развиваясь сама в революцию мирового пролетариата. Является поэтому диким абсурдом рассматривать экономические недостатки в советской России с высоты олимпийского величия, или приписывать эти недостатки большевикам, или указывать на них, чтобы удерживать западно-европейский (гсп. американский) пролетариат от выступления. Такая тактика не может не быть в равной степени глупой и предательской; глупой потому, что она лишь затягивает мучения борьбы и увеличивает издержки мировой революции; предательской—потому, что она помогает мировой контр-революции, белому террору, ужасам озверевшего империализма. В этом отношении пример России особенно убедителен. В России за почти два года советской власти можно с несомненностью констатировать громадные организационные успехи во всех областях, начиная с экономики и кончая армией. И тем не менее производительные силы страны не растут, а скорее падают, несмотря на колоссальную организационную работу. Чем объяснить этот факт? Здесь играет роль не только непроизводительное военное потребление (Improduktionskonsumption), но и прямой захват почти всех важных источников сырья и топлива (нефть, уголь, хлопок) со стороны иностранного империализма и отечественной контр-революции. Нечего и думать о росте производительных сил, пока у пролетариата не будет в руках этих необходимейших элементов производства.

Но хороши наши критики—Тома, Гендерсоны, Шейдеман, Каутские! Эти господа и индивидуализно и организовано (желтый Бернский „Интернационал“) поддерживают по существу дела разбавническую „Лигу Наций“, Священный Союз капиталистов против пролетариата. Они помогают разбойникам отнять у русского пролетариата основы его экономической жизни, а потом лицемерно говорят: „Смотрите, как мало хорошего получилось у русских большевиков“.

То же самое происходит и с блокадой России. Совокупное действие захвата источников топлива и сырья, а также блокада лишает нас возможности наладить в совершенстве нашу социализированную промышленность, некоторые отрасли которой разрушаются. При полной организационной возможности наладить это дело, его нельзя наладить из-за отсутствия основных элементов производства. Не подлежит равно никакому сомнению, что кривая нашего экономического развития резко взлетит вверх, как только будут эти

технические возможности. А это есть вопрос нашего фронта и в значительной степени вопрос разгига мировой революции.

Мировая революция ни при каких условиях не могла бы быть однократным одновременным актом. Тот, кто призывает рабочих ждать и не начинать, пока не начнут другие, фактически предавал социализм целиком, потому что откладывал революцию *ad calendas grecas*.

Текущая политика заключается не в предательской линии по отношению к советским республикам, а в их поддержке и в быстрой организации хозяйственного блока, который соединял бы дополняющие друг друга (аграрные и промышленные) типы стран и обеспечивал бы более или менее нормальный ход общественного воспроизводства и, таким образом, обезвреживая блокаду, способствовал бы устойчивости движения в его борьбе против всемирного капитала.

Русский пролетариат доказал не свое бессилие,

а свою гигантскую силу. Борясь против капиталистов буквально всего мира (кроме Англии, Японии, Америки, Франции, Италии, Польши, Германии, Финляндии и пр. и пр., даже „нейтральные“ державы ведут против нас фактически войну: это показал недавно раскрытый заговор в Петербурге, нити которого сходились в „нейтральных“ консульствах), построив красную армию, бросив туда девять десятых своих лучших сил, рабочий класс за два года своей власти улучшил во много раз аппараты управления во всех областях. Не его вина, что мировая революция не сломала еще спинного хребта ни одной из крупных акул союзнического капитала. Отсюда только одна мораль: не хныкать, не рассуждать о бессилии пролетариата, как это делают профессиональные развратители рабочего класса, а твердо и уверенно идти к свержению капитала, к диктатуре рабочих, союзу советских стран.

Н. БУХАРИН.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

(Окончание) *).

Революционная деятельность Комиссариата Народного Просвещения идет по четырем главным руслам: школьная реформа, создание почти совершенно вновь внешкольной и дошкольной системы народного образования и общее руководство не столько художественным творчеством в стране, сколько процессом ознакомления масс с сокровищами готовых искусств и воспитания их к художественному творчеству.

Центральное место в области школьной реформы занимает идея единой трудовой школы, при которой все дети, независимо от их происхождения и состоятельности их родителей, поступают в одинаковую школу. В России не существует больше нисших и средних учебных заведений. Существуют лишь две ступени единой школы: одна для детей от 8 до 12 лет и другая для подростков от 13 до 16 лет.

Классовый характер школы сломен таким образом совершенно.

Предполагается также, что всякий кончивший школу второй ступени,—17 летний юноша или девушка—свободно может войти в какую-либо специальную высшую школу.

Само собой разумеется, до осуществления этого идеала, т. е. того времени, когда мы реально обеспечим за всей массой российского подросткового поколения возможность пройти все три ступени школы—нам предстоит преодолеть еще много трудностей и препятствий.

Надо помнить, что естественным условием полного функционирования единой школы является общедоступность образования. Эта общедоступ-

ность принципиально провозглашена Народным Комиссариатом по Просвещению полностью декретами об обязательности начального образования, об его бесплатности во всех решительно школах в пределах Республики, о выдаче горячих завтраков учащимся, о снабжении их всех за государственный счет всеми школьными пособиями и о выдаче одежды и обуви тем из них, родители которых не в состоянии приобрести им обувь и одежду.

Вместе с тем Государство всячески стремится расширить круг интернатов и, отнюдь не стремясь к разрушению семьи, старается по крайней мере идти в ногу с ее естественным разложением и, так сказать, взять детей, не вмещающихся больше в семейные рамки. Процесс в высшей степени обостряющийся вызванным войною обнищанием народных масс.

Государство в высшей степени добросовестно относится к взятым на себя обязательствам, но, разумеется, реализация этих обязательств встречает преграды непреодолимые.

Бросим взгляд на государственный бюджет. Общий бюджет Народного Комиссариата по Просвещению за первое полугодие 1919 года достиг 6½ миллиардов, что составляет, если бы он даже не был повышен в текущем полугодии, 13 миллиардов в год.

Принимая во внимание понижение покупательной ценности рубля в 15 раз, как это более или менее соответствует действительности, в среднем надо признать годовой бюджет Народного Комиссариата по Просвещению, оцененный старым руб-

*) См. „Коммунистический Интернационал“ № 2.

лем серебром с его нормальной покупательной ценностью, более чем в 800 миллионов руб. против 280 миллионов, составлявших максимум этого бюджета при царях. Таким образом, мы имеем, во всяком случае, утроение расходов Государства на народное образование. Если же будем считать с простой номинальной ценностью денег, то можно сказать, что жертвы Государства на народное образование увеличились в 45 раз.

Конечно, даже такая щедрость Государства тем не менее не может соответствовать потребностям нормального расширения школьной сети, как она диктовалась бы признанием полной обязательности обучения для всех детей Российской Республики. Правда, школьная сеть, несмотря на все проклятые условия разорения, растет довольно быстро. В настоящее время точные цифры приведены быть не могут, но в отчетах, поданных к январю настоящего года, цифры которые в настоящее время, конечно, устарели, числилось более 10 тысяч новых школ первой ступени и около тысячи школ второй ступени.

Точные сведения по г. Костроме, являющемуся, правда, одним из наиболее благополучных, таковы:

В 1916 году в начальных городских школах числилось: 81 учителей и 3600 учащихся; в 1917 г. и 1918—145 учителей и почти 5000 учащихся; в 1918-19—280 учителей и 6479 учащихся. Число школьников в школах первой ступени увеличилось на 79%, а учителей на 245%.

Главным же препятствием является не отсутствие денег, а невозможность закупить школьные пособия, обувь, одежду, часто невозможность организовать и отвечающие своему назначению горячие завтраки.

Почти все губернские Отделы Народного Образования имеют за это полугодие денежные излишки, которые, конечно, объясняются не чрезмерностью ассигновок, а крайним оскудением рынка.

До Колчаковского выступления, в то время, когда Америка начинала кокетничать с Советской Республикой, один видный американский общественный деятель вел переговоры со мной о поставках детской обуви и школьного оборудования из Америки. Из разговора с ним я убедился, что восстановление торговых сношений с Америкой означало бы чрезвычайно быстрое движение русской школы по направлению к полной реализации ее идеалов.

Само собой разумеется, что рядом с общедоступностью и бесплатностью образования осуществлены были Народным Комиссариатом по Просвещению полностью и два другие требования не только социалистической, но и либеральной педагогики, именно: светскость школы и совместное обучение.

Изгнание закона божьего из числа предметов школьной программы вызвало, конечно, некоторые грения, но не настолько существенные, как можно было ожидать. Не могу не отметить крайне характерное явление. Законом разрешено частное преподавание закона божьего священниками в частных помещениях. Оригинально, что такое преподавание не идет почти нигде. Приведу одну иллюстрирующую это явление цифру: в Галичском уезде Костромской губ., по которому у меня

имеются все данные, на 150 сел со школами приходится только 13 таких, где ведется частное преподавание закона божьего.

Чем же объясняется такой стремительный упадок преподавания религии? Он объясняется тем, что священники, при всем своем ортодоксальном рвении, отказались учить даром крестьянских детей, а отцы крестьяне при всем своем пристрастии к господствующей религии, отказались платить деньги за обучение. Мы можем, таким образом, с уверенностью сказать, что следующее поколение вырастет почти целиком свободным от всяких религиозных предрассудков.

Два слова о совместном обучении. В разных местах России следовали разным методам его проведения. Петроградский метод заключается в том, чтобы, во-первых, открыть свободный доступ мальчикам в женские учебные заведения, девочкам в мужские; во-вторых принимать в нищие классы тех и других исключительно пополам.

Московский метод проведения заключается в том, что каждая школа раскололась пополам и мужская половина соединилась с женской. Насколько я могу судить, более осторожный и постепенный петроградский метод оказался более успешным и не вызвал целого ряда нареканий, временами, как кажется (я основываюсь на свидетельствах родителей коммунистов), не лишенных известной основательности.

Гораздо более существенным является принцип трудовой школы. Народный Комиссариат по Просвещению принимает целиком принцип трудового метода всех предметов нормального общего образования. Об этом распространяться я не буду. В этом отношении Народный Комиссариат по Просвещению идет по стопам передовой школы, как она оформляется в Скандинавских странах и в Америке.

Но Народный Комиссариат по Просвещению отнюдь не считает достаточным для организации трудовой школы введение в нее трудовых методов преподавания. Гораздо большее значение он придает введению в нее самого преподавания труда.

Мы не имеем при этом ввиду так называемых уроков ручного труда, хотя и не отрицаем их полезности в качестве гимнастики для рук, глаз, внимания.

Введение трудового принципа в школу мы представляем себе, прежде всего, как широкое самообслуживание школы—работа по поддержанию порядка в ней, взаимопомощь в смысле удовлетворения мелких потребностей товарищей, легкий ремонт по школе, работа в саду и в огороде, уход за животными, находящимися при школе, приготовление пищи и т. п. Все это должно служить одновременно развлечением; легкой, но серьезной работой и показанием для целого ряда наглядных уроков. Как совершенно верно говорит Дюи—один уже процесс приготовления пищи может служить фундаментом для целой энциклопедии знаний.

Самообслуживание играет более или менее доминирующую роль в школе первой ступени; в школе второй ступени мы считаем гораздо более важным не внедрение труда в школу, а внедрение школы в процесс социального труда.

Мы разумею под этим не те, столь принятые во всех новых школах экскурсии на фабрики и заводы, почтово-телеграфные учреждения, центры путей сообщения и т. д. и т. д.

Имея все это в виду, с прибавлением широкого ознакомления детей с разного рода общественными работами, мы считаем необходимым, чтобы дети не просто являлись зрителями этих процессов, но реально работали некоторое время в каждой такой отрасли, являясь сотрудниками ее соразмерно своим силам.

Все эти работы должны быть связываемы общими научными положениями, так чтобы в конце концов получилось широкое политехническое образование.

Мы чрезвычайно держимся именно за политехническое образование до 17 лет. Народный Комиссариат по Просвещению старается избегнуть всякой специализации до 16 лет, хотя и признает после 14 л. возможность известной, не слишком резко выраженной, полифуркации.

Главным препятствием для реформы школы в этом глубоко продуманном и, конечно, для всякого передового преподавателя желанном направлении является скудность средств русского рынка. Вторым препятствием является крайняя неподготовленность преподавательского персонала. Здесь мы встречаемся, во первых, с общим слабым культурным уровнем учителей, который искусственно поддерживался при царизме, во-вторых, — с неверным направлением интересов учителей, которых держали как раз очень далеко от трудовых процессов производственной жизни в стране, в третьих, — рутинерством, господствующим в особенности среди казалось бы наиболее культурной части учителей, именно, среди учителей школы второй ступени; т. е. бывших преподавателей средних учебных заведений.

С первым препятствием, мы лишены возможности бороться, и все наши меры сводятся к паллиативам, пока политическая победа России не откроет наших границ.

Борьбу со второй причиной мы ведем путем самого внимательного отношения к реформе институтов, подготовляющих новых преподавателей и путем положительно бесчисленных долгосрочных и краткосрочных курсов.

При нашей не совсем совершенной статистике мне трудно указать общую цифру таких курсов для всей России за весь период существования Комиссариата, но я располагаю одной в высшей степени показательной цифрой: летом прошлого года (для нынешнего года я еще не имею данных) в одной, так называемой, северной области, охватывающей только 6 губерний, было устроено 200 краткосрочных курсов. Количество слушателей в Петрограде, работавших во второй прием, достигало двух тысяч. Общее количество учителей, прошедших через курсы, не менее 10 тысяч.

Курсы эти пользуются огромным успехом даже среди учителей, относящихся равнодушно к реформе и еще не постигших ее сущности.

Отмечу еще один курьезный факт: еще в эпоху Кайзера одна немецкая газета, напечатав почти полностью главнейшие части нашей декларации о единой трудовой школе, отмечает, что большевики, как это ни странно, впервые намечают базы подлинной народной школы, — правда, газета тут же высказала сомнение относительно того, удастся ли большевикам осуществление их. Она, как заведомо буржуазная, считала эфемерным до-

вести такую грандиозную реформу до благополучного конца.

Отмечу, что судьба школьной реформы связана теснейшим образом с делом дошкольным. В сущности говоря, мы только тогда добьемся реального результата, когда получим от органов дошкольного образования соответственно подготовленный материал. Первый камень социалистического мирозерцания, в самом глубоком смысле этого слова, должен развиваться в этих очаровательных детских садах и клубах, которыми, как весенними цветами, покрывается сейчас Российская Республика.

До сих пор Народный Комиссариат по Просвещению был немножко скуповат на орган дошкольного образования, хотя, принимая во внимание почти полное отсутствие подобного бюджета в старых министерствах, эта скупость является сравнительно царской щедростью, но, впредь, следуя указаниям Съезда по дошкольному образованию, Комиссариат думает обратить на эту сторону самое серьезное внимание.

Как в городах, так и особенно в деревнях, идея детских садов принята населением с величайшим интересом. В этой области, в особенности в области детских клубов и колоний, достигнуты столь образцовые результаты, что их не стыдно было бы показать любому американскому преподавателю, а вместе с тем радостно было бы показать всякому искреннему социалисту.

Не могу пройти мимо того факта, что мы имеем несравненно лучший персонал в дошкольном деле, чем в деле школьном. Я не хочу сказать этим, что в России очень много руководящих специалистов, их не так много, но они все пришли к нам и вступили в дело реальной помощи нам гораздо раньше, чем учителя.

Кроме того, здесь нам пришлось создать совершенно вновь персонал дошкольных руководительниц (наставниц). На мой взгляд здесь русская интеллигентная и полунинтеллигентная девушка показала снова одно из чудес: в течение этого года мы вызвали к жизни, быть может, педагогически недостаточно подготовленных, но полных самого искреннего энтузиазма воспитательниц, с которыми радостно работает на этой, быть может, самой веселой и самой поэтической части нивы народного образования.

Совсем другое видим мы на другом конце, в области высшей школы. Летом прошлого года особая комиссия, почти сплошь состоявшая из передовых профессоров, наметила широкую реформу высшей школы достаточно планомерно. Собраны были две конференции представителей высших учебных заведений (профессоров, доцентов, студентов), но, к сожалению, довольно безрезультатно.

Мне кажется, я могу констатировать полную принципиальную победу Комиссариата. Протоколы могли бы доказать с очевидностью, в какой мере были устранены опасения и консервативные аргументы сторонников старого университетского уклада.

Выдающиеся ученые, имеющие европейское имя, как Тимирязев, Мар, Браун, Кони и другие, отнеслись весьма сочувственно к реформе (расходясь, может быть, в мелких деталях). Равным образом навстречу реформе пошли почти все выдающиеся представители технического высшего образования, и тем не менее дело школьной реформы

в университетах и высших учебных заведениях сорвалось. Дружная работа на почве автономии школы, в виду выясненной ясности ее руководителей, оказалась невозможной, и реформа проводилась в настоящее время несколько враздобр, по частям, под руководством так называемого особого Государственного Ученого Совета.

Тяжелое положение высшей школы усугубляется еще значительным абсентеизмом студентов, объясняющимся тяжелой жизнью в экономическом смысле во всех больших городах России, особенно в столицах. Ни усиленная государственная помощь, совершенно неслыханная ни в какой другой стране, кроме Советской России, ни широко раскрытые перед всеми 16 летними гражданами двери университетов не в силах парализовать это явление.

Однако, и здесь мы имеем перед собой самую лучшую возможность. За это время открылось 15 высших учебных заведений, частью специальных, частью университетов. Многие из них пока страдают известным худосочием в результате вышеуказанной причины, но большинство из них жизнеспособно. Все то, что сделали нами в области школы, являет собой как бы богатые посевы, обещающие роскошную жатву и жаждущие прежде

всего, как необходимого дождя, того, чтобы их вспрыснули живой водой реальных средств существования: не денег, на которые ничего не купишь, а действительных школьных пособий и необходимых предметов.

Здесь вся наша школьная реформа упирается в ту стену, в которую упирается и вся жизнь в России: нам нужно во что бы то ни стало пробить брешь в блокаде. Здесь, как и всюду, нам сияют те же самые звезды надежды: во-первых,—надежды на более или менее бурный переворот в западноевропейских странах; во-вторых,—на решительную победу над последним значительным агентом Антанты в России, генералом Деникиным, каковая победа, как решительно все заставляет думать, послужит, по крайней мере, для Америки сигналом к окончанию нелепой и для всех утомительной борьбы за принуждение России вернуться в рамки старого строя.

Об огромной важности внешкольного вопроса и о том, как строится нами весьма сложная сеть внешкольного образования, я сообщу читателям нашего журнала в следующем номере.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

ТЕСНЯКИ—БОЛГАРСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

25-го июня состоялся 22-ой очередной конгресс Болгарской социал-демократической рабочей партии тесняков,—ныне коммунистической партии,—вставший безоговорочно на платформу 3 го Коммунистического Интернационала. На конгрессе присутствовало 800 делегатов, по норме на 50 человек—1 делегат; следовательно по 25-ое июня партия насчитывала более 40 тысяч членов. Заседание конгресса проходило в большом театре „Корона“ в присутствии более 4-х тысяч гостей. Открыл конгресс старейший член партии, ее основатель и председатель Ц. К., тов. Благоев, прозванный болгарскими коммунистами „дедушкой“. Речь его дышала уверенностью в силе болгарского пролетариата и крестьянства, уверенностью в победе мировой революции. По его предложению конгресс спел „Интернационал“, и „Вы жертвою пали“—в память павших в бушующей мировой революции русских, германских и венгерских борцов за коммунизм. Признаться, мне, прожившему в Болгарии 7—8 лет и участвовавшему с самого начала русской революции во многих съездах партий и съездов, просто не верилось, что я нахожусь в стране оккупированной войсками, торжествующей победу международной реакции. На конгрессе присутствовали также делегаты: сербской коммунистической партии, турецких социалистических организаций, а также приехавшие из России делегаты от болгарской группы Р. К. П. Бол-

гарские депутаты из России привезли следующее приветственное письмо:

„Товарищи делегаты рабочих и крестьян, я уполномочен от имени болгарской секции при Р. К. П. приветствовать 22-ой конгресс болгарской социал-демократической рабочей партии. Мы надеемся, что отныне она будет переименована в коммунистическую партию. А так как члены секции являются членами Р. К. П., то позвольте вас приветствовать и от имени Р. К. П.“

Чтение прерывается аплодисментами и возгласами: „Да здравствует Русская Коммунистическая Партия зачинательница!“

Затем тов. делегат продолжает:

„Товарищи делегаты, в своих решениях на этом конгрессе смело идите по пути, проложенному русским пролетариатом. В борьбе со своей буржуазией вы получите братскую помощь от русского трудящегося народа“.

Сцена театра была украшена всевозможными лозунгами мировой революции и портретами ее вождей: тов. Ленина, Троцкого, Либкнехта, Розы Люксембург, Раковского и других.

800 делегатов! Четыре тысячи гостей! небывалое политическое явление не только в истории партии тесняков, но и во всех остальных партиях маленькой Болгарии, насчитывающей всего 4½ миллиона населения. Партия, имевшая в 1914 году не более 3-х тысяч членов, в 1919 году распола-

гает внушительной армией в 40 тысяч членов. О том, какое влияние имеет партия тесняков среди болгарской трудящейся массы, говорил в своем докладе тов. Коларов:

„Под знаменем и лозунгами нашей партии, под красным знаменем пролетарской партии по улицам болгарских городов и сел 1-го мая демонстрировало более 3-х сот тысяч рабочих, крестьян и беднейших горожан *).

Болгарская буржуазия, до сих пор совершенно не считавшаяся с нацией, недавно еще незначительной, партией пролетариата, на этот раз круто переменила своё отношение. Теперь буржуазия, в лице народной и демократической партии, испугалась своих большевиков, объединилась с остальными буржуазными и мелко буржуазными партиями и повела отчаянную борьбу. Но, что бы ни делала наша буржуазия, отцветая не успевши расцвести, болгарскому пролетариату она не страшна. Болгарская буржуазия обречена на гибель. Не помогут ей и не спасут ее ни другие враги пролетариата ни находящиеся на болгарской территории армии Антанты. Что болгарская буржуазия безсильна, об этом открыто заявляет она сама; вот, например, подлинные слова министра внутренних дел Муманова:

„Никто не в состоянии установить порядок в стране, и никакая внутренняя сила не заставит этот разнузданный болгарский народ подчиняться приказам и распоряжениям власти“. Далее, о том же говорит следующее заявление наших финансистов: „без привлечения иностранного капитала, мы не в состоянии сделать ничего“. А вот, что сказал помощник директора продовольствия, подполковник Николаев, когда к нему явилась делегация голодных рабочих и горожан: — „Ничего не могу сделать. Хлеба нет. Скажите голодному народу, что только

сам он может себя накормить, нужно повесить не менее 100 человек спекулянтов-миллионеров, и тогда будет все“.

В ответ на это трудящийся народ 25-го июня на своем конгрессе, в лице своего вождя тов. Коларова, сказал: в таком случае передайте власть в руки организованного трудящегося народа; стоя под красным знаменем коммунистической партии, мы заявляем, что только наша партия организованных рабочих и крестьян в состоянии накормить голодный народ и обеспечить ему пользование всеми благами жизни, только диктатура пролетариата и крестьянской бедноты, осуществляемая рабоче-крестьянской Советской властью, может спасти страну от иностранного порабощения и дальнейших гибельных последствий разрухи, только диктатура трудящегося большинства может заставить всех подчиняться приказам и распоряжениям, направленным на пользу всего народа, а не одной только кучки обнаглевших хищников, капиталистов и властолюбивых реакционных генералов. Но горе вам, если вы добровольно не согласитесь на это, тогда нас не испугают и штыки соглашательского империализма, на которые вы думаете опереться. С нами всемирный пролетариат, и не далек тот час, когда авангард всемирной социальной революции — победоносная Русская Красная Армия — подойдет к берегам Дуная.

Да здравствуют Русская, Украинская, Венгерская Красная Армии, несущие мир и спокойствие всему трудящемуся человечеству!

Да здравствует 3-й Коммунистический Интернационал!

Да здравствуют вожди всемирной рабочей крестьянской бедноты.

Мы победим!

ДЕЧЕВ.

*) Эту цифру буржуазные газеты своевременно признали правильной.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПРОГРАММНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Болгарской Коммунистической партии (социалистов „тесняков“ секции Коммунистического Интернационала).

(Резолюция по докладу Хр. Кабакчиева „Задачи и программа партии“, принятая XXII Съездом Болгарской Рабочей Социал-демократической Партии—I Съездом Болгарской Коммунистической Партии — 25, 26 и 27 мая 1919 г. в Софии).

I.

1. Болгарская Рабочая Социал-демократическая Партия всегда придерживалась принципов революционного социализма и тактики самостоятельной классовой борьбы. Она протестовала и всеми силами боролась как против балканских войн 1912—1913 г.г., так и против вмешательства Болгарии в мировую войну, которую она заклеила, как империалистическую. Как вне парламента, так и в нем, она вела смелую и непрерывную борьбу против преступной националистической захватной политики буржуазии и монархического правительства. Она голосовала против военных кредитов, порвала свои связи со II-м Интернационалом, руководящие органы и партии которого окончательно изменили социализму и перешли на сторону капиталистических правительств, и своим участием в Циммервальдской Конференции засвидетельствовала свою интернациональную солидарность с партиями и течениями международной социал-демократии, оставшимися верными социализму. Вместе с коммунистическими партиями и циммервальдскими течениями других стран, она приняла участие в создании Коммунистического Интернационала, который снова объединил международный революционный пролетариат.

2. Большая часть социал-демократических партий изменила принципам и тактике революционного социализма. Эти партии прикрываются именем социал-демократии, чтобы использовать ее прежний авторитет и таким образом вводить в заблуждение и вести за собой рабочие массы. Как Маркс и Энгельс назывались коммунистами, в отличие от буржуазных и мелко-буржуазных социалистов того времени; так теперь партия революционного пролетариата, чтобы подчеркнуть свое отличие от оппорту-

нистических и социалистических партий, которые всецело перешли в лагерь буржуазной контр-революции, должна отбросить название продавшихся врагам рабочих партий, называющих себя социал-демократическими.

Но название социал-демократической партии и теоретически неправильно: во-первых потому, что революционный пролетариат борется теперь не за завоевание парламентаризма, не за усиление буржуазной демократии, которая изменила всем демократическим традициям и стала безвозвратно на сторону контр-революции, а за установление диктатуры рабочего класса, которая одна только в состоянии „дать настоящую свободу трудящимся массам, составляющим громадное, подавляющее большинство народа. Не буржуазная демократия, а диктатура пролетариата ведет к победе социализма. Во-вторых, потому, что социализм—первая стадия будущего общества, к которой человечество перейдет непосредственно от капитализма, а коммунизм—вторая высшая стадия будущего общества, или конечный исторический идеал рабочего класса. В виду этого и следуя примеру братских революционных партий России, Германии, Венгрии, Австрии и пр., Болгарская Рабочая Социал-демократическая Партия меняет свое название и впредь будет именоваться Болгарской Коммунистической Партией (секция Коммунистического Интернационала).

II.

Империалистическая стадия в развитии капитализма, мировая война и наступившая вслед за ней революция в России, Германии, Венгрии и Австрии, создали новые условия борьбы рабочего класса. Эти условия отличаются следующими важнейшими моментами:

1. Гигантское развитие капитализма в течение последних десятилетий характеризуется новыми, невиданными раньше размерами централизации капиталов и концентрации производства, капиталистическими монополиями, которые все более завладевают важнейшими отраслями промышленности на внутреннем и международном рынках, объединяют промышленный и банковый капитал, способствуют развитию финансового капитала, увеличивают экспорт капиталов и обостряют борьбу между капиталистическими державами за новое распределение колоний и мирового рынка. В течение этой новой стадии развития капитализма, названной империалистической, наступили изменения как во внутреннем положении, так и в международных отношениях капиталистических государств.

2. Внутри, в государствах политическая власть сосредоточилась в руках горстки крупных капиталистов, землевладельцев и банкиров, которые сделали себя владельцами крупной промышленности, капиталов, копей, земли. В то же самое время все новые массы мелких хозяев пролетарируются, а те из них, которые еще сохраняют свою небольшую мастерскую, кусок земли или лавку, теряют окончательно свою экономическую самостоятельность и по своему положению все больше приближаются к рабочему классу. Классовые противоречия между буржуазией с одной стороны и пролетариатом и малоимущими трудящимися классами с другой стороны — все более обостряются. Чтобы подавлять растущее недовольство и усиливающуюся борьбу пролетариата и малоимущих классов, властвующие крупно-капиталистические банды прибегают к все более реакционной внутренней политике. Они освящают режим явной полицейской и военной диктатуры, как последнее средство для сохранения своего классового господства.

3. Империалистическая стадия капитализма создала внешнюю империалистическую политику капиталистических держав. Завладев внутренним рынком и сделавшись полными хозяевами на нем, владельцы капиталистических монополий и банков стремятся завладеть и внешними рынками. Когда весь мир поделен, начинается соперничество при этом новом разделении и перераспределении мира между крупными хищниками, так называемыми „великими державами“. Экспорт и вкладывание все больших капиталов в колонии и в отсталые страны усиливают заинтересованность буржуазии и ее стремления подчинить их себе вполне, как экономически, так и политически, чтобы обеспечить свои капиталы и дивиденды.

Империализм сбрасывает окончательно маску с внешней политики буржуазии, и эта политика вы-

ступает во всей своей наготе, как политика грабежа, завоевания, порабощения чужих народов и земель.

Для достижения этих целей в своей внешней политике, а также для поддержания своей внутренней реакционной политики, империалистические правительства до чудовищных размеров развивают милитаризм, под тяжестью которого народы задыхаются и изнемогают. Империализм обострил таким образом конфликты между большими государствами и, в конце концов, зажег пожар мировой войны.

4. В эпохи империализма в развитии производительных сил происходит колоссальный прогресс, труд в производстве продуктов становится вполне общественным; в то же самое время, однако, капиталы централизуются в руках все более незначительного меньшинства крупных капиталистов и банкиров. Обостряются противоречия между общественным производством и частным присвоением, покоящимся на частной собственности. Назревают экономические условия для перехода средств производства из частной собственности в собственность общественную. Пролетариат и близко стоящие к нему малоимущие классы составляют громадное большинство народа. Победа социализма зависит исключительно от сознательности и организованности пролетариата, т. е. от силы рабочего класса.

Вопреки общему призыву буржуазии к „гражданскому миру“ классовая борьба усилилась. Ужасные человеческие жертвы, понесенные рабочими классами, разорение, нищета, голод, в которые война бросила народы, полный политический и финансовый крах капиталистических правительств, решительное поражение империалистической политики, полная анархия, глубокая пропасть, в которую капитализм вверг общество — все это сделало положение рабочих масс невыносимым, пробудило революционное сознание и энергию пролетариата и дало мощный толчок его революционной борьбе. Вспыхнула революция в России, за ней в Германии, Австрии и Венгрии. Победа социалистической революции в России показала ясно цель и средства международной революции пролетариата.

5. Болгария развивается в общих условиях европейского империализма. Ее положение отличается от положения больших капиталистических государств тем, что она, вопреки алчным аппетитам болгарской буржуазии к завоеванию чужих народов и земель, сама является объектом порабощения и эксплуатации со стороны крупных империалистических хищников. Рабочие и малоимущие классы в нашей стране испытывают двойное иго собственных эксплуататоров и чужих завоевателей. Вследствие этого, они находятся в еще более тяжелом и бедственном положении.

Мировая война завершила для малых и отсталых народов то, что было начато империализмом: их порабощение и превращение в колонии. Большие капиталистические государства налагают руку на природные богатства и сырье малых и отсталых народов: грабят их экономически, подчиняют их себе в финансовом отношении и порабащают их политически.

Эксплуатация, которой подвергаются народы в колониях и полуколониях, усиливает в них революционные движения. Эти движения находят поддержку только в революционном международном пролетариате и, начавшись как национальные, неминуемо переходят в социальные революции, окончательная победа которых зависит от победы социальной революции в Европе. Но освобождение подавленных империализмом народов окончательно расшатывает привилегированное положение больших паразитных империалистических государств и приближает революцию в них самих.

Таким образом европейский империализм идет к обострению классовых противоречий, создаваемых внутренним развитием нашей страны. Война, с одной стороны, ускорила скопление капиталов в руках буржуазии посредством поставок государству, спекуляции и открытого грабежа, а с другой—она увеличила эксплуатацию рабочих и массовую пролетаризацию мелких крестьян и ремесленников. Громадные жертвы войны, экономическое разорение, финансовое банкротство, полный крах националистической завоевательной политики—все это пошатнуло основания буржуазно-монархического режима. Надвигается волна недовольства и революционной борьбы масс; перед болгарским пролетариатом встает прямая цель—стать во главе этого движения, чтобы влить его в общий мощный поток европейской социалистической революции. У болгарского пролетариата есть два основания для борьбы всеми силами за победу социализма: во-первых, он должен освободить себя от экономического и политического рабства, и во-вторых, он должен освободить весь болгарский народ от ига европейского империализма. Социализм осуществит братство народов, только он принесет национальное освобождение и объединение всем поработленным народам.

III.

Мировая война открыла эпоху социалистических революций. В эту эпоху программа-максимум революционной социал-демократии приобретает первенствующее и непосредственное практическое значение в борьбе всего международного пролетариата. Опыт революции в России и других странах обнаружил ясно как новые средства революционной борьбы пролетариата,—от массового высту-

пления и политической забастовки до вооруженного восстания,—так и цели освободительной борьбы рабочего класса; этот опыт дает возможность вложить определенное и точное содержание в программу-максимум. Итак, Болгарская Коммунистическая Партия заявляет, что она борется за осуществление следующих целей:

I. Социалистическая советская республика.

Революционный пролетариат борется за то, чтобы завладеть политической властью, экспроприровать средства производства и превратить их из частной собственности в общественную, организовать общественное производство и осуществить социализм.

Но пролетариат не может овладеть политической властью и осуществить свои идеалы при существовании капиталистического государства. Теперь государство является организацией для поддержания классового господства буржуазии и для угнетения и эксплуатации рабочего и малоимущих классов. Это государство, которое покоится на парламенте, бюрократии и милитаризме, должно быть разрушено и на его месте должно быть создано другое, новое государство, которое покоилось бы на самоуправлении рабочего и малоимущего классов, осуществляемом советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и на вооружении народа, выраженном во всенародной милиции и красной армии. Таким образом, государство превратится из аппарата угнетения и эксплуатации народного большинства в аппарат его политического освобождения и разрушения цепей экономического рабства.

Под маской демократии капиталистическое государство охраняет привилегии и поддерживает власть меньшинства имущих классов над громадным большинством бесправных, эксплуатируемых трудящихся классов. Теперь буржуазия, даже устанавливая демократическую республику, все таки фактически удерживает в своих руках диктатуру полицейской и военной власти. Парламент и конституционный парламентарный режим—проводники той же диктатуры. Революционный пролетариат, завладев политической властью, устанавливает посредством советов и милиции диктатуру рабочих и бедных крестьян, которая даст свободу громадному большинству народа. Своею диктатурою революционные классы сломят сопротивление имущего контр-революционного меньшинства новому режиму.

Вместе с осуществлением социализма исчезнут различия между классами и сами классы, государство, как аппарат насилия, исчезнет и превратится в организацию для сознательного регулирования производства и распределения.

Социалистическая Советская Республика осуществляет полновластие народа, она отдает всю власть — законодательную, исполнительную и судебную — в руки производительных трудящихся классов. Все органы старого режима, — от правительства, парламента, бюрократии, полиции и военного аппарата до земских и общественных самоуправлений, — заменяются новой советской организацией и созданными ею политическими, хозяйственными и культурными, местными и центральными, учреждениями. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов являются органами для осуществления революционной власти и установления социализма. Участие всех мужчин и женщин, занятых в производстве, в выборах советов и право отзывать депутатов в любой момент обеспечивают непосредственный постоянный контроль и прямое участие народа в управлении.

Социалистическая Советская Республика Болгарии входит в братский союз с соседними народами, чтобы создать Балканскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, как часть Европейской и Всемирной Социалистической Федеративной Советской Республики, которая осуществит общий союз и длительный мир народов.

2. Всенародная милиция и красная армия.

Буржуазия прибегает ко всем средствам насилия и объявляет гражданскую войну, чтобы удержать власть в своих руках и сохранить свои привилегии. Поэтому одним из первых условий победы Социалистической Революции является — обезоружение буржуазии и вооружение революционных классов. Оружие должно быть дано в руки самого народа — рабочих и малоимущих классов. Революционные классы вооруженной силой закладывают государственную власть, преодолевают сопротивление буржуазии, подавляют внутреннюю и внешнюю контр-революцию и таким образом обеспечивают свое господство и окончательную победу социализма.

Всенародная милиция организуется на следующих началах: вооружение всех рабочих и бедных, крестьян, всего рабочего и малоимущего населения, способного носить оружие. Образование Красной Армии, как активной части милиции, для постоянной защиты революции от контр-революционных покушений и заговоров. Выборные военные начальники, дисциплинарные комиссии и суды из среды самих солдат. Краткосрочное периодическое военное обучение милиционеров. Соединение военного обучения с физическим воспитанием молодежи в школе.

3. Экспроприация и социализация средств производства и обмена.

Экономическая и политическая сила капиталистического класса опирается на владение средствами производства и обмена. Первой задачей победоносного пролетариата является отнятие средств производства и обмена у капиталистического класса и превращение их в общественную собственность. Таким образом пролетариат уничтожит источник силы капиталистического класса и положит основание новому социалистическому обществу.

Революционный пролетариат, завладев политической властью, прежде всего приступает к экспроприации и социализации тех средств производства и обмена, в которых процесс капиталистической концентрации зашел далее всего вперед, подготовив условия для капиталистического производства.

После этого он направляет свое внимание на мелкое производство. У мелкого ремесленника ничего экспроприировать, так как, кроме нескольких первобытных орудий труда, он не владеет ничем. Но наемный труд в ремесленном производстве, как вообще и во всем производстве, будет уничтожен, и тогда для мелких ремесленников, которые теперь держатся только благодаря чрезвычайной эксплуатации ремесленных рабочих, не останется другого спасения, кроме замены индивидуального труда и ручных орудий кооперацией труда и применением машин в технически выше оборудованных заводах и фабриках, превращенных в общественную собственность. Это сразу подымет во много раз производительность труда и благосостояние теперешнего мелкого ремесленника.

Земля — основной фонд производства, и поэтому пролетариат ни одного серьезного шага не может сделать по пути к социализации, если одновременно не уничтожит частной собственности на землю. Победоносный пролетариат уничтожает все формы частной земельной собственности и превращает землю в общественное достояние, объявляет ее общественным фондом, принадлежащим всем трудящимся, всему народу. Прежде всего он экспроприирует крупные имения. Крупные имения, превращенные в общественные предприятия и обрабатываемые самыми усовершенствованными орудиями, будут играть роль образцовых хозяйств, пример которых будет иметь громадное значение для перехода мелких и средних хозяйств к коллективному владению и к коллективной обработке земли. Уничтожение наемного труда в земледелии будет облегчено экспроприацией средних и крупных землевладельцев.

Революционный пролетариат не отнимет у мелких землевладельцев земли, которая не обеспечивает даже их существования, а употребит все силы и средства, какими он располагает, будучи у власти, на то, чтобы организовать коллективное владение и обработку земли машинами, с применением рациональных методов. Это поднимет производительность земледельческого труда и улучшит материальное положение широкой земледельческой массы.

Организация общественного владения, производства и потребления может быть осуществлена только введением рабочего контроля над производством и распределением продуктов, осуществляемого профессиональными и другими хозяйственными организациями рабочего класса, которые постепенно возьмут на себя руководство и управление социализированными производствами. С другой стороны, организация коллективистического производства немыслима без уничтожения наемного труда и введения обязательного труда для всех трудоспособных членов общества.

Чтобы удовлетворить неотложные нужды бедствующих народных масс, одной из первых задач новой революционной власти является конфискация сырья и всех предметов, необходимых для того, чтобы накормить и одеть народ, и организация их общественного распределения при содействии самих трудящихся масс.

4. Всесторонняя защита труда рабочего и малоимущих классов.

Развитие капиталистических картелей, трестов и синдикатов, а также союзов хозяев для борьбы против рабочих делает борьбу все более трудной и уменьшает успехи профессиональных рабочих организаций. Буржуазия пользуясь своим положением господствующего класса, путем политической власти отнимает у рабочих их завоевания и мешает проведению в жизнь новых улучшений, завоеванных рабочими путем так называемого рабочего законодательства. Только овладев государственной властью, рабочий класс сможет ввести в очень короткое время такую широкую и действительную защиту труда, какой он не мог достигнуть до сих пор путем десятилетней профессиональной борьбы. Первые цели этой защиты: установление нормального рабочего дня, воспрещение труда для детей и подростков и ночной работы, достаточный еженедельный отдых; страхование рабочих и работниц в промышленности, земледелии, торговле и транспорте от безработицы, несчастных случаев, болезни, инвалидности, старости и смерти; рабочий контроль над применением законов о труде.

5. Удовлетворение жилищной нужды бездомных народных масс.

Экспроприация крупных домовладельцев с оставлением необходимых жилищных помещений для их личного пользования и для их семей. Уничтожение всех негигиеничных жилищ и размещение скученного в рабочих районах населения в благоустроенных районах и просторных квартирах буржуазии. Благоустройство городов и сел, постройка общественных средствами новых гигиеничных жилищ для бездомного населения. Удовлетворение жилищной нужды трудящихся классов берут на себя они сами, посредством выборных, районных и общегородских комиссий, которые действуют в согласии с местными и центральными органами советской власти, ведающими благоустройством их.

6. Обязательное и полное научно-трудовое образование всей молодежи обоого пола на общественные средства.

Учебное дело, во всех его отраслях, должно иметь целью дать всестороннее гармоничное духовное и физическое развитие человеческой личности и подготовить молодое поколение посредством трудового обучения к участию в процессе производства и к свободному пользованию наукою, искусством и всеми другими благами культуры.

7. Отделение церкви от государства.

8. Уничтожение государственных долгов, освобождение трудящихся классов от податей и перенесение налоговой тяжести на имущие классы до полной социализации.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий документ прислан нам из Болгарии через специального делегата.

Значение этого документа громадно. В различных странах передовые рабочие и их партии приходят к одним и тем же выводам: они становятся на рельсы коммунизма.

Мы вспоминаем сообщение делегатов на первом съезде Коммунистического Интернационала в Москве о том, как почти одновременно в Венгрии, в Швейцарии, в Германии еще год тому назад собирались отдельные кружки рядовых рабочих социалистов и вырабатывали

новую программу действия. И замечательно, что повсюду программа эта оказывалась **КОММУНИСТИЧЕСКАЯ**. В простых оборотах, в безхитростной форме рядовые рабочие выработывали новое евангелие освобождающего мир пролетариата: коммунистическую программу.

Болгарские товарищи имеют то преимущество, что в их стране уже в течение ряда лет существует стройно организованная сильная рабочая партия („тесняки“), давно порвавшая с оппортунистами и верная знамени революционного марксизма. Здесь рабочим не приходится бродить ощупью, они имеют верного руководителя в лице Болгарской Коммунистической Партии. И это облегчит победу социалистической революции в Болгарии.

В России и в Германии, в Венгрии и в Австрии, в Болгарии и в Италии, во Франции и

в Швейцарии—всюду, где живут и борются рабочие, коммунистическая партия растет и крепнет.

Поистине:

— „Рать подымается необозримая,
Сила в ней скажется неисчислимая“.

Наша программа написана кровью рабочих сердец. Наше дело победит...

Мы шлем горячий братский привет нашим старым друзьям—болгарским теснякам—коммунистам. С горячей любовью мы будем следить за их борьбой против буржуазии. Мы уверены, что болгарский пролетариат не только завоюет себе болгарскую советскую республику, но и станет передовым отрядом в борьбе за советскую республику всего Балканского полуострова.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ДОЛОЙ ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

ЗАВЕЩАНИЕ КАРЛА ЛИБКНЕХТА.

К рабочим и солдатам держав Согласия.

Друзья, товарищи, братья! Под ударами мировой войны, среди развала, созданного царистско-империалистическим обществом, воздвиг русский пролетариат свое государство—Социалистическую Республику Рабочих, Крестьян и Солдат. Создала ее несмотря на непонимание, ненависть и клевету. Она представляет собой великий фундамент того всемирного социалистического строя, создание которого является теперь исторической задачей международного пролетариата. Русская революция двинула неслыханно вперед дело революционирования пролетариата всего мира. Уже охвачены революцией Болгария, и Австро-Венгрия, пробуждается революция в Германии. Но на пути к победе перед германским пролетариатом стоят преграды. Массы немецкого народа идут за нами, власть проклятых врагов рабочего класса репалась, но все же они стараются обмануть народ, чтобы отодвинуть час освобождения немецкого народа. Как грабежи и насилия германского империализма в России, так и насильственный мир в Брест-Литовске и Бухаресте укрепили империалистов держав Согласия;—так и немецкие властители стараются теперь использовать нападение держав Согласия на социалистическую Россию в интересах удержания своей власти. Слышали ли вы, как Вильгельм II—этот, после гибели царизма, представитель

самой подлой реакции,—несколько недель тому назад использовал вмешательство держав Согласия в дела пролетарской России для нового воинственного возбуждения рабочих масс? Нельзя допустить, чтобы в руках наших гнусных врагов, в руках отвратительных врагов всего мирового пролетариата оставались столь желанные для них демократические средства; пролетариат стран Согласия не должен допустить, чтобы так случилось. Мы знаем, что вы уже подняли свой голос против махинаций своих правительств, но опасность растет все больше. Единный фронт мирового империализма против пролетариата осуществляется прежде всего в борьбе против Русской Советской Республики. Вот против чего я предостерегаю вас. Пролетариат всего мира не должен допустить, чтобы пламя Социалистической Революции было задушено, иначе погибнут все его надежды и все его силы. Гибель Русской Советской Республики была бы поражением пролетариата всего мира. Друзья, товарищи, братья, подымитесь против своих властителей. Да здравствует Россия рабочих, солдат и крестьян! Да здравствует революция французского, английского и американского пролетариата! Да здравствует освобождение рабочих всех стран из адской пасти войны, эксплуатации и рабства!

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы перепечатаем здесь известное воззвание незабвенного Карла Либкнехта, написанное им тотчас же по выходе из каторжной тюрьмы. Это воззвание справедливо можно рассматривать, как заветное Карла Либкнехта рабочим стран Согласия.

ВОЗЗВАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

Газета „L'Humanité“ от 24-го июня поместила следующее воззвание французской социалистической партии:

„Рабочие и крестьяне Франции!“

Не изирая на многочисленные протесты наших партийных и рабочих организаций, несмотря на ежедневную борьбу нашей прессы и частые запросы наших депутатов в парламенте, французское правительство продолжает вместе со своими союзниками воевать против рабочих и революции. Вот уже в течение двух лет наши солдаты, наши моряки и наши деньги употребляются на то, чтобы задушить пролетариат России и Венгрии. Наши правители вошли в союз с недовольными авантюристами свергнутого режима и нашими средствами поддерживают Саблина в Архангельске, Деникина на Кубани, Колчака в Сибири.

Французские войска и союзнические части стоят в Архангельске. Английский флот обстреливает русские балтийские берега. Французский флот действует в Черном море, и хотя французский десант в Одессе не удержался там, все-таки большая часть территории занята войсками союзников без объявления войны и без всякого права. Новый священный союз держит Россию и Венгрию под строгой блокадой. Миллионы людей, старики, женщины, дети из-за этой отвратительной системы осуждены на голод и медленную гибель только потому, что живут в стране, где труд пробует освободиться и заместить собой капиталистическую анархию. Антанта не хочет простить русскому и венгерскому пролетариату того, что они разорвали свои кандалы и желают ввести в жизнь новый порядок, который интернациональный социализм возвещает уже три четверти века. Союзники знают, что с победой пролетариата в их странах пробьет последний час и наступит конец капиталистическому господству.

Вот почему военное положение продолжается. Демобилизация задерживается. Начинается война за кастовые интересы. Мы видим, что Франция, — та самая Франция, которая в 1793 году воевала с монархической коалицией, стремясь задушить ее, — сегодня становится во главе реакционной коалиции, забыв и свое революционное прошлое и предательство русского царизма. Социалистическая партия закликает и умоляет французский народ не допускать удушения рабочих и революции. Если они будут задушены ценой новых кровавых жертв, реакционная волна захлестнет и наши надежды на освобождение, отдалит социализм во Франции и во всем мире, уничтожит наши мизерные свободы и опозорит республику новыми версальцами, ею уже оплаченными.

Рабочие и крестьяне Франции! Неужели вы допустите, чтобы совершилось такое преступление? Социалистическая партия призывает вас сегодня к борьбе. В Англии объединенный союз рабочих грозит приостановлением работ, если не будут отозваны немедленно английские войска из России. Итальянская социалистическая партия предлагает

одновременное выступление пролетариата Англии, Франции и Италии.

Товарищи рабочие-социалисты, будьте всегда готовы по призыву наших классовых организаций выступить против преступного вмешательства (осужденного даже не идущими за большевиками социалистами), напрягайте все свои пропагандистские усилия, распространяйте наши воззвания, наши брошюры и газеты, присутствуйте на митингах. Народ Франции, ты, который был всегда во главе революционных битв, ты можешь еще спасти рабочую революцию и тем обеспечить свое собственное освобождение. Своим молчанием и бездеятельностью не сделайся соучастником убийц и душителей революции.

От редакции.

Печатая этот документ, мы несколько не обольщаемся насчет степени готовности нынешнего большинства французской социалистической партии вести борьбу не на словах, а на деле, против вмешательства разбойников-империалистов в дела Советской России. Этот документ доказывает с несомненностью только одно: если так пишут даже представители официального большинства французской социалистической партии, то это значит, что французские рабочие и солдаты действительно начинают серьезную революционную борьбу против империалистов.

ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ СТРАН СОГЛАСИЯ

Товарищи, братья!

Скоро исполнится два года, как русский пролетариат, опираясь на солдатские и крестьянские массы, порвал всякие сношения с тем финансово-экономическим трестом, который на условно-дипломатическом языке международных разбойников называется „согласием“. Русский пролетариат перед лицом всего мира заявил, что он не хочет принимать участие в той лиге наций, которая является акционерной компанией для эксплуатации слабых и мелких народностей, что он хочет выйти из их чудовищной братоубийственной бойни, залившей кровью поля и хижину, а золотом — дворцы и палаты всей Европы.

И с тех пор, как русский пролетариат осмелился порвать цепь, надетую на народные массы русским царем и международной биржей, с тех самых пор он приобрел в лице буржуазии ваших стран беспощадного и заклятого врага. В страхе перед великими социальными силами, таившимися в русской революции, союзники начали свою контр-революционную деятельность непосредственно уже после февральской революции. Генерал Корнилов, как известно, пользовался особенной любовью и симпатией союзнических миссий и посольств. Эта любовь к контр-революционным генералам превратилась в пламенную страсть к русской монархии и к черной сотне, начиная с октябрьской революции.

Корнилов, Каледин, Краснов, Деникин и Колчак, вожди русской Вандеи, стали любимыми ге-

роями вашей буржуазии и ваших правительств. Не было, начиная с октябрьских дней, в России ни одного контр-революционного выступления и восстания, где бы представители ваших правительств не принимали активного участия. Но неунывающая русская революция успешно боролась против внутренней контр-революции и ее иностранных содержателей, мужественно и стойко отражал пролетариат натиск подкупленных союзным золотом бандитов, и ваши правительства сделали еще шаг вперед: они решили послать в Россию войска, вмешаться в наши внутренние дела и восстановить „порядок“. К этому времени союзники разбили Германию. Долго сдерживаемые алчность и хищничество прорвались с неудержимой силой: „рыцари права и справедливости“ выступили на международной арене, как самые вульгарные флибустьеры, стремясь закабалить на веки веков германский народ.

Маска, скрывавшая отвратительное лицо рыцарей с большой дороги, ушла, и самые слепые из вас могли убедиться, как бесстыдно-нагло и бесчестно лгали вам ваши правители и те социалисты и те руководители профессиональных союзов, которые уверяли вас, что это война за восстановление права, за справедливость, война против варварства и пр. Вся эта словесная шелуха была отброшена, как только враг был повержен и цель войны—ограбление малых и слабых народностей—была достигнута. С неслыханным цинизмом и невероятной жестокостью расправляются мясники из вашей лиги наций с народами, странами и территориями. Весь мир с его многочисленным населением стал объектом торга, переторжек и дележа, а над всей этой вакханалией хищничества, алчности, низменных страстей и вождений носится по адресу русского пролетариата вопли и вой поденщиков литературной барщины: „Распни его, распни!“.

И „согласие“ в бешеном страхе перед вздымающейся стихией социальной революции сделало центром внимания всех своих дипломатических комбинаций и мошеннических проделок удушение Советской России. Это ваши правительства стоят за спиной польских националистов и реакционеров, толкая одурманенный польский народ на военные действия против России, это ваши союзные дипломаты двинули против нас румынских, бояр-феодалов, этих классических реакционеров, заливающих кровью рабочих и крестьян каждую пядь занятой ими румынской и русской территории; это ваши правительства сорганизовали эстонских, лифляндских, литовских и латышских белогвардейцев и двинули всю эту буржуазно-помещичью сволочь против русских рабочих и крестьян; это Париж направляет политику финляндской буржуазии, которая перешла от немецкого империализма на содержание к империализму союзному; это ваши правительства открыто и цинично заняли Архангельск; это Париж благословляет Колчака, Деникина и прочих царских генералов заливать поля и равнины великой России горячей кровью русских пролетариев; это созданная вашими правительствами Лига Наций признала Колчака вешателя достойным членом своего арсопага; это ваши правители, разочарованные неудачами их ставленника, вложили свои симпатии и капиталы в нового претендента на власть—Деникина и, наконец, это они

„рыцари права и справедливости“, как в припадке кликушества называет их ваша желтая и продажная пресса, являются вдохновителями всех офицерских заговоров и белогвардейских восстаний, имеющих в настоящее время место в России. Но „согласие“ душил не только нас, оно занято благородной работой по удушению Советской Венгрии. Одним словом, оно заняло освободившееся за смертью царизма место международного жандарма и душителя свободы.

Вы видите, что центром мировой реакции стал теперь Париж, тот самый Париж, улицы которого орошены потоками пролетарской крови, а лобным местом свободы стал Версаль, город Тьера и озверевшей французской буржуазии. В огне войны и революции сгорели все старые фетиши. „Рыцари права“ превратились на наших глазах в версальцев, в достойных потомков тех геросов, которые под руководством Тьера расстреляли в кровавую неделю 1871 г. на улицах Парижа больше 30.000 мужчин, женщин и детей. Ваши правители, ваша буржуазия теперь—трижды версальцы; они версальцы потому, что навязали чудовищный мир, обрекающий на страшную кабалу и вымирание германский народ, они версальцы, ибо они со всеми отбросами царско-помещичьей России убивают и калечат сотни тысяч русских рабочих и крестьян и все это для того, чтобы убить русскую коммунистическую партию, как их предки убили парижскую; они версальцы, ибо они с бешеной яростью и злобой бросаются на малейшее выступление пролетариата, следят за тем, чтобы пролетариат нигде не порвал своих цепей, и немедленно посылают войска и оружие на помощь буржуазии той страны, которая имела, как в Венгрии, несчастье получить мат от своего пролетариата.

✓ Товарищи, братья!

К вам обращаемся мы, представители профессионально-организованного пролетариата России за помощью! Русские профессиональные союзы всегда боролись в первых рядах, и они болезненно чувствуют удары, наносимые Советской России вашими правительствами, правителями и разбойничьей Лигой Наций. Неужели вы, рабочие Англии, Франции, Италии и Соединенных Штатов, еще долго будете терпеть, чтобы вашей кровью заливался разгорающийся пожар социальной революции? Неужели международные разбойники из Лиги Наций и трижды клейменные версальцы будут, безнаказанно плести свои реакционные сети и душить мировую пролетарскую революцию?

Велики страдания и велики испытания русского пролетариата. Нас душил голод, нас окружили тесным кольцом наймиты вашей буржуазии; хищные щупальцы международной контр-революции тянутся к нашей шее, но пламенная вера в правоту пролетарского дела поддерживает наши силы, поддерживает нашу бодрость и энергию. Мы знаем, что социальная революция уже давно перешагнула русские границы и страшный призрак ее носится теперь по всему миру. С великой верой и надеждой ждем мы на передовых позициях мирового социального фронта вашей помощи. Мы верим в вас, мы надеемся на вас, ибо мы знаем, что ваши пролетарские сердца бьются в униссон с нашими сердцами.

На помощь же русскому пролетариату и Советской России!

Товарищи!

Долой разбойников империалистов!

На фонарные столбы интервенционистов!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Да здравствует Международная Советская Республика!

Президиум Всеросс. Центр. Сов. Професс. Союзов: *М. Томский, Ю. Лутовинов, Н. Глебов, А. Лозовский, В. Шмидт, Ф. Озол, Э. Рудзутак.*

К рабочим, солдатам и морякам Англии, Франции, Италии, Америки, Швеции, Финляндии, Эстляндии и Сербии.

Товарищи, в тяжелый момент мы, трудящиеся города Петрограда, переизбрали свой Совет. Перевыборы происходили в момент, когда войска ваших правительств угрожали нашему городу и когда, благодаря блокаде, устроенной вашими же правительствами, мы терпели неслыханные муки голода. И тем не менее петроградские рабочие остались на своем посту. Сотни и сотни тысяч трудящихся города Петрограда приняли участие в пере выборах нашего Совета. И вот сегодня этот новоизбранный Совет собрался в первый раз. На нашем собрании участвуют тысячи делегатов от рабочих, красноармейцев, матросов, служащих и всех трудящихся, всех рабочих организаций города Петрограда. И мы все единогласно заявляем вам: мы попрежнему стоим за власть Советов, за власть рабочих и крестьян. До последнего нашего вздоха будем мы бороться за победу рабочего класса над буржуазией, за победу социализма.

В этот торжественный для нас момент мы обращаемся к вам, товарищи, и мы спрашиваем вас: за что правительства ваших стран идут походом против нашего города, за что сжигают они наши деревни, за что расстреливают наших отцов и братьев, за что обрекают нас на муки голода? Все сведения об ужасах, царящих якобы в Петрограде, распространяемые продажной буржуазной печатью ваших стран, являются подлым вымыслом. Мы голодаем, мы надрываемся за работой, но у нас господствует пролетарская дисциплина и потный порядок. Мы отбиваемся от врагов, наседающих на нас со всех сторон, но мы шаг за шагом строим новое рабочее государство. Мы виноваты перед буржуазией ваших стран только в том, что мы первые подняли красное знамя, что мы первые прогнали царей и буржуазию, что мы вот уже два года держим власть в своих руках, передали землю крестьянам, фабрики и заводы — рабочим. Ваши правительства ненавидят нас за то, что мы опубликовали тайные договоры, заключенные им с царем. Ваши правительства ненавидят наш город только за то, что он первый поднял знамя пролетарской революции.

Мы обращаемся особо к рабочим и солдатам Эстляндии и Финляндии. Вас обманывают вот уже

два года. Вам говорят, будто мы хотим захватить Финляндию и Эстляндию. Это неправда. На заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в Москве нашим представителем тов. Зиновьевым от имени всего советского правительства было заявлено громогласно, что нашим войскам отдан совершенно официальный приказ не переходить ни Финляндской ни Эстляндской границы. Центральный Исполнительный Комитет есть высший орган власти во всей России. Заявление, сделанное там, имеет совершенно официальный характер. Мы уверены, товарищи, что близок момент, когда вы сами сумеете освободить себя от ига вашей буржуазии. Правительства ваших стран делают все возможное, чтобы приблизить свою гибель. Но войны с вами мы не хотим, войну провоцируют ваши правительства.

Товарищи, доколе же вы будете терпеть, чтобы ваши правительства снабжали головорезов белогвардейцев оружием, деньгами, офицерами, продовольствием?

На Мурмане против нас борются отряды англичан, французов, итальянцев, сербов. На Нарвском фронте против нас выступают отряды шведских белогвардейцев. По всей границе Эстляндии и Финляндии против нас борются и борются войска, посланные финляндским и эстляндским правительствами. Ваши правительства посылают к нам в Петроград своих шпионов и агентов. Эти негодяи устраивают взрывы в Петрограде и сыплют мешками золото, чтобы подкупить изменников из числа русских. Финское белогвардейское правительство высылает в полеты аэропланы, чтобы бомбардировать наши деревни и станции.

И тем не менее мы не сдаемся и никогда не сдадимся. Мы уверены, товарищи, что и в ваших странах красное знамя победит. На забастовку, которую вы назначили на 21-е июля, все мы смотрим, как на первую ласточку. Мы уверены, что рабочие и солдаты Франции, Англии, Америки, Италии и других стран не допустят, чтобы банкиры, и помещики употребляли их в роли жандармов, в роли душителей нашей великой рабочей революции.

Ваши правительства говорят вам, что они не вмешиваются в русские дела. Это — наглая ложь. Ваши правительства признали законным властителем России презренного палача и убийцу, адмирала Колчака, против которого восстают теперь поголовно уральские и сибирские рабочие и крестьяне. Ваши правительства швыряют миллиардами, чтобы помочь царским генералам восстановить монархию в России. Ваши правительства снабжают русских контр-революционеров всем, что им только необходимо, начиная от танков и кончая шпионами. Ваши правительства подняли на ноги банды Деникина, которые в Екатеринославе и в Харькове перерезали и перевешивали уже многие тысячи рабочих только за то, что они рабочие. Ваши правительства ответственные за зверства тех палачей, которые раньше чем покинуть Пермь, сожгли там несколько тысяч наших пленных красноармейцев. Ваши правительства несут ответственность за тот голод, который царит в нашей стране.

Восстаньте, товарищи, положите конец величайшим преступлениям, какие творятся вашими правительствами, подайте братски руку рабочим всех стран, сделайте все от вас зависящее, чтобы

помощь русским контр-революционерам прекратилась. Мы шлем вам братский привет и восклицаем вместе с вами: да здравствует рабочая революция во всем мире.

Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов.

★ РЕЗОЛЮЦИЯ + ПЕТРОГРАДСКИХ МИТИНГОВ.

20 июля в Петрограде состоялись 15 грандиозных митингов. На некоторых из них присутствовали по 12—15 тысяч человек. На всех митингах, при необычайном энтузиазме собравшихся, единогласно была принята следующая резолюция:

„По инициативе итальянских коммунистов на 21-е июля назначена международная политическая забастовка в Италии, Франции, Англии и в других странах. Часть немецких рабочих тоже, повидимому, примет участие в этой стачке. Стачка должна проходить под лозунгом поддержки Российской и Венгерской республик: „Не смейте вмешиваться в дела России и Венгрии“, „Не смейте помогать русским и венгерским контр-революционерам, да здравствует советская власть во всем мире“. Таковы ло-

зунги предстоящей международной политической забастовки. Рабочие Петербурга с радостью приветствуют французских, английских и итальянских рабочих, делающих первый шаг по пути планомерно организованной пролетарской борьбы в международном масштабе. Рабочие Петербурга уверены в том, что забастовка 21-го июля послужит началом вооруженной борьбы международного пролетариата за власть советов во всем мире. Товарищи, нам тяжело. Мы вынуждены вести гражданскую войну с контр-революционными бандами, которым щедро помогают ваши империалистские правительства. Мы голодаем, ибо буржуазия ваших стран окружила Россию железным кольцом голодной блокады. Только вы можете облегчить наше положение. Ваши правительства, которые стали международными жандармами и палачами народа, должны быть низвергнуты. Надвигается последний решительный бой — бой труда с капиталом. Рабочие всех стран требуют к ответу виновников 4-летней бойни, виновников голода, виновников того, что земля превратилась в ад.

Долой буржуазию! Да здравствует восстание рабочих всех стран!

Да здравствует Советская власть во всем мире!

Да здравствует коммунистический Интернационал!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ФРИДРИХУ АДЛЕРУ *).

Гражданин Адлер!

Вот уже несколько месяцев к нам доходят вести о вашей деятельности, сначала казавшиеся нам невероятными. Вы, Фридрих Адлер, оказываетесь в рядах активных борцов против рабочих коммунистов Австрии. Вы, Фридрих Адлер, оказываетесь соучастником всех преступлений Реннера, Бауэра и компании против рабочего класса Австрии.

Я переносюсь в обстановку, когда вы сделали ваш исторический выстрел в графа Штюргка. Как молния прорезает нависшие тучи, так выстрел ваш в те мрачные дни прорезал политические тучи, нависшие над австрийским и международным рабочим классом. Я вспоминаю статью, которую мне, жившему тогда в эмиграции, довелось написать по поводу этого вашего выстрела. — Фридрих Адлер спас честь австрийского рабочего класса — писал я в моей статье, помещенной в тогдашнем нашем журнале „Коммунист“. И нашей партии и нашему направлению довелось тогда защищать вас от нападок ваших недавних друзей, русских меньшевиков, которые оценивали ваш шаг примерно так же, как это делали тогда литературные шавки из редакции тогдашней „Arbeiter Zeitung“.

Вы сами хорошо помните, как откликнулись социал-патриоты австрийские и германские на ваш выстрел. Ваши друзья по партии многозначительно приставляли палец ко лбу и объясняли ваш выстрел

мнимой вашей умственной неуравновешенностью. Но рабочие вас поняли. Для русских рабочих вы стали одним из любимейших героев. Они ставили вас рядом с незабвенным Карлом Либкнехтом.

Со времени нашей русской революции не обходилось ни одного крупного собрания в Петрограде и в Москве, которое не посылало бы вам свои горячие приветствия. Когда вы были приговорены к смертной казни, миллионы русских рабочих протестовали против этого. Лучшим своим народным домам, наиболее прекрасным рабочим кварталам русские рабочие присваивали название домов имени Фридриха Адлера и улиц имени Фридриха Адлера. Вас выбирали почетным председателем наших исторических съездов. День вашего освобождения из тюрьмы был праздником для петроградских и московских рабочих. Вас ждали. И что же? Вас дождались. Вы вышли на свободу. Но вы попали не в объятия восстающих против своих угнетателей пролетариев, а в объятия предателей рабочего класса, группирующихся вокруг господ Реннеров.

Я слышал в марте месяце на Московском конгрессе III Интернационала доклад представителя австрийских рабочих коммунистов. В этом докладе товарищ рассказал конгрессу и о вашей позиции. В голбе докладчика, старого работника пролетарского движения в Австрии, сначала звучали нотки горячей любви к вам. Он говорил о том времени, когда рабочие Вены после вашего выстрела считали вас своим признанным вождем. Он рассказы-

*) Это письмо предназначается для австрийской коммунистической газеты.

вал нам о том, как венские пролетарии, затаив дыхание, ждали того момента, когда перед вами раскроются двери тюрьмы. Но вот вы вышли на волю. Венские пролетарии ни на минуту не сомневались, что вы, их любимый вождь, окажетесь среди них и станете во главе тех пролетариев, которые готовы идти на штурм капитализма. Увы! Вы вышли на волю, и—вы оказались в рядах угнетателей рабочего класса...

И венский докладчик рассказал нам о том, как чувство горячей привязанности к вам среди венских пролетариев сменилось сначала чувством недоумения, затем выжидания, затем, наконец, озлобления—законного, благородного озлобления против человека, который не оправдал надежд угнетенного класса.

Еще недавно пришлось мне иметь беседу с одной группой сознательных рабочих Петрограда, работающих на Васильевском Острове (один из лучших рабочих кварталов Петрограда). Эти рабочие, руководители десятков петроградских заводов, узнав о позиции, занимаемой вами теперь, с возмущением сорвали дощечки с проспекта, который назван был ими в вашу честь, проспектом Фридриха Адлера; и они пришли к нам в Совет и потребовали, чтобы улица, переименованная год тому назад в проспект Фридриха Адлера, теперь была бы переименована в проспект австрийских коммунистов, и почти со слезами на глазах они говорили нам: Фридрих Адлер изменил австрийскому пролетариату, он не наш, он против нас.

Наши друзья, австрийские коммунисты, сообщают нам, что вы берете на себя самые... мягко выражаясь, рискованные поручения от акционерной компании Реннер—Аустерлиц. Когда буржуазии и ее подголоскам социал-предателям необходимо разоружить красногвардейские воинские отряды, то именно вас посылают уговаривать красногвардейцев, будто в интересах рабочего класса, следует сложить оружие. Вы состоите, повидимому, чем то вроде чиновника для „особых“ поручений при группе наиболее ненавистных для австрийского рабочего класса социал-предателей. Вы ездили в Берн, гражданин Адлер, мы не удивимся, если вы поедете в Люцерн и будете там держать стремя у ног Шейдеманов, Реноделей и Вандервельдов. Агентам капитала вы станете помогать мистифицировать рабочих, будто в Берне и Люцерне происходит возрождение рабочего Интернационала, тогда как на самом деле там возрождается желтый преда-

тельский „Интернационал“ слуг буржуазии. Лучшие силы свои вы посвящаете не борьбе против австрийских феодалов и капиталистов, которые на деле остаются господами положения в вашей стране. Лучшие ваши силы вы отдаете на борьбу против рабочих коммунистов, пытающихся осуществить то, чему учили нас Маркс и Энгельс.

Если где-либо условия для пролетарского переворота назрели, то это, конечно, в Австрии. Ваша попытка запугать венских рабочих тем, что, если они восстанут против социал-предателей, то Антанта оставит их совсем без хлеба, фальшива насквозь. Вы превосходно знаете, что австрийские рабочие голодают и теперь. Вы не можете не знать, что империалистская война ввергла в пучину голода почти весь мир. Вы не можете не отдавать себе отчета в том, что союз социалистической Австрии с советской Венгрией и советской Россией был бы непобедим и что при победе советской власти в Австрии хлеб для рабочих был бы обеспечен. Запугивая австрийских рабочих Антантой, вы на деле играете роль агента этой Антанты.

Рядом с вами в Будапеште живут и борются герои венгерские пролетарии, вырвавшие власть из рук венгерской буржуазии. Вместо того, чтобы помогать им из всех сил, вместо того, чтобы идти по их стопам, вы предпочитаете подставлять им ножку, бороться против них. Вы дружите с тем правительством, которое изгоняет из Вены представителей венгерской советской республики. Большим позором вы не могли покрыть свою голову.

Но мы глубоко уверены, что героический австрийский пролетариат перешагнет через все препятствия. С вождями, если они этого хотят, без вождей, если эти вожди отстают от масс, против вождей, если эти вожди упорствуют в своих заблуждениях. Так скажет австрийский рабочий класс. И он перешагнет через все „живые трупы“, он возьмет власть в свои руки, он учредит советскую республику в Австрии.

Идите же вперед, товарищи, австрийские коммунисты. Чем большую шаткость обнаруживают бывшие вожди, чем больше трудностей на вашей дороге, тем более велики ваши заслуги, тем с большей любовью относится к вам Коммунистический Интернационал.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

21 июля 1919.
Петроград.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ „КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА“.

ПИСЬМО ИЗ ЧЕХИИ.

Несмотря на все усиливающиеся репрессии, революционное коммунистическое движение в Чехо-Словакии продолжает развиваться.

Организируются все пролетарские элементы среди чехов и словаков. Устраиваются собрания, митинги на фабриках и заводах, издаются листовки, брошюры и воззвания. Выходят даже две нелегальные коммунистические газеты: „Пролетарская Армия“ на чешском языке, распространяемая почти исключительно среди чешских белогвардейских войск, и „Красная Газета“ на словацком языке, которая распространяется и на фронте и в городах среди словацких рабочих масс. Ведется также усиленная агитация среди военнопленных солдат белогвардейской армии.

Работа дала уже значительные результаты: агитационной работой объясняется, главным образом, отступление чешской армии, которая совершенно распалась и бежала, бросая все.

В немецкой части Чехии, оккупированной чешскими войсками, немцы провозгласили присоединение к немецкой Австрии и образовали свое временное правительство, не признающее Пражского правительства Крамаржа. Среди немецкого пролетариата в Чехии также очень успешно развивается коммунистическое движение, особенно в рабочих центрах.

Большинство населения Чехо-Словакии относится к чешскому правительству враждебно. Особенно недовольны действиями администрации, целиком набранной из чехов, словаки. Чешское правительство, в свою очередь, недоверяет словакам. Вообще отношения между этими двумя народностями очень натянутые. Так, словаки, мобилизованные чехами, разбегаются.

Мадыры, живущие в словацких городах, относятся к чешскому правительству различно: буржуазия сочувствует ему, пролетариат ненавидит его. Были случаи даже открытого выступления мадырских рабочих против пражского правительства: при отступлении чешской белогвардейской армии при Мунечах 1000 рабочих мадыр ударили чехам в тыл и разбили их.

В Чехии существуют сейчас следующие легальные политические партии: чехо-словацкая, соц.-дем. партия (автономисты), чешская соц.-дем. партия (централисты), чешская социалистическая партия (национал-социалисты), национальная революционная партия (аграрная), национальная демократическая (младочехи), объединившаяся с государственно-прогрессивной партией (так называемые „реалисты“, во главе с Массариком), народная (клерикальная) партии. Все эти партии поддерживают правительство.

В Чехо-Словацкой социал-демократии наблюдается сейчас три течения: правые, руководимые Медрачком и Гудецом, откололись и образовали особую партию, субсидируемую правительством; центр, во главе с Соукупом, Немцом и др., входят в правительство; левые, находятся в оппозиции к правительству, но из партии пока еще не вышли.

Все правительственные партии поддерживают Антанту и из всех сил способствуют его стараниям задуть пролетарскую революцию.

Социал-демократическая партия на бумаге протестовала против наступления на Советскую Венгрию и уговаривала солдат не наступать, ограничившись лишь оборонной границей чехо-словацкой республики.

Программы „рабочих“ партий социал-демократической (автономистов), чешской соц.-демократической (централистов) и чешской социалистической насквозь пропитаны меньшевистским и национально-шовинистским духом. Они по уши погрязли в оппортунизме, относятся отрицательно к большевизму и мечтают при помощи всеобщего избирательного права завоевать большинство мест в парламенте и таким образом добиться власти. К советскому строю они равнодушны, диктатуру пролетариата считают излишней. Между тем, широкие массы рабочих и безземельных крестьян безусловно сочувствуют коммунизму, но они пока еще не организованы и не сплочены.

Правительство оказывает этим трем партиям свое покровительство, а на левых соц.-демократов начинает коситься. Против распространения коммунистических идей оно борется всеми доступными ему средствами: цензурой, работает во всю, критика правительственных мероприятий в печати и на собраниях воспрещается и карается судом. В вопросах внешней политики правительство всецело подчиняется указаниям Антанты.

В некоторых местах, особенно там, где пользуются преобладающим влиянием левые элементы соц.-демокр. партий, образовались и советы. Правительство признает их, но требует, чтобы они действовали в рамках закона: недавно вышло особое правительственное распоряжение по этому поводу. Значение их пока, главным образом, моральное. Тем не менее, буржуазные партии очень обеспокоены их существованием, и яростно настаивают на насильственном закрытии их.

К приведенной выше характеристике трех социалистических партий можно еще прибавить, что они идут за II-м Интернационалом и все вопросы мировой революции преподносят массам в пристрастном соглашательском освещении.

Имевшие место отдельные массовые выступления были направлены, главным образом, против дороговизны. На одной из демонстраций рабочие вперед шествия несли несколько виселиц. Проходя по бульварам и останавливаясь около ресторанов, толпа задерживала спекулянтов, заставляя их тут же давать торжественную клятву в том, что они не будут повышать цен на продукты и ткани. Если спекулянт отказывался, то его подводили к виселице и надевали ему петлю на шею, после чего он немедленно же произносил требуемую клятву. Однако, демонстрации эти отчасти не были лишены и политического характера. Результаты их немедленно же сказались: совет министров постановил начать энергичную борьбу

со спекуляцией, магазины были закрыты, было приступлено к учету товаров, установлены твердые цены. Кроме того, усилили подвоз продовольствия из Америки.

В демонстрациях принимали участие члены всех трех социалистических партий и части войск. На некоторых митингах против дороговизны солдаты выступали даже в качестве ораторов. Провозглашались такие лозунги, как „смерть кулакам!“ и т. п.

Войска вообще сочувствовали этому движению, а буржуазия отнеслась к нему, конечно, очень враждебно и подняла крик о том, что в разграблении лавок целиком виноваты коммунисты.

Говоря о настроении в войсках, необходимо прежде всего указать на то, что в этом отношении существует резкая разница между солдатами чешских полков бывшей австрийской армии и легионерами.

Чешские полки, входившие прежде в состав австрийской армии, недовольны своим нынешним положением, беззастенчивость среди них принимает громадные размеры, дисциплина расшатана, деморализация все разрастается, бывают случаи грабежей и воровства. Об этом с безусловной достоверностью свидетельствуют приказы по полкам, захваченные венгерской красной армией. Вообще, части бывшей австрийской армии для правительства не надежны.

Правительство опирается на организованные французами и итальянцами чешские легионы, которые, главным образом, и сражаются на фронте. В них господствует национально-шовинистский дух с ярко выраженной враждой к мадьярам и немцам.

Кроме того, опорой правительства служат также и сокобские организации, поставляющие контингент добровольцев, идущих на фронт и поступающих в жандармерию.

Вражда между солдатами и офицерами наблюдается во всех частях армии, но особенно она сильна в бывших австрийских полках. Во всех армейских частях у офицеров есть свои особые организации.

В Словакии мобилизовано все мужское население от 18 до 42 лет и бывшие легионеры до 45 лет. Эта мобилизация производилась только после разгрома чешской армии на венгерском фронте. Во время войны против Советской Венгрии многие части отказались воевать и были под конвоем легионеров отправлены в тыл. Были также случаи массовой сдачи в плен. Около 8000 солдат через Карпаты бежали в Галицию, где поляки разоружили и интернировали их.

Большинство интеллигенции, значительная часть которой входит в состав чешской социалистической (нац.-соц.) партии, поддерживает правительство и отличается той мелко-буржуазной идеологией, которая характерна для трудящейся интеллигенции вообще. Социальной революции она не сочувствует. Сельская интеллигенция (учителя) принадлежит к чехо-словацкой соц.-дем. партии, и ее идеология носит ту же мелко-буржуазную окраску. Но наибольшим влиянием среди широких интеллигентских

кругов пользуется все-же национально-демократическая (младочешская) партия.

Против большевизма ведется усиленная агитация. Буржуазная печать стремится во что бы то ни стало дискредитировать принцип советской власти. Большевиков печать эта изображает в виде воров, разбойников и убийц, утверждая, что большевизм будет существовать только до тех пор, пока будет возможность грабить. В войсках устраивались специальные агитационные противобольшевистские курсы, имеется особый кадр агитаторов, действующих как среди солдат, так и в рабочих массах. На пропаганду эту расходуются большие средства не только буржуазными партиями, но и правительством. Выпускается также множество брошюр, направленных против коммунизма.

Впрочем, в целебную силу этих „идейных“ средств правительство не очень то верит: боясь распространения большевистских идей среди пролетариата, оно ограничило теперь свободу собраний специально для рабочих партий, которым дозволяется теперь устраивать собрания лишь с разрешения администрации, тогда как буржуазные партии пользуются полной свободой печати и собраний. Кроме того, правительство развило целую систему шпионажа.

Тем не менее, как мы уже говорили, коммунисты работают не покладая рук. За последнее время, кроме текущей литературы: листовок, газет и т. п., изданы: „Коммунистический Манифест“, „Коммунистическая программа“ Бухарина, „Правда о Советской России“ Садула.

Профессиональные союзы почти все находятся в руках чехо-словацких соц.-дем., но и в них за последнее время начинает пробуждаться интерес к коммунистическому движению.

Экономическое положение Чехии сейчас очень тяжелое: без продовольственной помощи со стороны Америки совсем невозможно было бы продержаться и выдавать даже тот малый паек, который сейчас выдается. Транспорт отчасти совсем разрушен, поезда ходят не по расписанию, а по усмотрению военного командования. Многие заводы, не получая сырья и топлива, стоят, хотя уголь имеется, но правительство вывозит уголь и сахар за границу для поддержания на надлежащей высоте курса чешских денег. Безработица свирепствует в ужасающих размерах. Предметов первой необходимости не хватает. Спекулянты продают пшеничную муку по 5 крон за килограмм, говядину по 24 кроны за килогр., свинину по 40 кр. за килогр., сало по 60 кр. за килогр., масло сливочное по 60 кр. за килогр. Керосина нет совсем. Заработная плата в промышленности колеблется от 10 до 40 крон в день, сельскохозяйственные рабочие получают от 5 до 10 кр. в день, а чиновники от 300 до 500 крон в месяц. Достаточно взглянуть на эти ставки и сравнить их с приведенными ценами, чтобы убедиться в том, что громадное большинство населения обречено на совершенно голодное существование.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ.

(Отрывок из письма).

...Для непосредственного наблюдателя не может быть ни малейшего сомнения в том, что Италия — накануне революции. Матросы, бывшие когда-то самыми яркими сторонниками войны с Австрией и Германией, теперь все настроены революционно. И в рабочих массах боевое настроение растет и ширится с каждым днем. Число членов Рабочей Конфедерации, после объявления перемирия, увеличилось с 300.000 до 1.100.000, тираж „Avanti“ („Вперед“) с 70.000 поднялся до 300.000 экземпляров. Во

многих местностях средней и южной Италии провозглашена власть советов. Даже умеренные элементы, в 1915 году стоявшие за участие Италии в войне, теперь выступают против королевской династии и мечтают с помощью парламентариев-социалистов устроить „легонькую“ революцию в духе Керенского. Что же, пусть устраивают! Рабочие массы и в Италии не остановятся на полпути и доведут революцию до конца, до полной победы пролетариата и мелкого крестьянства.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

БОЙКОТ ЖЕЛТОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН.

1-е первое августа в городе Люцерне назначен конгресс второго „Интернационала“. Социал-предатели всех стран пытаются поднять вокруг этого конгресса большой шум. Конгресс изображают, как великий праздник для рабочих. Режиссеры предстоящей люцернской комедии пытаются обставить свой съезд почти с такой же помпой, как французские империалисты обставляют свой праздник „победы“ над германским и своим собственным народом в Париже.

Буржуазии и ее агентам хочется не только победить рабочий класс, но и поиздеваться над ним. И попытка изобразить люцернский конгресс, как возрождение рабочего Интернационала, является именно такой попыткой поиздеваться над рабочими.

В самом деле. Кто созывает этот конгресс? Его созывают те партии, те люди, которые, начиная с первых дней войны 1914 года, целиком поставили себя в распоряжение „своих“ империалистских правительств. Те самые Шейдеман и Ренодели, Вандервельды и Гюисмансы, Гайндманы и Гендерсоны, которые в течение четырех лет кричали о „войне до конца“, о „защите отечества“, которые благословляли: одни — генерала Гинденбурга, другие — генерала Фоша, которые помогали буржуазии истреблять цвет рабочего класса! Эти люди теперь хотят воссоздать рабочий Интернационал!..

Они — одинаковые преступники перед рабочими всех стран. Они связаны круговой порукой, все эти Шейдеман и Ренодели. Им нужно взаимно реабилитировать друг друга, им необходимо изобразить дело так, будто в течение четырех с половиною лет войны ничего особенного в Интернационале не произошло. С точки зрения этих господ никакого кризиса социализм не переживал и не переживает. Были только маленькие „недоразумения“, стоившие, однако, жизни миллионам рабочих. Теперь, когда хозяева помирились, когда Версальский мир подписан, можно помириться и лакеям. Наиболее дальновидные из социал-предателей еще

в 1915 году предсказывали, что наступит момент, когда социал-шовинисты германские смогут дать амнистию социал-шовинистам французским и наоборот. Карл Каутский еще в 1915 году создал целую теорию взаимной амнистии. И вот теперь этот вождь желанный момент для жрецов обанкротившегося второго Интернационала наступил. В Люцерне эти господа собираются отпустить друг другу грехи: объявить всеобщую амнистию, умыть руки в своей собственной невинности и втереть очки рабочим всех стран, — будто второй Интернационал опять восстановлен.

Кто приедет в Люцерн? Какие партии будут там представлены? В кругах организаторов люцернского конгресса считается само собою разумеющимся, что официальная германская социал-демократия должна явиться желанной гостьей на этом конгрессе. Но разве рабочие всех стран могут забыть, что именно эта официальная германская социал-демократия является вдохновительницей убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург?

Столь же желанными гостями в Люцерне будут партии английских и французских социал-шовинистов. Но разве рабочие могут забыть, что господа Тома и Вандервельды в течение всей войны были на посылках у королей и банкиров и что эти господа являются и теперь заведомыми агентами империалистов?

Платформа предстоящего люцернского съезда в основных чертах была уже намечена на Бернской конференции в начале нынешнего года. Социал-предатели вполне одобрили идею пресловутой „Лиги Наций“, которая теперь предстала пред глазами рабочих всех стран, как лига разбойников и душепителей народов. Нынешние организаторы люцернского конгресса, по поручению Бернской конференции, выступали ходатаями перед Клемансо, Пишоном, Ллойд Джорджем и Вильсоном, уговаривая их „демократизировать“ знаменитую Лигу Наций. Разумеется, над этими шутами гороховыми только посмеялись, их не пустили дальше передней

и их послали продолжать ту „работу“, на которую они единственно способны — работу вовлечения пролетариев всех стран в сети буржуазии.

Пролетарская революция растет не по дням, а по часам во всех странах Европы и Америки. Но что в это время делают официальные социал-демократические партии, собирающие теперь свой конгресс в Люцерне? Эти официальные, насквозь прогнившие, партии душат рабочее движение всеми силами. Во Франции, в Германии, в Австрии, в Англии — всюду и везде старая казенная социал-демократия выступает душительницей стачек железнодорожников, стачек и восстаний других категорий рабочих.

Империалистские правительства стран Согласия открыли крестовый поход против русских и венгерских пролетариев, взявших власть в своей стране. Честные рабочие стран Согласия выражают величайшее возмущение этим походом и готовы восстать против своих правительств с оружием в руках. Но какова роль официальных социал-предателей в этом деле? Социал-шовинисты Германии, как и Франции, Австрии, как и Англии, стараются ослабить протест рабочих. Они на деле помогают Колчаку, румынским боярам и всем другим душителям венгерской и русской революций.

Второй Интернационал умер 4 августа 1914 года в момент, когда германские и французские социал-демократические партии голосовали за военные кредиты и перешли на сторону своих правительств. Никто не воскресит Второй Интернационал „Смердящим трупом“ назвала официальную германскую социал-демократию Роза Люксембург еще в 1915 году. Таким же смердящим трупом ныне стал весь Второй Интернационал, трупом, который надо поскорее зарыть в землю, чтобы он не отравлял окружающей атмосферы.

На развалинах Второго Интернационала родилось новое международное товарищество рабочих: Третий Коммунистический Интернационал. Все, что есть честного, стойкого, способного к борьбе среди рабочего класса, — все это вступает в ряды Третьего Интернационала. Около 20 коммунистических партий принимали участие в учредительном съезде Третьего Коммунистического Интернационала. С тех пор, как учрежден Третий Интернационал в Москве, прошло только четыре месяца.

За эти четыре месяца к Третьему Интернационалу примкнули новые партии: итальянская рабочая партия, сербские революционные социал-демократы, шведские и норвежские товарищи, болгарские рабочие, левое крыло американской партии и многие другие рабочие организации Европы и Америки. Борьба закипает во всем мире. Могучие стачки, потрясающие Италию, служат порукой тому, что близок момент освобождения итальянского пролетариата. Политическая стачка, назначенная в нескольких странах Согласия на 21-е июля под лозунгом протеста против вмешательства в русские и венгерские дела, является только предвестником целого ряда международных битв, которые неизбежно окончатся победой мирового пролетариата над международным капиталом.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала единогласно постановил призвать рабочие организации всего мира бойкотировать предстоящую гнусную комедию в Люцерне. Ни один уважающий себя рабочий, ни одна честная рабочая организация не примет участия в том маскараде, который на потеху королям биржи и их наложницам будут разыгрывать желтые „социалисты“ в швейцарском городке Люцерне.

В этот день рабочие всех стран, в той форме, какую они найдут возможной, будут демонстрировать против желтого „Интернационала“ и заявят о своей верности идеалам коммунизма, провозвестниками которого были Маркс и Энгельс.

Выходите в этот день на улицу, товарищи рабочие, бросайте в лицо лакеям капитализма свое презрение и ненависть к слугам капитала, манифестируйте в пользу тех принципов, за которые боролся Карл Либкнехт, собирайте силы под знаменем Третьего Коммунистического Интернационала.

— *Vivos voco!* — всех живых, всех способных к борьбе, всех ненавидящих гнет буржуазии, всех любящих подлинную свободу, всех готовых бороться за уничтожение капиталистического строя — Третий Интернационал зовет в свои ряды.

**Председатель Исполнительного
Комитета Коммунистического Интернационала**

Г. ЗИНОВЬЕВ.

К РАБОЧИМ СТРАН „СОГЛАСИЯ“.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАБАСТОВКА СОРВАНА—ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАБАСТОВКА!

Затаив дыхание, передовые рабочие всех стран ждали дня 21-го июля. На этот день в Италии, во Франции, в Англии и в некоторых других странах была назначена международная политическая забастовка под лозунгом поддержки русской и венгерской революций и с требованием невмешательства империалистских правительств в венгерские и русские дела. Целый ряд официальных „социалистических“ организаций как будто поддерживали эту забастовку. Французская конфедерация труда,— официальный партийный центр во Франции,— стояла за эту забастовку. Но эти организации оказались бы не верны самим себе, своей обычной тактике шаткости и половинчатости, если бы они в последнюю минуту опять не изменили рабочему классу.

— Если официальные „социалисты“ в Англии и во Франции стоят за политическую забастовку, то стало быть рабочий класс Англии и Франции идет гораздо дальше и, вероятно, склонен пойти на прямое восстание.

Так оценивали события передовые рабочие коммунисты.

Случилось худшее. Официальные элементы социализма помазали по губам рабочих лозунгом всеобщей забастовки, завоевали себе этим некоторое доверие, взяли движение в свои руки, а когда дело подошло к решающему дню, они дали контрпароль и этим сорвали забастовку.

Мы не имеем еще подробных сведений о том, что было 21-го июля в указанных странах. Несомненно, что героический пролетариат Италии оказался, как всегда, на высоте своей задачи. Сотни тысяч итальянских пролетариев вступили в героическую борьбу с итальянскими империалистами. В некоторых городах Италии дело дошло до прямых восстаний. И нет той силы в мире, которая остановила бы эту великую борьбу труда против капитала.

Во Франции, повидимому, опять имело место пресловутое „сотрудничество“ между империалистским правительством и французскими социал-предателями. Империалистское правительство Франции заявило о своей готовности дать амнистию некоторым категориям политических „преступников“. И вместе с тем то же правительство приняло самые драконовские террористические меры против намечавшейся забастовки. А социал-предатели, верные своей тактике, призвали рабочих назначенную забастовку отложить, т.-е. сделали то, что нужно было французской буржуазии.

Забастовка 21-го июля сорвана. Социал-предатели внесли еще одно предательство в тот сви-

ток чудовищных преступлений, какие они совершили по отношению к рабочему классу всех стран, начиная с 1914 года. Забастовка сорвана, по крайней мере, в некоторых из тех стран, где она намечалась. И первым результатом этого является то, что союзные империалисты готовят новый натиск на героическую Советскую республику Венгрии.

В Чигирине собралось контр-революционное помещичье самозванное „правительство“, желающее восстановить в Венгрии феодально-буржуазный режим. Чигиринской контр-революционной шайке, разумеется, приходит на помощь правительство Клемансо. Французские империалисты всеми средствами помогают изгнанным из Венгрии и бежавшим оттуда экспроприированным магнатам. Занесенный меч готовившейся политической забастовки на некоторое время удержал Клемансо и его подручных от прямого похода против красного Будапешта. Теперь этот поход готовится с новой силой. И если на героев, венгерских пролетариев, освободивших свою страну от гнета капитализма, теперь обрушатся орды белогвардейцев, ответственность за это несут в первую очередь те французские социал-предатели, которые сорвали забастовку 21-го июля.

Вторым результатом того, что изменникам удалось сорвать забастовку 21-го июля, является то, что английские империалисты опять готовят поход на красный Петроград. „Петербург должен быть взят!“—воскликает газета „Таймс“, руководящий орган английских империалистов. И если петроградским рабочим придется вновь выдержать натиск контр-революционных войск, ответственность за это несут те социал-предатели, которые сорвали забастовку 21-го июля.

Рабочие, вас обманывают! Вам изменяют на каждом шагу те партии и организации II Интернационала, которые все еще смеют говорить от вашего имени. Так было всюду и всегда. Когда в январе 1919 г. пролетарии Берлина под руководством нашего незабвенного Карла Либкнехта подняли восстание против власти капитала, социал-предатели и господа из „центра“, руководимого Каутским, сорвали это великое восстание, внесли разложение в ряды борющихся рабочих, беря на себя роль посредников, честных маклеров между рабочими и капиталистами. И как в январе 1919 г. в Берлине германские буржуа использовали социалистов „центра“ против восставших рабочих, так и в июле 1919 г. в Париже господа буржуа использовали социалистов „центра“ против парижских пролетариев.

Товарищи! И тем не менее, мы уверены, что зерно, посеянное 21 июля, даст превосходные ростки. Никто не вырвет из ваших душ великой идеи международной борьбы труда против капитала. Новая измена официальных социалистов только лишней раз откроет вам глаза на то, что организации II Интернационала являются агентурой буржуазии, что, не порвавши с этими предателями рабочего дела, мы не можем сделать ни одного шага вперед.

Венгерские рабочие, мы глубоко уверены в этом, справятся и на этот раз с тем грабительским натиском, который на них готовится. Российская пролетарская Республика сумеет отстоять себя и против блокады французских империалистов на Черном море, и против натиска покровительствуемых буржуазной Англией и Францией русских контрреволюционеров на всех фронтах.

Итальянское правительство лицемерно заявило, что оно больше не будет вмешиваться во внутренние дела России и Венгрии. На словах в этом самом вас уверяют и английское и французское правительства. Официальные социал-предатели подкакивают своим хозяевам банкирам и также стараются уверить вас в том, что никакой интервенции не предпринимается.

Товарищи, это неправда!

Вмешательство империалистских правительств стран Согласия в дела Венгрии и России происходит, я при том—в самых циничных формах. Французские капиталисты нанимают сербских и румынских погромщиков для того, чтобы с их помощью организовать поход на Будапешт. Французское и английское империалистские правительства снабжают головорезов—царских генералов Деникина и Колчака—миллиардами денег, танками, офицерами и есем, что только необходимо этим отребьям царистской реакции в их истребительной борьбе против рабочего класса и крестьянства. Вы знаете прекрасно: Версальский мир подписан, но у каждого из империалистских правительств, тем не менее, остается нож в руках. В Фиуме французы дерутся с итальянцами, и сотни убитых и раненых с

той и с другой стороны показывают, что империалистские правительства готовы вновь разодраться между собою в любую минуту. Греки дерутся с турками. Создание пресловутой Лиги Наций не мешает тому, что уже сейчас плетутся новые интриги, заключаются новые тайные договоры, готовятся новые кровопролитные войны. Только победоносная пролетарская революция во всем мире может раз навсегда избавить нас от ужасов войн и капитализма.

Идея международной политической забастовки,—забастовки, которая, конечно, перерастет потом в международное вооруженное восстание против империалистских правительств—эта идея не умрет. Авангард международного пролетариата возьмет это дело из рук тех, кто 21 июля 1919 г. совершил тысячу первую измену, и сам поставит на очередь международную политическую забастовку. Рабочий класс Англии, Франции и других стран научится на примере 21 июля. Рабочие передовых стран будут готовиться к новому выступлению и станут рассчитывать при этом только на свои силы, только на силы тех пролетариев, которые поняли необходимость порвать с изменниками II Интернационала и стать под знамя III Коммунистического Интернационала.

Пусть буржуазия временно торжествует и потирает руки от удовольствия по поводу того, что при помощи II Интернационала ей опять удалось сорвать выступление рабочих. Мы уверены,—торжество это будет очень кратковременно.

Международная политическая забастовка сорвана социал-предателями. Да здравствует международная политическая забастовка, которую рабочие организуют против буржуазии и против социал-предателей!

**Председатель Исполнительного
Комитета Коммунистического Интернационала.**

Г. ЗИНОВЬЕВ.

24 июля 1919 г.

К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ УБИЙСТВА ЖОРЕСА.

Радио-телеграмма Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала представителю французских рабочих тов. Лорио.

Дорогой товарищ Лорио!

Сегодня исполняется пять лет с того знаменательного дня, когда французская буржуазия руками своего агента Виллена злодейски убила славного трибуна французских рабочих Жана Жореса. Убийство Жореса было триумфом не только для французской буржуазии, но и для буржуазии русской. Следствие не установило с точностью, какова была роль посольства русского царя в Париже в убийстве Жореса. Но ведь следствие и не ставило себе целью найти истинных виновников чудовищного преступления. Следствие, наоборот, ставило себе целью замести следы виновников убийства Жореса. Следствие велось так, чтобы дать возможность классовому суду оправдать убийцу Жореса, — что и было достигнуто агентами французского капитала.

А между тем нет никакого сомнения в том, что царская шайка и монархическая буржуазия России не только сочувствовали убийству Жореса, но и до известной степени являлись моральными вдохновителями этого подлого убийства. Господа Миллюковы и Сазоновы, которых теперь пригрела на своей груди парижская биржа, без сомнения вздохнули облегченно, когда они 1-го августа 1914 года узнали о том, что Жана Жореса, — пламенного ненавистника реакционного франко-русского союза, страстного врага империалистской бойни, — больше нет в живых...

В сегодняшний день, когда рабочие всего мира отмечают печальную дату пятой годовщины со дня смерти любимого вождя французских пролетариев, мы вспоминаем, что говорил Жорес совсем незадолго до своей кончины. Вы помните, товарищ Лорио, речь, произнесенную покойным Жоресом за 4 дня до его смерти на публичном собрании в Vaise (около Лиона)? Тогда уже совершенно ясно обозначились контуры надвигавшейся империалистской бойни. Неизбежность войны, которую буржуазия обеих коалиций готовила в течение ряда лет, была совершенно ясна для Жореса. В этой замечательной речи, которая стала лебединой песней Жореса, покойный трибун говорил следующие:

„Граждане! Нота, которую Австрия послала Сербии, полна угроз. Германия заявляет через своих послов, что она будет действовать солидарно с Австрией... Однако, дело не только в союзе между Австрией и Германией, на сцену выступает также тайный договор между Францией и царской Россией, договор, существенные пункты которого известны... В нынешний тяжелый момент, чреватый

такими опасностями для всех нас, для всех отечеств, мне не приходится долго искать виновников... Когда мы (французские социалисты) говорили, что проникать насильственно, вооруженной рукой, в Марокко означает открыть в Европе эру столкновений, захватов и конфликтов, — нам кричали, что мы плохие французы. Вот она — часть нашей (т. е. Франции) ответственности. Это становится еще яснее, если вы вспомните, что поводом к борьбе между Австрией и Сербией служит Босне-Герцеговинский вопрос, и что, когда Австрия аннексировала Боснию-Герцеговину, мы, французы, не имели ни права, ни силы воспротивиться этому... потому что мы заняты были в Марокко, потому что, прощая чужие грехи, мы старались таким путем добиться — прощения наших собственных грехов...

И вот наш министр иностранных дел сказал тогда Австрии:

„Мы уступаем вам Боснию-Герцеговину с условием, что вы уступите нам Марокко...“

И мы сказали Италии:

„Ты можешь направить свои стопы в Триполи, поелику я забрался в Марокко. Ты можешь воровать в другом конце улицы, пока я ворую на этом углу.“

Кажется, эти два коротеньких диалога, передающих, по мнению Жореса, суть иностранной политики таких „великих“ держав, как Франция, Австрия, Италия, — достаточно красноречивы.

Но слушайте дальше.

„Россия пожелает заступиться за сербов, — продолжает Жорес — и она станет, быть может, говорить:

„Моя душа великого славянского народа не может примириться с тем, чтобы произведено было насилие над маленьким славянским народом Сербии.“

Хорошо! Но — кто же это нанес удар в сердце Сербии? Когда Россия вмешалась в Балканские события в 1877 году и когда она создала, с позволения сказать, „независимую“ Болгарию с намерением наложить на нее руку, она (царская Россия) сказала тогда Австрии: дай мне свободу действия, и я вверю тебе за это управление в Боснии-Герцеговине...

Во время известного свидания русского министра иностранных дел с австрийским министром иностранных дел, царская Россия сказала Австрии: „я позволю тебе аннексировать Боснию-Герцеговину с условием, что ты позволишь мне добиться выхода на Черном море, вблизи Константинополя“.

Подводя итог, Жорес говорит буквально:

„Колониальная политика Франции, боящаяся света политика царской России, насильническая воля Австрии — вот что содействовало созданию того ужасного положения, в котором мы находимся.“

И он делает практический вывод:

„Граждане! Если военная гроза разразится, все мы, социалисты, должны позаботиться о том, чтобы спастись возможно скорее от того преступления, которое совершают правящие классы...“ (*).

Таковы были пророческие слова Жореса. Но не успел Жорес сомкнуть глаза навеки, как его жалкие эпигоны „перешли на сторону французской буржуазии“, которой они продолжают служить верой и правдой до сих пор. Жан Жорес был страстным ненавистником грязного насильнического франко-русского союза, т. е. союза французской плутократии с русским царем и русской буржуазией. Французские социал-предатели, цинично утверждающие, будто заветы Жореса для них святы, на самом деле продолжают традиции реакционного франко-русского союза. Ибо поддержка Колчака, поддержка Сазонова, Савинкова, Маклакова и Чайковского, это и есть продолжение, только в другой обстановке, все того же насильнического союза бандитов французского капитала с изгнанными из России хищниками русского капитализма.

Французская буржуазия, вдохновительница убийства Жореса, выступает теперь в роли самой реакционной части международных империалистов. Она организует открытый поход на красную Венгрию и на рабоче-крестьянскую Россию. Она распоясалась настолько, что открыто объявляет своим героем убийцу Виллена, которого она, бросая вызов французскому рабочему классу, оправдала на суде.

Но французский пролетариат, мы уверены в этом, останется верен лучшим традициям Жореса. Кровь Жореса спаяла первые отряды французских рабочих интернационалистов. Открытие памятника Жореса в Париже послужило поводом для первой массовой демонстрации французских рабочих в

честь русской пролетарской революции и в честь диктатуры пролетариата.

Русские рабочие в своей красной столице, в Москве еще в прошлом году воздвигли памятник Жану Жоресу.

Если бы у Клемансо и Пишона были вполне развязаны руки, мы уверены, что они в ответ на это воздвигли бы на Елисейских полях памятник Николаю Романову и Григорию Распутину... Люди, оправдавшие Виллена, не далеки от такого цинизма.

Жорес учил французских рабочих ненавидеть русский царизм. Жорес считал одной из важнейших задач своей жизни разоблачать реакционный союз французской буржуазии с русской плутократией. Эта проповедь Жореса глубоко запала в сердца французских пролетариев. Семена, посеянные Жоресом, мы уверены, скоро дадут свои богатые всходы. Французские рабочие сплываются все больше с каждым днем. Они видят теперь ясно: война доведена „до конца“, французский капитал одержал „полную победу“, французский империализм навязал германскому народу разбойничий Версальский мир. И что же? Стало ли легче жить французскому рабочему, стал ли богаче французский крестьянин, может ли облегченно вздохнуть французский солдат? Нет и тысячу раз нет! Буржуазия по-прежнему утопает в роскоши, десятки миллионов трудящихся по-прежнему обречены влачить жалкое существование.

Мировая пролетарская революция неизбежна. Это ясно теперь для всех, кто хочет ясными глазами смотреть на то, что происходит.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет в вашем лице, тов. Лорио, братские приветствия французскому рабочему классу, трудящимся крестьянам, честным солдатам и морякам вашей страны. Память о вашем вожде Жане Жоресе благоговейно чтут сознательные рабочие всех стран. Вечная память и вечная слава Жану Жоресу! Да здравствует пролетарская революция во всем мире!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

*) Речь эта напечатана в отдельной брошюре в Париже „Les causes de la guerre“. Discours de Jean Jaurès, imprimerie de la Fédération du Tonneau.

К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕГО МИРА.

Товарищи!

Совершилось величайшее предательство. Советская власть в Венгрии рухнула под напором империалистических разбойников и чудовищной измены социал-предателей. Вожди II Интернационала, которые поддерживали империалистическую войну, сорвали стачку международного протеста. Империалистские громилы, во главе с Клемансо и Вильсоном, обнаглели. Ультиматум, предъявленный ими, гласил: „Низвергните Советское Правительство, и тогда мы оставим Вас в покое“.

И здесь проявилась вся подлость прежней социал-демократической партии. Она клялась в своей верности пролетарской диктатуре. Она подписала соглашение с коммунистической партией Венгрии. Более того, она слилась с этой партией. На торжественных собраниях, на съезде советов, на партийном съезде она заявила о том, что будет биться за коммунизм и революцию до последней капли крови. Она, слившись с коммунистами, примкнула к III Коммунистическому Интернационалу.

На лбу этой партии лежит теперь клеймо Каина. Она предала пролетариат, революцию, славную партию венгерских коммунистов, Интернационал. Войдя в тайное соглашение с версальскими убийцами и собственными контр-революционерами, опираясь на золото империалистов и штыки палачей, она свергла правительство коммунистического пролетариата. Эти „чистые социалисты“ восстанавливают теперь частную собственность. Каждая из держав Лиги Наций посылает для их поддержки по одному полку. Во главе правительства поставлен Пайдель, убийца рабочих, венгерский Носке.

Предательская натура социал-патриотов сказалась. Подобно тому, как в Германии шейдемановцы и каутскианцы топят в крови пролетарскую революцию; подобно тому, как русские „социалисты-революционеры“ и меньшевики объективно помогают царским генералам; подобно тому, как весь бернский желтый Интернационал оптом и в розницу продает рабочий класс разбойничьей „Лиге Наций“,—венгерские социал-предатели отдали на

растерзание гордость мирового пролетариата, венгерскую Советскую республику.

Провокаторам и наемным палачам капитала нет места в III Интернационале!

Пусть идут во II, к Брантингам и Тома, к Носке и Каутским!

Коммунистический Интернационал, оплакивая падение Советской республики Венгрии и гибель ее славного вождя, Тибора Самуэли, призывает пролетариев всего мира еще теснее сплотиться вокруг коммунистического знамени, еще более усилить натиск на твердыни капитала.

В великой исторической схватке наших дней будут и великие победы и жестокие поражения. Но кровавые опыты Финляндии и Сибири показали нам, что в странах, где была Советская власть, не может быть прочной победы контр-революции. Всюду и везде поднимаются волны восстания. Наша окончательная победа также неизбежна, как гибель буржуазии и социал-предателей.

Коммунистический Интернационал призывает венгерский пролетариат к стойкости, мужеству и выдержке. За работу, товарищи! За немедленную организацию нелегальной коммунистической партии! Кровавый урок Венгрии научил вес мировой пролетариат, что с социал-соглашателями не может быть никакой коалиции, никаких компромиссов! Слой оппортунистических продажных вождей должен быть сметен. Новые люди должны стоять во главе движения. Рабочий класс выдвинет их. Ибо ему, а не его противникам, суждено победить.

Советская Венгрия погибла,—да здравствует Советская Венгрия!

Да здравствует Венгерская коммунистическая партия!

Да здравствует революция рабочих всего мира!

Да здравствует Коммунизм!

**Председатель Исполнительного
Комитета Коммунистического Интер-
национала**

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Москва, 5 августа 1919 г.

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Под этим общим заголовком мы будем печатать сведения о наших борцах, погибших за дело пролетарской революции.

Буржуазия одинаково беспощадно расправляется с борцами пролетариата—в Германии, как и в Америке, во Франции, как и в Англии. Зверства буржуазных людоедов в Финляндии и в тех местах России, где временно побеждали белогвардейцы, превосходят всякие описания. Жертвами белого буржуазного террора за 1917—1919 годы пали десятки тысяч наших лучших братьев.

С любовью и благоговением должны мы собирать сведения о жизни, о борьбе и о самой смерти наших замученных товарищей. Память об этих борцах не умрет никогда.

В этом номере мы даем подробные сведения о вожде баварских коммунистов, товарище ЛЕВИНЭ, которого германские социал-демократические палачи расстреляли за то, что он звал рабочих низвергнуть власть буржуазии.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЭ.

Зверская расправа, учиненная баварскими белогвардейцами и социал-предателями над вождем мюнхенских коммунистов, тов. Левинэ, вызвала бурю негодования в рабочих массах всей Германии.

Тов. Евгений Левинэ - Ниссен, родом из России, был казнен в Мюнхене 5-го июня с. г. по приговору военного суда, утвержденному баварским социал-демократическим правительством.

Опасаясь проявления народного гнева, баварское правительство, как преступник, старающийся как можно скорее скрыть следы своего преступления, поспешило на другой же день после казни тайком похоронить тов. Левинэ. Тщетно защитник казнённого, граф Песталоцци добивался заранее узнать у властей о времени и месте погребения. Лишь за несколько часов до похорон, 6-го июня ему сообщили, что тело убитого будет предано земле в два часа дня на кладбище в Швабинге, около Мюнхена, причем он должен был обещать, что никому не скажет об этом, кроме нескольких родственников и ближайших друзей покойного. На похоронах присутствовало всего несколько лиц; на кладбище одному только Унтерлейтнеру, бывшему министру социального обеспечения, позволили сказать несколько слов о личности павшего борца революции.

Весть об этом новом „гродвиге“ спасителей буржуазного отечества скоро разнеслась, однако, по всей Германии. В Берлине на другой же день после казни с утра рабочие разных предприятий стали устраивать собрания, вынося резкие резолюции протеста против возмутительного убийства, совершенного правительством социал-предателей. В тот же день, т. е. в пятницу 6-го июня, состоялось пленарное заседание Берлинского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, на котором было принято предложение товарищей коммунистов—объявить одноднев-

ную забастовку протеста по поводу казни тов. Левинэ.

В этом заседании один из защитников тов. Левинэ, д-р Розенфельд рассказывал о том, как судили казнённого вождя коммунистов. Военные судьи, искажая факты, наперерыв старались опорочить подсудимого. Так, прокурор обвинял его в трусости на том основании, что он сам с оружием в руках не вышел на защиту советской республики. Между тем, на суде было неопровержимо установлено, что тов. Левинэ фактически лишен был возможности лично принять участие в вооруженном восстании. „Если вы сомневаетесь в моей храбрости“, сказал он, обращаясь к прокурору, „так приглашаю вас присутствовать при моей казни, вы увидите, как я сумею умереть за коммунизм“. Все обвинения, предъявленные тов. Левинэ—между прочим, он обвинялся и в убийстве заложников—были опровергнуты на суде. „И если тем не менее суд вынес смертный приговор“, говорил д-р Розенфельд, „то объясняется это исключительно тем, что мюнхенские военные круги во что бы то ни стало жаждали крови этого мужественного революционера и с нескрываемым нетерпением ждали его смерти“.

Защитники надеялись, что баварское правительство наполовину состоящее из правых социалистов, не согласится утвердить этот юридически совершенно необоснованный приговор, но надежда эта не оправдалась... Обращались с тов. Левинэ все время, с момента ареста и до самой казни, по словам д-ра Розенфельда, самым возмутительным образом. Также возмутительно обращается „социалистическое“ правительство Баварии и с женой тов. Левинэ, которая до сих пор томится в тюрьме, хотя к ней и не предъявлено никакого обвинения...

Рассказ д-ра Розенфельда произвел на присутствующих потрясающее впечатление, и вообще собрание было так взволновано, что обсуждение всех текущих дел по-

Роза Люксембург и ее защитник, известный германский коммунист тов. Леви.

М. С. УРИЦКИЙ,
убитый 30-го августа 1918 г. правым эс-эром Каннегисером.

становлено было отложить до следующего заседания, и, приняв упомянутое уже решение о 24 часовой забастовке, собрание разошлось.

Собранию было предложено три резолюции: резолюция коммунистов, независимых и правых социалистов. Полный текст резолюции коммунистов нам, к сожалению, не известен. Резолюция эта отмечала, что приговор мюнхенского военного суда кладет несмыслимое пятно позора на контр-революционеров и предателей Шейдеманов, с благословения которых убийцы совершили свое гнусное дело. Нам удалось получить резолюцию не холодных и не горячих „независимых“, которую мы и приводим здесь полностью:

„Пленарное заседание берлинского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с чувством скорби и уважения чтит память храброго борца за свободу Евгения Левинэ, павшего жертвою грубого классового правосудия и контр-революции. Вместе с тем заседание Совета с чувством благодарности вспоминает всех тех, кто отдал жизнь и свободу в борьбе за дело пролетариата и за социализм.“

Пленарное заседание выражает свое глубочайшее возмущение тем, что смертный приговор над Левинэ был приведен в исполнение. В этом оно усматривает новое доказательство той ненависти, которую реакция питает к революционному пролетариату. С чувством величайшего возмущения заседание Совета особенно подчеркивает то обстоятельство, что этот первый после 1848 года политический смертный приговор приведен в исполнение правительством социалистов. Собрание выражает свое презрение социалистическим правительствам, опустившимся до роли приказчиков контр-революции, и призывает пролетариат не следовать за этими предателями социализма.

Пленарное заседание обращается к рабочему классу Германии с серьезным призывом напрячь все силы и выступить сомкнутым единым фронтом против контр-революции и против тех правительств, которые стали покорным орудием в руках отъявленных врагов революции и социализма. Жаждающей рабочей крови контр-революции никакими провокациями не удастся предотвратить последний решительный бой против реакции капитализма.

Пред лицом бездыханных трупов зверски убитой Розы Люксембург и пронзенного солдатскими пулями Левинэ пленарное собрание Совета клянется сделать все, что в его силах, чтобы всколыхнуть стоящие за ним рабочие массы и повести их в бой на защиту революции и социализма“.

Вечером по всему Берлину состоялся ряд собраний. Особенного интереса заслуживает собрание окружной конференции служащих 6-го избирательного округа. Открытая собрание, на котором присутствовало около 300 делегатов, председатель его, тов. Лид сказал следующее:

„Чувства скорби и возмущения охватывают нас сегодня. Подстрекасмые буржуазией солдаты продолжают зверски расправляться с борцами революции. Жертвой кровавой военной диктатуры пал вчера Евгений Левинэ. Он боролся за рабочий класс, он пострадал и умер за нас. Погиб этот человек высокого благородства и кристально-чистой души. Открытый и мужественный до последнего момента, он пал за нас. Ответственность за это зверское убийство падает на нынешние правительства, называющие себя „социалистическими“. Их руки обрызганы кровью, кровью борцов революции. Левинэ, Либкнехт, Роза Люксембург, Иогихес и множество других, наших лучших товарищей, стали их жертвами. А сколько новых потерь предстоит нам еще? Возможно, что нам придется пережить еще не одну кровавую баню. Характерно, ведь что убийцы Либкнехта, Люксембург и матросов, обер-лейтенанты

Фогель и Марло находятся на свободе, между тем как борцы революции расстреливаются и заточаются в тюрьмы.

...Обещаем же друг другу, что мы, не падая духом, будем стремиться к революционному социализму, помня заветы наших павших вождей. Этим мы лучше всего воздадим должное их памяти. Горе тем, над чьими головами разразится буря гнева и негодования, накопившегося в массах за время их господства. Зрение пролетариата проясняется с каждым днем. Он не позволит во второй раз снова отнять у него плоды его победы“.

Присутствующие стоя выслушали эту речь тов. Лид.

Объявленная берлинским Советом 24-часовая забастовка протеста прошла дружно и стройно. В 3 часа дня остановились трамваи. К вечеру бастующие рабочие стали прекращать движение ходивших еще омнибусов. В 11 час. вечера служащие воздушных и подземных дорог решили присоединиться к забастовке, и на следующее утро все движение в городе замерло. В забастовке, кроме того, приняли участие почти все рабочие и служащие промышленных предприятий Берлина, значительная часть железнодорожников, обслуживающих пригородное сообщение, все рабочие железнодорожных мастерских и электрических станций, все служащие окружного железнодорожного управления, все работники почты и телеграфа. Рабочие массы сохраняли строжайшую дисциплину, несмотря на то, что по городу с явно провокационными целями все время разезжали грузовики с вооруженными „охранителями порядка“.

Вот что писал о забастовке орган „независимых“ „Фрейхеит“ (номер от 8-го июня):

„В однодневной забастовке протеста, которая с таким редким единодушием была решена берлинским Советом и проведена в жизнь рабочими массами, стихийно выразилось то безграничное возмущение, которое было вызвано в массах убийством Левинэ.“

В дружном и решительном осуждении этого политического убийства снова сказалась та сплоченность всего пролетариата без различия партий, которой мы давно уже не видели. Массы инстинктивно чувствуют, что этот смертный приговор продиктован не только ненавистью к одному лицу, но также отрицательным отношением к целому мировоззрению и желанием нанести удар всему социалистическому движению.

В этом и заключается разгадка того, почему казнь Левинэ, который до сих пор был известен лишь небольшому кругу берлинских рабочих, вызвала такую грандиозную бурю негодования. Ибо приговор мюнхенского военного суда и утверждение его правительством, большинство которого состоит из „социалистов“, с ужасающей ясностью показали, что все ближе надвигается на нас опасность безудержной реакции.

...Поистине чудовищным является поведение баварского правительства, которое, несмотря на полную юридическую и фактическую необоснованность приговора, утвердило и привело его в исполнение.

На это грубое нарушение социалистических принципов все рабочие Берлина, без различия направлений, ответили грозным предупреждением и по адресу реакции и по адресу тех, кто, самозванно выступая от имени пролетариата, потворствуют преступлениям контр-революции. Пусть они помнят, что это последнее предупреждение, и одумаются, пока еще не поздно.“

Движение протеста не ограничилось пределами старого Берлина. В Ганновере 9-го июня состоялось массовое собрание, закончившееся уличной демонстрацией. На собрании была принята резолюция, требующая ухода в

отставку и исключения из партии всех замешанных в этом деле вождей, упразднения военных и исключительных судов и отмены осадного положения. В Вене 7-го июня Трудовая Коммуна Социалистических Студенческих Групп вынесла резолюцию такого содержания:

„Мы, студенты-социалисты всех высших учебных заведений Вены, с безграничным негодованием узнали об убийстве Левинэ. Мы протестуем против того, что революционные паразиты из социалистов большинства, допустившие это преступление, продолжают называть себя социалистами.

Мы протестуем против действующего с таким бесстыдством келейного судопроизводства Баварии и Пруссии, мы требуем немедленного освобождения Толлера и заявляем о своей полной солидарности с немецкими рабочими, выступившими на борьбу с запятнавшими себя кровью правительствами и с террором господствующей военной клики.“

Для того, чтобы пролить хоть каплю масла успокоения на разбушевавшиеся волны народного гнева и по возможности выгородить хоть самого себя, Шейдеман поспешил опубликовать в газетах, что он хотел помешать казни тов. Левинэ и с этой целью послал баварскому премьер-министру Гофману следующую телеграмму:

„Хотя я не могу и не собираюсь предпринять официальные шаги, я обращаюсь с личной просьбой отложить исполнение приговора над Левинэ и Толлером до устных переговоров между вами и мной.“

Гофман тоже не замедлил откликнуться на это сообщение, заявив, что во время суда над Левинэ он был на курорте, в Швейцарии и что, немедленно же, по получении телеграммы от Шейдемана, он по телеграфу распорядился о приостановке приговора до его приезда в Мюнхен, но телеграмма его была получена слишком поздно.

Впрочем, отговориться неведением господам министрам так и не удалось. Известный член партии „независимых“,

Гаазе доказал, что он еще за два дня до казни отправил Гофману и баварскому министру юстиции Мюллеру-Мейнингену телеграмму, в которой он от имени различных политических партий просил не утверждать и не приводить в исполнение ни одного смертного приговора по политическим делам.

Да и вообще, что бы ни писали и ни говорили теперь палачи, казнившие тов. Левинэ, и их „высокие“ покровители, доверие широких масс к „социалистическим“ правительствам уже окончательно поколеблено. Это видно хотя бы из того, что одновременно с массовым протестом против казни тов. Левинэ и непосредственно вслед за ним поднимается широкое движение в пользу другого мюнхенского коммуниста, студента Эрнста Толлера. Мы видели уже, что венские студенты требовали его освобождения. С подобным же требованием обратились студенты-социалисты Берлина и Шарлоттенбурга к „Национальному собранию“ и к баварскому ландтагу. Участь тов. Толлера взволновала и широкие рабочие круги. Надо заметить, что зверская расправа с тов. Левинэ отнюдь не является каким-нибудь исключением: о кровожадности баварских „демократов“ красноречиво говорят опубликованные недавно официальные данные о числе жертв революции, павших в Мюнхене за неделю от 30-го апреля до 8-го мая. Всего было убито 557 человек, ранено 303 человека и расстреляно по приговору военных судов 186 человек. Из общего числа убитых в открытом бою пало только 145 человек.

Да, прав тов. Лид: зрение пролетариата проясняется с каждым днем. Неумолимый ход исторического развития все ярче раскрывает перед рабочим классом ту глубокую пропасть, которая отделяет его интересы, взгляды и желания от истинных стремлений соглашателей, которые, прикрываясь именем пролетариата, поддерживают классовое господство его врагов. Дружное массовое выступление германских рабочих, спаянных пролитой за них кровью их истинного вождя, было только первым отдаленным раскатом приближающейся революционной пролетарской грозы.

БИОГРАФИЯ ТОВ. УРИЦКОГО.

((К годовщине со дня смерти).)

Моисей Соломонович Урицкий родился 2-го января 1873 г. в уездном городе Черкассах, Киевской губернии, на берегу реки Днепра. Родители его были купцы. Семья была большая, патриархальная. Обряды, благочестие и торговля — вот круг интересов семьи. Когда мальчику исполнилось 3 года, отец его утонул в реке. Мальчик остался на попечении своей матери и старшей сестры — Б. С. Молодой М. С. до 13 лет изощряется в тонких и глубоко-запутанных сплетениях Талмуда. Единственным отрадным явлением в эти годы являлась его близость к природе. В свободные минуты мальчик уходил на берег живописного Днепра. Здесь мы должны видеть первоисточник той мягкости и добродушия, которые отличают М. С. во всю его жизнь.

Интересы сестры его были направлены в другую сторону. Она рано угадала блестящие способности своего младшего брата и страстно желала приобщить его к русской культуре. Ей это удается. В 13 лет М. С. против воли матери „набрасывается“ на изучение русского языка, вкладывая в это весь свой юный пыл. Он блестяще выдерживает всту-

пительный экзамен и, несмотря на 50% норму, поступает в черкасскую прогимназию.

Окончив ее, он переезжает в м. Белую Церковь, где и кончает блестяще гимназию. Несмотря на то, что ему приходится все время поддерживать свое существование личным трудом, юноша выходит из гимназии с блестящими знаниями по русской и всемирной литературе. Всего этого, конечно, не могла дать казенная гимназия.

По окончании гимназии М. С. поступает в киевский университет, на юридический факультет.

Уже в это время он является основателем студенческих кружков, стоящих на с.-д. платформе.

На 24 году он окончил университет и поступил вольноопределяющимся в один из пехотных полков. Служба его продолжалась не долго... На третий день ее он был арестован по обвинению в принадлежности к с.-д. организации.

С этих пор вся жизнь тов. Урицкого протекала в тюрьмах, в ссылке.

Сперва он был сослан в Якутскую область, где пробыл около 5 лет. В это время он заболел

туберкулезом, болезнью, от которой он страдал всю жизнь.

Вернувшись в Россию в 1905 году, он поселяется в Петрограде и здесь всецело отдается партийной работе. Но в начале 1906 года он опять арестован и на этот раз сослан в Вологодскую губернию, а потом в Архангельскую.

К этому времени болезнь его приняла особенно острый характер, так что даже царские чиновники нашли возможным заменить ему ссылку принудительным отъездом за границу.

Война застала его в Германии. М. С. переезжает в Стокгольм, а затем в Копенгаген.

При первой весточке о русской революции,

после долгих лет борьбы и изгнания, тов. Урицкий возвращается в Россию.

Здесь его бурная, полная огня и силы деятельность протекала у всех на глазах.

М. С. принадлежал к тому типу людей, у которых совсем нет личной жизни. Каждый час, каждую минуту своей жизни отдавал он делу революции, делу вселенской правды и справедливости. В то же время это был человек своеобразной романтической мягкости и добродушия. Этого не отрицают даже враги его.

Убитый—стойкий борец, верно боровшийся за Интернационал. Убит на посту... Иначе и не мог умереть герой и великий труженник революции—тов. Урицкий.

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ.

Я познакомился с ним в 1901 г.

Между тюрьмой и ссылкой я был отпущен на короткий срок в Киев к родным.

По просьбе местного Красного Креста я прочел реферат в его пользу. И всех нас—лектора и слушателей, в том числе Е. Тарле и В. Водовозова—отвели под казацким конвоем в Лукьяновскую тюрьму.

Когда мы немного осмотрелись, то убедились, что это какая-то особенная тюрьма: двери камер не запирались никогда—прогулки совершались общие, и во время прогулок в перемену занимались спортом, то слушали лекции по научному социализму. По ночам все садились к окнам—и начинались пение и декламация. В тюрьме имела коммуна, так что и казенные пайки, и все присылаемое семьями поступало в общий котел. Закупки на общую кухню за общий счет и руководство кухней, с целым персоналом уголовных, принадлежало той же коммуне политических арестованных. Уголовные относились к коммуне с обожанием, так как она ультимативно вывела из тюрьмы битье и даже ругательства.

Как же совершилось это чудо превращения Лукьяновки в коммуну?—А дело в том, что тюрьмою правил не столько ее начальник, сколько староста политических—Моисей Соломонович Урицкий.

В то время носил он большую черную бороду и постоянно сосал маленькую трубку. Флегматичный, невозмутимый, похожий на боцмана дальнего плавания, он ходил по тюрьме своей характерной походкой молодого медведя, знал все, поспевал всюду, импонировал всем и был благодетелем для одних, неприятным, но непобедимым авторитетом для других.

Над тюремным начальством он господствовал именно благодаря своей спокойной силе, властно выделявшей его духовное превосходство.

Прошли годы. Оба мы были за это время в ссылке, оба стали эмигрантами.

Левый меньшевик—Моисей Соломонович Урицкий был искренним и пламенным революционером и социалистом. Под кажущей холодностью его и флегмой таилась исполненная вера в дело рабочего класса.

Он любил подтрунивать над всяким пафосом и красивыми речами обо всем великом и прекрасном, он гордился своей трезвостью и любил пошутничать ею, как будто даже с некоторым цинизмом. Но на самом деле это был идеалист чистой воды! Жизнь вне рабочего движения для него почти не существовала. Его огромная политическая страсть не бушевала и не клокотала только потому, что она вся упорядоченно и планомерно направлялась к одной цели; благодаря этому, она проявлялась только деятельностью и притом деятельностью чрезвычайно целесообразной.

Логика у него была непреклонная. Война 1914 г. поставила его на рельсы интернационализма—и он не искал средних путей: как Троцкий, как Чичерин, как Иоффе—он быстро почувствовал полную невозможность удерживать хоть тень связи с меньшевиками-оборонцами, а потому радикально порвал и с группой Мартова, которая этого не понимала.

Впрочем, еще до войны вместе с самым близким ему в политике человеком, Л. Д. Троцким, он уже стоял ближе к большевикам, чем к меньшевикам.

Мы свиделись с ним после долгой разлуки в 1913 г. в Берлине. Опять та же история! Не везло мне с моими рефератами. Русская колония в Берлине пригласила меня прочесть пару лекций, а берлинская полиция меня арестовала, продержала недолго в тюрьме и выслала из Пруссии без права въезда в нее. И тут Урицкий опять оказался добрым гением. Он не только великолепно владел языком, но имел повсюду связи, которые привели в движение, чтобы превратить мой арест в крупный скандал для правительства; и я опять любовался им, когда он со спокойной иронической

усмешечкой беседовал со следователем или буржуазными журналистами, или „давал направление“ нашей компании на совещании с Карлом Либкнехтом, который тоже заинтересовался этим мелким, но выразительным фактом.

И все то же впечатление: спокойная уверенность и удивительный организаторский талант.

Во время войны Урицкий, живя в Копенгагене, играл и там крупную роль, но свою огромную и спокойную организаторскую силу он развернул постепенно во все более колоссальных размерах в России во время нашей славной революции.

Сперва он примкнул к так называемой междурайонной организации. Он привел ее в порядок, и дело ее безусловного и полного слияния с большевиками было в значительной мере делом его рук.

По мере приближения к 25 октября оценка сил Урицкого в Главном Штабе большевизма все росла.

Далеко не всем известна поистине исполинская роль Военно-Революционного Комитета в Петрограде, начиная приблизительно с 20-го октября до половины ноября. Кульминационным пунктом этой сверхчеловеческой организационной работы были дни и ночи от 24-го по конец месяца. Все эти дни и ночи Моисей Соломонович не спал. Вокруг него была горсть людей тоже большой силы и выносливости, но они утомлялись, сменялись, несли работу частичную,—Урицкий с красными от бессонницы глазами, но все такой же спокойный и улыбающийся, оставался на посту в кресле, к которому сходились все нити и откуда расходились все директивы тогдашней внешней, неуклаженной и мощной революционной организации.

Я смотрел тогда на деятельность Моисея Соломоновича, как на настоящее чудо работоспособности, самообладания и сообразительности. Я и теперь продолжаю считать эту страницу его жизни своего рода чудом. Но страница эта не была последней. И даже ее исключительная яркость не затмевает страниц последующих.

После победы 25 октября и следовавшей за нею серии побед по всей России—одним из самых тревожных моментов был вопрос о тех взаимоотношениях, какие сложатся между Советским правительством и приближавшейся „Учредилкой“. Для урегулирования этого вопроса нужен был первоклассный политик, который умел бы соединить железную волю с необходимою сноровкой. Двух имен не называли: все сразу и единогласно остановились на кандидатуре Урицкого.

И надо было видеть нашего „Комиссара над Учредительным Собранием“ во все те бурные дни! Я понимаю, что все эти „демократы“ с пышными фразами на устах о праве, свободе и т. д.—жгучею ненавистью ненавидели маленького круглого человека, который смотрел на них из черных кругов своего пенсне с иронической холодностью, одной своей трезвой улыбкой разгоняя все их иллюзии и каждым жестом воплощая господство революционной силы над революционной фразой!

Когда в первый и последний день учредилки над взбаломученным эс-эровским морем разливались торжественные речи Чернова и „высокое собрание“ ежеминутно пыталось показать, что оно то

и есть настоящая власть,—совершенно также, как когда-то в Лукьяновке, той же медвежьей походкой, с тою же улыбающейся невозмутимостью ходил по Таврическому дворцу товарищ Урицкий и опять все знал, всюду поспевал и внушал одним спокойною уверенностью, а другим полнейшую безнадёжность.

„В Урицком есть что-то фатальное!“ слышал я от одного правого эс-эра в коридорах в тот памятный день.

Учредительное Собрание было ликвидировано. Но наступили новые, еще более волнующие, трудности—Брест.

Урицкий был горячим противником мира с Германией. Это воплощение хладнокровия говорило с обычной улыбкой: „Неужели не лучше умереть с честью?“

Но на нервничание некоторых левых коммунистов М. С. отвечал спокойно: „Партийная дисциплина прежде всего!“ О, для него это была не пустая фраза!

Разразилось февральское наступление немцев.

Вынужденный уехать—Совет Народных Комиссаров возложил ответственность за находившийся почти в отчаянном положении Петроград на тов. Зиновьева.

„Вам будет очень трудно“, говорил Ленин остающимся:—„но остается Урицкий“,—и это успокаивало.

С тех пор началась искусная и героическая борьба Моисея Соломоновича с контр-революцией и спекуляцией в Петрограде.

Сколько проклятий, сколько обвинений сыпалось на его голову за это время! Да, он был грозен, он приводил в отчаяние не только своей немолчливостью, но и своей зоркостью. Соединив в своих руках и Чрезвычайную Комиссию и Комиссариат Внутренних Дел, и во многом руководящую роль в иностранных делах,—он был самым страшным в Петрограде врагом воров и разбойников империализма всех мастей и всех разновидностей. Они знали, какого могучего врага имели в нем. Ненавидели его и обыватели, для которых он был воплощением большевистского террора.

Но мы-то, стоявшие рядом с ним вплотную, мы знаем, сколько в нем было великодушия и как умел он необходимую жестокость и силу сочетать с подлинной добротой. Конечно, в нем не было ни капли, сантиментальности, но доброты в нем было много. Мы знаем, что труд его был не только тяжек и неблагодарен, но и мучителен.

Моисей Соломонович много страдал на своем посту. Но никогда мы не слышали ни одной жалобы от этого сильного человека. Весь—дисциплина, он был, действительно, воплощением революционного долга.

Они убили его. Они нанесли нам поистине меткий удар. Они выбрали одного из искуснейших и сильнейших врагов своих, одного из искуснейших и сильнейших друзей рабочего класса.

Убить Ленина и Урицкого это значило бы больше, чем одержать громкую победу на фронте.

Трудно сомкнуть нам ряды: громадна пробитая в них брешь. Но Ленин выздоравливает, а незаменимого Моисея Соломоновича Урицкого мы усиленно постараемся заменить,—каждый удесятелеем свою энергию.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

ДОКЛАДЫ ДЕЛЕГАТОВ НА 1^м СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ДОКЛАД тов. РЕТГЕРСА.

(Голландия).

Говоря о Голландии, необходимо установить, что в ней уже более десяти лет тому назад произошел формальный раскол между вторым Интернационалом и новыми идеями третьего Интернационала.

Революционное движение в Голландии — дитя русской революции, зачатое на кровавом пиру 1905 года: тогда мы основали орган „Трибуна“, и за ту агитацию, которую мы повели в нем, нас исключили из старой социал-демократической партии. Это называлось „свободой печати“! С тех пор мы находились все время в самом тесном контакте с нашими русскими товарищами. Уже тогда мы надеялись на то, что русские методы борьбы прорвутся через Германию в Западную Европу. Большие демонстрации в Берлине поддерживали, было, эту надежду, но партийным бюрократам, под предводительством Каутского, удалось дискредитировать тактику народного движения и превратить ее в тактику голой самозащиты. Это привело не к революции, а к мировой войне, а победа реакции в Германии отозвалась, конечно, и на Голландии.

Правда, молодая партия, — тогда С. Д. П., ныне коммунистическая партия, — не давала вводить себя в заблуждение, но она не имела возможности развить массовое движение.

Теоретически и практически, однако, движение в Голландии послужило к лучшему выяснению империалистических отношений и будущей коммунистической тактики; сочинения и речи Ленина, Зиновьева и Каменева были знакомы читателям Трибуны, а голландские товарищи Роланд Гольст, Гортен, Паннекук, ван Равестаге, Винкоп и др. для многих русских коммунистов — уже старые друзья.

В самой Голландии молодой революционной партии пришлось вести упорную борьбу с оппортунистами, под предводительством Трульстры, при чем председателя партии Винкопа неоднократно силой удаляли с собраний. Тогда за нас вступились портовые рабочие-синдикалисты и образовали нашу охрану из 6-ти футовых великанов.

Духовно мы также всегда близко стояли к синдикалистским элементам рабочего движения Голландии, и когда разразилась мировая война, наша партия, с одной анархической группой и совместно с синдикалистами, образовала Революционный Комитет, требовавший немедленной демобилизации и протестовавший против грабительской продовольственной политики правительства. Завоевывая понемногу влияние на массы, партии удалось придать народному движению, возникшему вследствие голода и нищеты, революционное направление.

Известно, что в Голландии было несколько таких массовых демонстраций, причем при столкновениях с войсками были жертвы. Женская демонстрация, состоявшаяся

по случаю годовщины русской революции, была разогнана полицией, причем была ранена тов. Роланд Гольст.

Как только вспыхнула первая германская революция, в Голландии были демонстрации с убитыми и ранеными. Буржуазией овладела паника: общественные здания были обложены мешками с песком, и по вечерам войска держались наготове. В первый момент показалось, что и партия Трульстры присоединится к нам, но быстро созванный экстраординарный конгресс социал-предателей решил, что и мирным путем можно достигнуть всех желательных улучшений. Это на время приостановило движение.

В то же время, однако, стало известно, что некоторые части войск отказались стрелять в рабочих и что тем самым армия сделалась ненадежной для капиталистов. Коммунистическая партия основала в различных армейских частях нелегальные солдатские советы.

Сейчас, однако, Голландия находится в тяжелом положении: она окончательно поработана Англией; прежде голландская буржуазия, в своих расчетах на дальнейшее использование колоний, опиралась исключительно на Германию. Но с тех пор, как Германия в качестве капиталистической страны больше не существует, у голландских капиталистов осталась одна надежда: настолько подчиниться Англии, чтобы Джон Буль решил обратиться за услугами в колониях к голландским эксплуататорам, предоставив им за это известную долю добычи. Львиная же часть добычи из голландских колоний в будущем конечно, должна принадлежать Англии. Можно опасаться, что голландская буржуазия пойдет на всякие низости, чтобы сохранить часть добычи. С этим для Голландии предстоит период величайшей реакции. Как Финляндия и Польша натравливались на русский пролетариат, так и Голландию поведут против восточного пролетария. При этом ее зависимость от Англии и от Антигги будет так велика, что она послужит дверью к подавлению революционной Германии.

Перед голландским пролетариатом стоит тяжелая задача, и наша партия сознает предстоящие ей тяготы. Мы нуждаемся в международной поддержке и приветствуем первую коммунистическую конференцию. Лучшие средства пропаганды — события в революционных странах, и поэтому в первую голову наши старания сводятся к поддержанию международных сношений. Крайне желательно, чтобы эта конференция вынесла практическое заключение о способах борьбы, которую мы поведем совместно с черными и желтыми пролетариями колоний.

Нам предстоит тяжелый труд и нужна большая сила. Только при напряжении всех сил можем мы надеяться на победу.

ДОКЛАД тов. Х. РАКОВСКОГО.

(Болгария).

Я хотел бы сделать некоторое дополнительное сообщение от имени Балканской Федерации, которая была основана в 1915 г. и объединяет румынскую, сербскую, греческую и часть болгарской партии (тесняков).

Эта федерация при своем возникновении, еще до Циммервальдской Конференции, объявила, что будет бороться против войны, и работала все время в этом направлении. Румынская партия постепенно развилась в коммунистическую и соответственно с этим и назвала себя коммунистической. В Румынии обстоятельства развиваются в благоприятном для революции смысле, многое зависит также от поступательного движения Красной Армии: соприкосновение с нею несомненно даст толчок сильному революционному движению. Но уже и теперь, особенно за последние недели, произошли знаменательные события: солдаты отказались принимать участие в монархических демонстрациях, при этом произошли вооруженные столкновения. И если невозможно предвидеть точно время взрыва революции, все же не подлежит никакому сомнению, что в Румынии также обстоятельства развиваются в ясно выраженном революционном направлении.

Что касается болгарской партии, т. е. направления, известного под названием „тесняки“, то она осталась со времени начала войны на своей классовой точке зрения, ее агитация и пропаганда способствовали падению германского империализма, ее влияние, которому благоприятствовали экономические отношения в Болгарии, постоянно растет.

Сербская партия, к сожалению, покинула принятую ею в начале войны классовую точку зрения. Все помнят, как мужественно и последовательно выступила сербская партия, когда ее депутаты отказались голосовать за кредиты, и как они в один из самых тяжелых моментов сделали в высшей степени последовательное заявление и руководствовались им в своей деятельности. Все помнят также, какую позицию занял товарищ Кацлерович в Кинтале. С течением времени однако как Кацлерович, так и Попович—официальные и руководящие представители партии—перешли в социалпатриотизм, особенно после их пребывания в Стокгольме. Очень жаль, что партия, которая занимала в начале войны такую мужественную и безупречную позицию, попала в социалпатриотическое течение.

ДОКЛАД тов. И. МИЛКИЧА.

(Сербия).

Товарищи, в моем докладе о рабочем движении в Сербии я вкратце изложу позицию сербского пролетариата. Тов. Раковский в своем сегодняшнем докладе о положении на Балканах и о позиции социалистических партий в этих странах, к сожалению, установил, что во время войны сербская социалистическая партия сошла со своей революционной и интернациональной позиции, перейдя на оппозиционную и национальную сторону. Это заявление побуждает меня дать вам еще в сегодняшнем заседании нижеследующее пояснение, чтобы вы, товарищи, присутствующие на этой исторической конференции, не разошлись с плохим, между прочим, и незаслуженным, мнением о сербском пролетариате... Я чувствую себя тем более вынужденным дать это пояснение, что я работаю в течение 18 лет, т. е. со дня основания нашей партии, в сербском рабочем движении и занимал все почетные должности, которые только может предоставить своим сочленам пролетарская партия.

Неверно, что сербская социалистическая партия отказалась от своей прежней революционной позиции. Мнения, выраженные товарищами Кацлеровичем и Поповичем в Стокгольме, не являются ни мнением нашей партии ни мнением нашего рабочего класса. Достаточно будет напомнить вам о том способе, каким эти 2 товарища попали в Стокгольм.

Когда Сербия осенью 1915 г. была занята Австрией и Болгарией, то не только члены партии, но и члены президиума, были рассеяны по Европе, Азии и Африке, по странам, находившимся под властью нейтральных и воюющих правительств, и наша партия, как организованное целое, перестала существовать. И никто, начиная с этого времени, не мог иметь действительных мандатов и говорить от имени партии до ближайшего возвращения наших товарищей по той простой причине, что не было никакой инстанции, которая имела бы полномочия на выдачу таких мандатов.

Товарищи Кацлерович и Попович были посланы в Стокгольм двумя товарищами, членами президиума, находившимися тогда в Белграде. Однако, эти два члена президиума демонстративно объявили себя не солидарными с позицией, занятой товарищами Кацлеровичем и Поповичем в Стокгольме.

Чтобы доказать вам, что это не только мое личное мнение, я к счастью могу сослаться на одного свидетеля, которому вы, вероятно, можете скорее оказать доверие, чем мне, и о котором товарищи Троцкий и Раковский могут дать самые благоприятные отзывы. Этот свидетель — товарищ Драгиша Лапчевич.

Его мнение об Интернационале, о нашей партии, о позиции товарищей Кацлеровича и Поповича следующее — так он мне писал из Белграда 22-го апреля 1917 г.:

„Мне доставляет удовольствие, что ты подтверждаешь мое давнишнее мнение, что эти господа (социалисты) в Европе хуже, чем буржуазия“.

В своей открытке от 5-го ноября 1917 г. тов. Драгиша Лапчевич мне пишет:

„Я не поеду ни на какую конференцию по той простой причине, что наша партийная организация, которая в этом отношении могла бы вынести свое решение, определить направляющую линию, контролировать работу делегата, и которой эти последние могли бы дать отчет о своей деятельности, не существует.“

В своей открытке от 12-го мая 1918 г. он сообщает:

„Это было большой ошибкой, что Кацлерович и Попович поехали в Стокгольм, т. к., если бы они этого не сделали или не высказывали своего мнения и не брали бы на себя обязательств, пока наша партия не получила бы возможности высказать сама свое мнение — это было бы для партии и для внутренней организации гораздо лучше.“

Наконец 7-го июня 1918 он пишет так:

„Я того мнения, что я в Стокгольм не поеду, и именно по двум причинам — принципиальной и практической. Принципиальная причина та, чтобы не иметь дела с партией, которая потеряла свое социалистическое содержание, и чтобы не бороться за мир, а вести интернациональную борьбу против войны.“

Далее:

„Кацлерович и Попович делегированы Тимотичем и Яновичем. Но эти последние сами демонстративно протестуют против миссия, изложенного „делегатами.“

Я мог бы привести еще много аналогичных строк не только от товарища Лапчевича, но и от других влиятельных членов сербской рабочей партии. Однако, я не нахожу этого необходимым. Будет достаточно напомнить вам два недавних факта, чтобы доказать вам, что сербская социалистическая партия действительно не изменила своей главной революционной позиции.

1. Сербская социалистическая партия не только от-

казалась вступить в состав нового правительства Южно-Славянских государств, но и осудила позицию кроатской социалистической партии, которая делегировала одного из своих членов в новую палату. По этому поводу она объявила, что социалист в буржуазном министерстве равнозначущ капиталистическому министру и что партия должна его свергнуть.

2. Наша партия не принимала участия в Бернской Конференции, что имеет большое значение.

Принимая во внимание все эти факты, я могу вас уверить, что сербский пролетариат не воспитан ни для оппортунистических, ни для национальных выступлений, и что он, как и до сих пор, будет верен чисто революционной интернациональной деятельности. Он пойдет вместе с интернациональным революционным пролетариатом и скоро оснует свои советы и свою социалистическую республику и волеется таким образом в большую, коммунистическую, интернациональную Республику Советов. По этим основаниям я думаю, что я вправе объявить, что сербский пролетариат присоединяется с одушевлением к Третьему Пролетарскому Интернационалу.

ДОКЛАД тов. М. ФРЕЙЛИХА.

(Восточная Галиция).

Рабочее движение в Галиции уже в 1889 г., под влиянием происшедшего в том-же году в Париже интернационального социалистического съезда, приняло организованный характер, что имело последствием образование социал-демократической партии, которая с самого начала вступила на путь революционной пропаганды. На следующий год галицийские рабочие центры стали праздновать 1-ое Мая, как интернациональный рабочий праздник, а в последующее время все их экономические и политические движения носили уже социалистический характер. Однако, до серьезных и крупных выступлений первое десятилетие после основания II Интернационала еще не доходило. Съезд в Брюсселе, на котором для Галиции была создана известная национально-политическая программа, имел в Галиции последствием образование трех национальных партий, а именно Р. Р. С. (польская социал-демократическая партия), У. Р. С. (Украинская соц.-дем. партия) и З. Р. С. (Еврейская соц.-демокр. партия). Первой организовалась партия Р. Р. С. с Игнатием Дашинским, д-ром Германом Диаманом и д-ром Германом Либерманом во главе, как наиболее сильная партия городского пролетариата, каковой она и оставалась до крушения Габсбургской монархии. Ее примеру последовала слабая, по сравнению с первой, так и оставшаяся незначительной У. Р. С., влияние которой почти равномерно распределялось между городом и деревней. Среди еврейского пролетариата, который вошел в П. П. С., в 1906 г. стало проявляться серьезное сепаратистское движение, вызванное с одной стороны антисемитизмом, с другим — логически-последовательным стремлением действовать по примеру других партий, группировавшихся по национальностям. К тому-же австрийская конституция не признавала евреев самостоятельной нацией, и так как Р. Р. С., опираясь на это обстоятельство, отказывалась признать самостоятельность организованного еврейского пролетариата, то из этой партии выступили многие видные деятели, постепенно увлекшие за собой испугавшиеся раскола в партии массы еврейского пролетариата. Таким образом в 1908 г. З. Р. С. окончательно превратилась в самостоятельную партию, признанную и II Интернационалом. Социалистические партии страны, в конце прошлого столетия существовавшие легально, проповедывали рабочим революционную борьбу для достижения различных постулатов социалистов, как напр., всеобщего избирательного права, 8-ми часового

рабочего дня, страхования от старости и т. д. и т. д. На первом плане всегда ставилось требование всеобщего избирательного права, с достижением которого — как уверяли вожаки партии — пролетариату удастся осуществить парламентским путем программу-минимум и тем создать базис, на котором можно было-бы проводить в жизнь программу-максимум. В 1899 г. достигнуто было учреждение V-ой курии, открывавшей рабочим и крестьянам возможность проникнуть в австрийский парламент, хотя доступ в ландтаг замыкался теперь еще плотнее. На выборах в венский парламент прошел от Галиции Дашинский, примкнувший к клубу, состоявшему из 10 австрийских социал-демократических депутатов. В 1904 г. произошли первые большие забастовки в Галиции; главную роль в них играли львовские каменщики и рабочие бориславского нефтяного округа. В 1905 г. началось могучее движение, охватившее всю Австрию, с целью добиться реформы закона о выборах в австрийский рейхстаг; в интересах этого движения социал-демократия пустила в ход все имевшиеся в ее распоряжении средства и объявила 25 ноября того-же года всеобщую однодневную забастовку во всей Австрии, введенную повсюду с большим успехом. Так же, как и во всей Австрии, и в Галиции в некоторых местах доходило до столкновений с кулачной силой, причем рабочие своим храбрым и мужественным выступлением доказали, что массы способны на подвиги, если вождям удастся убедить их, что они сражаются за важное революционное дело. В 1907 г. произошли первые выборы на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, доставившие вожакам огромный успех, а пролетариату — жестокое разочарование. Из числа 89 социал-демократических депутатов, выбранных в рейхсрат, благодаря стойкому самопожертвованию австрийских рабочих, на Галицию приходилось 6, а именно от Р. Р. С. — 4, а от У. Р. С. — 2. Необходимо отметить, что все шестеро прошли от восточной Галиции, тогда, как в западной Галиции все кандидаты Р. Р. С., с Дашинским во главе, провалились, несмотря на то, что западная Галиция является в сущности польской страной и местные социал-демократы старались еще перешеголять остальных польских партий в национализме. В восточной Галиции мандаты распределились след. образом: Львов—д-р Диамант и Гулек; Перемышль—д-р Либерман; Стрый—Морачевский, все от Р. Р. С. В сель-

ских-же округах: Дрогобич-Борислав-Турка—Витевк; Тарнополь-Збараж—Ортомчук от U. P. S. Победа P. P. S. в городах главным образом обусловлена была тем, что еврейский пролетариат по имя социалистической солидарности решил не выставлять собственного кандидата и все свои голоса предоставил P. P. S. Во время избирательной кампании все кандидаты проповедывали самую беспощадную борьбу с правительством и буржуазными партиями, но все это длилось лишь до того момента, когда они переступили через порог парламента, после чего путем постыдных компромиссов они спешили приобрести кличку социал-демократов его королевско-императорского величества. Пролетариат испытал сильнейшее разочарование, и взамен господствовавшего во время выборов и еще некоторое время спустя энтузиазма среди масс наступило полнейшее отрезвление, перешедшее наконец в индифферентизм. Правда, на вторых, происходивших в 1911 г., выборах прошли почти те же лица, но эти выборы уже не сопровождались тем революционным подъемом, какой наблюдался в 1907 г., и успех их объясняется, главным образом, происшедшей за это время политической перегруппировкой, вследствие которой массы мелкой буржуазии пошли в хвосте социал-демократов, справедливо признав их защитниками своих интересов.

Вообще, вся предшествовавшая мировой войне семилетняя парламентская деятельность наиболее многочисленной фракции австрийского парламента, именовавшей себя социал-демократической, прошла без всякого блеска и успеха и вряд-ли будет играть роль в истории пролетарской эволюции. Благодаря ее предательскому поведению во время длившейся 4½ года бойни, море позора и обмана до такой степени вздулось, что широкие массы, встревоженные этим приливом, проснулись для борьбы за истинные идеалы пролетариата, тем более, что после падения империалистических твердынь в средней Европе, вожаки социал-демократии своим бегством в лагерь шовинистов слишком уже очевидно доказали рабочим массам свое предательство. С 1-го ноября 1918 года в бывшей Австро-Венгрии началась новая эра; с тех пор Галиция, как самая крупная коронная земля Австрии, выступает уже, как важный фактор. И здесь, как и во всей Австрии, раздоры между национальностями вслед за крушением монархии привели к войне между польской шляхтой и буржуазией, с одной стороны, и русинскими националистами, с другой. Вожаки P. P. S. стали на сторону польских империалистов, вожаки U. P. S.—на сторону украинских и выставлением известных патристических лозунгов вовлекли своих наемников в новую бойню. Между тем широкие массы пролетариата, уставшие от 4½ лет войны, обрадовавшись ее окончанию, успели побросать свое оружие, и к сожалению, на лицо не оказалось ни одной революционной партии, которая могла бы объяснить массам, какими катастрофическими последствиями грозит им такой образ действий, и не допустить, чтобы в конце концов буржуазия обоих лагерей осталась вооруженной, а пролетариат безоружным. Только благодаря этому обстоятельству, и могло случиться, что страна разбилась на два враждующих лагеря и в обоих воцарился режим палачей. В восточной Галиции национальным русинским властям удалось, было, с помощью регулярных солдат и всякого добровольческого сброда из разложившейся австрийской армии организовать известную боевую силу и овладеть страной. Но уже в первую неделю своего владычества они должны были уступить полякам два важнейших города страны—Львов и Перемышль, причем застрявшие в этих городах виднейшие вожаки русинской национальной политики были арестованы поляками. Со своей стороны и украинские власти прибегли к подобным же мерам по отношению к проживавшим в восточной Галиции польским политическим деятелям. Отрезанные от главных центров страны, лишённые всякого административного аппарата, новые хозяева Галиции блуждали в своей стране, точно в пустыне, устраивали свою резиденцию сначала в Тарнополе, потом в Сташиславе, где владычи жалкое существование. Правительство, образовавшееся под названием народного

секретариата, также как и прозванный национальной радой парламент оказались в деле законодательства совершенно несостоятельными и завели в новом государстве с помощью австрийских законов и постановлений такие порядки, что в каждом городе существует свое собственное право, вернее—беззаконие. Все города охраняются введенным усиленным осадным положением, при котором без пропуска никуда нельзя выезжать, а после 7-ми часов никто не смеет выходить из дому. При выдаче пропусков, помимо обычных, подчас прямо-таки непреодолимых затруднений, совершаются величайшие злоупотребления, и под видом пожертвований в пользу Красного Креста процветает сильнейшее взяточничество. Но и полученное уже разрешение на выезд далеко еще не гарантирует обладателю его личной неприкосновенности: часто на следующей же станции стража объявляет полученный с соблюдением всех формальностей документ недействительным для того, чтобы получить новую взятку. Эта система обостряется еще тем обстоятельством, что разращение идет сверху, начиная с главы правительства, намеренно создающего такие ситуации, которые способствуют подобной коррумпции. Невозможно перечислить все те многочисленные факты, которые могли-бы иллюстрировать политическую нравственность нынешних владык, но я не могу не отметить одно преступление, так как оно затрагивает главную основу хозяйственной жизни нашей страны, а именно нефтяной бассейн Дрогобичи-Бориславова. Здесь заседающая в раде шайка преступников устроила особый нефтяной комиссариат с социал-патриотом Витком во главе и, узурпировав в свою пользу исключительное право распоряжения колоссальными запасами необработанной нефти, очищенного керосина, парафина и свечей, раздает все эти сокровища страны за взятки исключительно спекулянтам, которые, например, вагон керосина, стоящий в Дрогобиче 40 тысяч крон, продают в Тарнополе не дешевле, чем за ½ миллиона, при чем все это совершается открыто, среди бела дня, на виду у правительства! Впрочем, такое печальное положение вещей имело для пролетариата, на ряду с отрицательными, и положительные последствия. Пролетариат убедился, что оставаться индифферентным к политике нельзя, и снова зашевелился.

Партийная деятельность повсеместно оживилась, и хотя в социал-демократии находились новые активные элементы, каждый почувствовал необходимость основательного пересмотра программы и в особенности тактики. Исходя из прежних делений, партии стали вновь конструироваться по национальностям, при чем могущественная раньше P. P. S., преследуемая русинскими властями, уже не могла подняться до прежней высоты, тем более, что экономически более обеспеченная часть рабочих симпатизировала заграничному польскому буржуазному правительству. Слабая же и до того U. P. S. почти целиком растворилась в господствующем национализме, и одна только Z. P. S. развернула оживленную, охватывающую всю страну организационную деятельность. Образованы были советы рабочих депутатов, которым власти вынуждены были предоставить известное влияние на ход дел, сделаны были шаги к объединению с обеими родственными партиями. В декабре месяце прошлого года в этой области можно уже отметить некоторый успех, усугубляемый еще тем, что нам удалось приступить к изданию еженедельной газеты „Красное Знамя“. В то-же самое время Комитет партии провел выборы более сплоченного Комитета, на который возложена была вся необходимая конспиративная работа. Этот составленный из 5 членов малый Комитет делегировал одного товарища в Будапешт, откуда тот, после состоявшегося в первых числах января совещания с представителями местного Центрального Комитета и постановлением соответствующих связей, отправился в Россию, чтобы завязать сношения с руководящими факторами советского правительства. По возвращении этого делегата из Будапешта была созвана партийная конференция, заседавшая 18 и 19 января при участии многочисленных делегатов из всех почти местностей страны. Эти двухдневные заседания были посвящены почти исключительно вопросам программного

и тактического характера. Избрана была постоянная комиссия с целью основательного обсуждения и выработки ответственных резолюций. В этой комиссии обнаружилось два сильно конкурирующих между собой течения, из которых одно высказывается за безусловную диктатуру пролетариата, в лице рабочих и крестьянских советов, и следовательно, за полный разрыв с парламентаризмом; другое же является сторонником буржуазного парламентаризма, как более пригодного средства, которое, по мнению представителей этого течения, также приведет пролетариат к цели, только более медленным темпом. При таком разногласии объединение, конечно, не могло состояться, каждая партия вынесла свою отдельную резолюцию, и так как правое крыло получило в комиссии большинство, то мы, оставшиеся в меньшинстве, внесли нашу резолюцию в пленум Комитета и здесь, к величайшему смущению наших противников, оказались в большинстве. Поведение коммунистической партии, вызвавшее, между прочим, предложение объявить заседание, посвященное вопросам тактики, закрытым, породило в городе нелепые слухи, результатом которых было вступление в город правительственных войск: дом, занимаемый нашим клубом, был оцеплен войсками, а в залу заседаний проникли офицеры, солдаты и политические должностные лица как раз в ту минуту, когда приступали к голосованию резолюций. Пользуясь наступившим замешательством, председательствующий меньшевик произвел вторичное голосование и так как некоторые делегаты, очевидно, не поняли, какая резолюция голосуется первой, то в конце концов умеренная резолюция получила большинство двух голосов. Но и эта резолюция гласит, что рабочие и крестьянские советы являются основной ячейкой для постановки в будущем всей власти в стране. На этой конференции был избран центральный комитет, в состав которого входит и докладчик, и комитет этот рекомендовал конспиративную работу.

В общем, мы переживаем еще организационный период и стремимся к образованию единой коммунистиче-

ской партии, делящейся на три национальные секции — польскую, украинскую и еврейскую. Эти три секции должны быть объединены общими партийными комитетами и общим для всей страны исполнительным бюро. Кроме того, малый Комитет поставил себе задачей слить воедино уже существующие национальные рабочие советы и при ближайшей возможности назначить всеобщие новые выборы в них. По поручению указанного комитета докладчик предпринял поездку по стране и везде имел возможность констатировать лихорадочную деятельность в коммунистическом направлении. Старых социал-демократических вождей больше не признают. Повсюду царит исполненное энтузиазма желание с оружием в руках прогнать варваров и провозгласить Советскую республику, в восточной Галиции в географическом отношении ограниченной рекой Савой-до Збруджа. Политическая структура и этнографический состав страны делают невозможным соединение ее с Польшей. Точно также и русины, составляющие почти исключительно сельское население, не вправе предъявлять притязания на занятие господствующего положения среди состоящего из евреев и поляков населения городов. Советское правительство изгнало бы с лица земли такие националистические элементы.

В заключение, объявляю от имени коммунистической партии восточной Галиции о нашем вступлении в III Интернационал, причем мы безусловно принимаем и признаем обязательными для себя все принятые на состоявшемся в Москве от 2-го до 6-го марта 1919 г. съезде решения и резолюции, выражая надежду, что сумеем выказать себя полезным членом новой пролетарской семьи. Особенное объяснение о выходе нашем из II Интернационала является излишним, так как мы уже на Бернской конференции выразили свое презрение могильщикам пролетариата. Что касается представительства нашей партии в Исполнительном Бюро, то прошу временно считать представителем нижеподписавшегося, пока наш центральный комитет не будет в состоянии назначить туда постоянного представителя.

ДОКЛАД тов. ЯЛЫМОВА.

(В о с т о к).

Я говорю от имени Центрального Бюро мусульманских коммунистических организаций, переименованного на днях в Центральное Бюро Коммунистических Организаций Народов Востока. Организация эта объединяет коммунистов рабочих не русской национальности Туркестана, Башкирии, татар Поволжья, Киргизистана, горцев Кавказа и эмигрантские коммунистические группы Турции, Персии, Азербейджана, Бухары и Грузии. Сообразно с этим национальным разнообразием организованы при Центральном Бюро секции: татарская, башкирская, киргизская, горская, туркестанская, азербейджанская и другие.

Если не считать Азербейджана, Грузии, Персии, Турции и Бухары, то в остальных областях района Центрального Бюро насчитывается не менее 30.000.000 русского населения. В настоящее время Центральное Бюро объединяет в этих областях не менее 10.000 организованных рабочих и крестьян мусульман. Я не говорю уже ни об огромном моральном влиянии Центрального Бюро в мусульманских трудящихся массах, ни о сочувствующих коммунизму красноармейцах мусульманах, которые в количестве не менее 50.000 человек ведут войну бок о бок с русскими красноармейцами на Восточном и Южном фронтах против Краснова и Деникина, Колчака и Дутова. Сравнительная малочисленность организованных вокруг Центрального Бюро рабочих объясняется, во первых, культурной отсталостью народов Востока, недавно только освободившихся от кабалы, во вторых, тем обстоятельством, что территория этих народов от Кавказа до Казани и от Уфы до Ташкента представляет театр военных действий, с оружием в руках освобождаемый от хищников империализма и их белогвардейских агентов. Все это значительно затрудняет систематическую социалистическую работу.

Я не буду говорить о зверствах грузинских белогвардейцев и их союзницы — грузинской меньшевистской партии во главе с Церетелли, дважды расстрелявшей рабочие митинги в Тифлисе в январе прошлого года, разгромившей грузинскую коммунистическую организацию и заключившей в тюрьму ее главарей. То, что делают изменники Шейдеман и Эберт в Германии, то уже давно сделано грузинской меньшевистской партией. Не буду также говорить о зверствах туркестанских правых социалистов-революционеров и меньшевиков, играющих роль палачей наших товарищей в руках английских империалистов.

Это ими расстреляны наши испытанные товарищи Джапаридзе и Шауман, Корганов и Петров. Не буду также распространяться о безобразиях тех же партий правых социалистов-революционеров и меньшевиков, членов Учредительного Собрания, сотнями расстреливавших рабочих и крестьян и выкалывавших глаза у наших товарищей мусульман. Все это факты, известные всем, несколько раз опубликованные в печати.

Не смотря на эти невероятные условия работы, Центральное Бюро не унывало и продолжало свою социалистическую работу рука об руку с Российской Коммунистической Партией. Для характеристики деятельности Центрального Бюро стоит отметить, что руководящие элементы коммунистов Востока, из которых в декабре прошлого года было организовано Центральное Бюро, за десять месяцев с января 1918 года по ноябрь успели издать на татарском, турецком, киргизском языках более четырех миллионов экз. газет, брошюр и листовок. С декабря месяца прошлого года, когда эти руководящие элементы объединились в Центральное Бюро, в одной лишь Москве Центральное Бюро успело издать на арабском, персидском, татарском, азербейджанском, таджикском, узбекском, киргизском и кадымском языках по январь месяц этого года, то есть за два месяца, более 2.000.000 экз. газет, брошюр и воззваний. В настоящее время Центральным Бюро и его местными организациями издается 15 газет с Центральным органом „Эшче“ (на татарском) и „Энги“. И при идейной поддержке, которую оказывает Центральному Бюро Российская Коммунистическая Партия, дело коммунизма на Востоке будет расти, а угнетенные народы Востока сплотятся в своей борьбе против империализма вокруг Советской России. Я не буду доказывать вам великое значение пробуждения Востока для разрастающейся рабочей революции на Западе. Восток представляет глубокий тыл и источник питания мирового империализма. Если Восток подымется и протянет руку социалистическому Западу, империализм будет окружен, тогда и пробьет час торжества мирового социализма. Именно поэтому Центральное Бюро ставит своей основной задачей пробуждение народов Востока. Именно поэтому я восклицаю: да здравствует революционный союз угнетенных народов Востока с социалистическими рабочими России и Европы!

А Н Г Л И Я .

Предательство вождей.

В начале мая в Лондоне состоялось заседание исполнительного комитета „Тройственного Союза“. В числе других вопросов в порядке дня стоял в высшей степени важный принципиальный вопрос: следует ли профессиональным союзам принимать участие в политических выступлениях? Может ли забастовка явиться орудием политической борьбы? Вопрос старый, но вечно новый. Для английского пролетариата вопрос этот в данный момент имеет чрезвычайно важное значение, т. к. жизнь, помимо воли вождей, помимо даже воли самих пролетарских масс, втягивает рабочих в политическую борьбу. Стоять в стороне от политической борьбы немисливо.

Вопрос этот выплыл наружу в связи с „политическим выступлением“ союза транспортных рабочих. Это „политическое выступление“ заключалось в том, что союз транспортных рабочих вынес на своем съезде резолюцию протеста против интервенции. Исполнительный комитет Союза транспортных рабочих обратился к исполнительному комитету „Тройственного Союза“ с требованием поддержать его протест и заявить правительству (от имени всех трех союзов), что вслед за резолюцией протеста может, — если правительство останется попрежнему глухо и немо к заявлениям и требованиям рабочих, — последовать забастовка протеста.

Буржуазная пресса подняла по поводу этого „политического выступления“ ужасный шум. „Как! — возмущались „Times“, „Daily Mail“, „Morning Post“, рабочие хотят действовать помимо парламента? Они нарушают наши славные парламентско-демократические традиции. Они предъявляют правительству чисто политические требования, забыв о том, что они ничего общего с политикой не имеют“. И т. д., и т. д. Это благородное негодование вполне понятно: ведь никогда прежде английские тред-юнионы действительно, не занимались политикой, на политической арене от имени рабочих выступала только парламентская фракция „Британской Рабочей Партии“.

Исполнительный Комитет „Тройственного Союза“, после долгих и горячих дебатов (подробного отчета, о которых у нас, к сожалению, нет под рукой), постановил: присоединиться к резолюции съезда транспортных рабочих; заявить правительству, что за резолюцией протеста может, в ближайшем будущем, последовать забастовка протеста; обратиться немедленно к парламентской фракции Рабочей Партии с требованием созвать общеанглийский съезд профессиональных союзов для обсуждения вопроса о всеобщей (в общенациональном масштабе) забастовке протеста против интервенции и принудительного набора в войска.

Это постановление является не только принципиальным признанием целесообразности (ибо все неизбежное, неотвратимое, само собою разумеется, поневоле приходится признать целесообразным) участия профессиональных союзов в политических выступлениях, но и само по себе оно является политическим выступлением первостепенной важности... Несомненно, что, если бы общеанглийский съезд профессиональных союзов был созван, то этот съезд большинством голосов высказался бы за всеобщую забастовку.

Но съезд не был созван. Парламентская фракция Рабочей Партии, получив официальное уведомление о постановлении Исполнительного Комитета „Тройственного Союза“, решила... „предварительно переговорить с пред-

ставителем правительства.“ Уже самое это решение есть факт предательства.

Делегация, с Стюартом Доннингом (членом Исполнительного Комитета Бернской Конференции) во главе, отправилась к Бонар Лоу.

На все вопросы делегации Бонар Лоу дал, по словам самой делегации, „уклончивые ответы“. На вопрос о России Бонар Лоу ответил: „Мы не вмешиваемся во внутренние дела России. Мы предоставляем русскому народу самому решать судьбы своей страны. Мы только морально поддерживаем наших друзей (т. е. Колчака и Деникина). О принудительном наборе Бонар Лоу „ничего определенного не мог сказать.“ Стюарт Доннинг заметил, что, если правительству нужна армия, то не лучше ли вербовать добровольцев, чем набирать солдат принудительно. Бонар Лоу ответил: „Нам не удастся привлечь достаточное количество добровольцев в ряды армии, несмотря на все приманки и обещания“. „В таком случае, сказал Стюарт Доннинг, — вы можете быть, повысите жалованье добровольцам.“ „Это предложение мы обсудим“, ответил Бонар Лоу.

„Уклончивые ответы“ представителя правительства вполне удовлетворили гг. Доннинга, Адамсона и tutti quanti, и они решили отложить созыв съезда профессиональных союзов на неопределенное время.

Так было аннулировано чрезвычайно важное постановление Исполнительного Комитета „Тройственного Союза“. Так была сорвана первая всеобщая политическая забастовка в Англии.

Забастовка полиции.

В начале мая профессиональный союз полицейских и тюремных надзирателей предъявил правительству следующие требования: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня до восьми часов, признание профессионального союза („право коалиций“) и обратный прием на службу уволенного за активную организационную работу в профессиональном союзе полицейского Стэкмана. Начальник полиции Макреди и министр внутренних дел Шорт заявили, что первые два требования правительство готово частично удовлетворить, но союза оно признать не может и также не может принять обратно на службу уволенного Стэкмана; что, если полицейские и тюремные надзиратели объявят забастовку, то они немедленно все будут уволены и лишены пенсий. „Полицейская служба“, заявили представители правительства, „не есть работа по вольному найму, а долг по отношению к обществу и государству. Следовательно, ни о каких профессиональных союзах и ни о каких забастовках здесь не может быть речи“.

В течение целого месяца подготавливалась всеобщая забастовка полиции. В конце мая вопрос о забастовке был поставлен на всеобщее голосование всех членов профессионального союза полисменов и тюремных надзирателей. Из 48.863-х полицейских — 44.539 голосовали за забастовку и только 4.324 — против.

Правительство всеми мерами старалось предотвратить забастовку. Оно с одной стороны „увещевало“ полицейских, с другой стороны действовало путем угроз. На случай забастовки к Лондону были стянуты войска, и начальник полиции Макреди неоднократно заявлял, что „у нас припасено для вас, друзья, достаточное количество пулеметов и бронированных автомобилей“. Это было бы грандиозное, никогда невиданное зрелище: усмирение взбунтовавшейся полиции!

В последних числах мая в Лондоне, в знаменитом Хайд Парке состоялась мирная манифестация полиции, — весьма внушительная демонстрация, предварительный смотр сил, нечто вроде генеральной демонстрации.

Эта мирная манифестация нагнала ужас на лондонскую буржуазию.

30-го мая Макреди и Шорт, убедившись, что все их попытки предотвратить забастовку ни к чему не приводят, решили отправиться на аэроплане в Париж, к Ллойд Джорджу. Этот полет министров в Париж (только предполагавшийся, почему-то отмененный) еще более встревожил лондонскую буржуазию, ибо, если уже министры решили лететь, то, значит, дело плохо.

1-го июня, днем, было уже известно, что больше 90% полицейских голосовали за немедленную забастовку. Забастовка должна была начаться утром 2-го июня. Но вечером была устроена в Хайд Парке вторая „мирная манифестация“, еще более грандиозная и внушительная, чем первая. Вся лондонская полиция участвовала в этой манифестации, ни один полицейский не остался на посту. Женщины — полисмены наблюдали за порядком шествия. Это была, по словам „Daily News“, самая многочисленная и в то же время самая стройная и добропорядочная (orderly) манифестация, какую когда-либо видел Лондон.

Манифестация закончилась грандиозным митингом. В Хайд Парке были воздвигнуты 12 трибун, на которых одновременно выступали ораторы. Митинг продолжался далеко за полночь. Эта была самая тревожная ночь, которую когда-либо переживала лондонская буржуазия.

Но если бы лондонская буржуазия знала, что говорили „вожди“ английского тред-юнионизма на многотысячном полицейском митинге в Хайд Парке, она бы не тревожилась, она бы спокойно спала.

„Вожди“ английского тред-юнионизма сорвали всеобщую забастовку полиции. Это тысяча первое предательство старых вождей. Забастовка полиции отложена на неопределенное время.

Секретарь профессионального союза полицейских и тюремных надзирателей Хэйс (Hayes) заявил, что „так как мы сильны, так как 44 тысячи из 48 тысяч высказались за забастовку, так как „Тройственный Союз“ обещал нам всяческую поддержку, так как войска, на которые опирается правительство в борьбе с нами, фактически на на-

шей стороне, то, принимая все это во внимание, мы находим, что забастовка не нужна: ведь раз мы так сильны, то правительство все равно, и без забастовки рано или поздно будет вынуждено удовлетворить наши требования“.

„Зачем нам бастовать теперь?“ — патетически восклицал мистер Хэйс. — „Подождем. Зачем объявлять забастовку как раз тогда, когда правительство ждет этой забастовки, когда правительство приняло все меры, когда нас ждут пулеметы и бронированные автомобили? Зачем именно теперь? Подождем. Мы сумеем объявить забастовку позже, когда нам заблагорассудится. Мы будем бастовать тогда, когда „Тройственный Союз“ добьется объявления всеобщей политической забастовки“.

А председатель лондонского совета профессиональных союзов Кармайкель (Carmichael) развивал перед полицейскими такую теорию:

„Тройственный союз“ готов принять нас (т. е. союз полицейских) в качестве четвертого члена... Через три года наши организации будут так сильны, что мы без особого труда сумеем добиться национализации важнейших отраслей промышленности. Вместе с тем, мы добьемся того, что фракция Рабочей Партии будет самой многочисленной фракцией в парламенте и у нас будет рабочее правительство. Вы видите, таким образом, что мы можем обойтись без революции“...

Популярное изложение одной из самых распространенных социал-предательских теорий, рассчитанное на малосознательного и наивного слушателя!

„Конечно“, — добавляет мистер Кармайкель, — „если этот план не осуществится, то мы не остановимся и перед революцией“. Но это добавление так плохо вяжется со всей предыдущей речью...

2-го июня, выйдя рано утром из дому, полный тревожных предчувствий, лондонский буржуа, был удивлен и обрадован, увидев полицейских на постах, убедившись, что „все, слава Богу, благополучно“.

„Вожди“ преподнесли буржуа приятный сюрприз, в тысячу первый раз предав интересы трудящихся.

А. М.

От редакции. В номере третьем „Коммунистического Интернационала“ английская хроника по ошибке подписана буквою „Ф“, вместо инициалов „А. М.“

А М Е Р И К А.

„Заговоры“.

В марте — покушение на Вильсона, в мае — расылка взрывчатых веществ по почте разным „именитым гражданам“ и, наконец, в начале июня „заговор анархистов-бомбистов“. Десятки взрывов в десятке различных городов в один вечер!... Мы имеем все основания думать, что все это — и майская „расылка по почте“, и июньский „заговор“, и даже, пожалуй, покушение на Вильсона — не что иное, как правительственная провокация.

В ночь со 2-го на 3-е июня в Вашингтоне была сделана — неизвестными лицами — попытка взорвать особняк министра юстиции А. Митчелля Палмера. Бомба была положена у входа в дом. „К счастью“, повествует вашингтонский корреспондент „Daily News“, „мистер Митчелль и его супруга были на верхнем этаже и спаслись от смерти. Взрывом убит неизвестный человек, — по предположению полиции, анархист, подложивший бомбу. Тело его разорвано осколками бомбы на мелкие куски. Один кусок попал через окно в квартиру норвежского посланника Брина, в спальню, где в колыбели спал ребенок. У подъезда дома министра юстиции найден обрывок анархистской прокламации. В этой прокламации говорится, между прочим, следующее:

„...просто и ясно. Стоящие у власти делают все возможное, чтобы воспрепятствовать распространению ми-

ровой революции. Но нельзя уже больше откладывать решение социального вопроса. Классовая война началась, и она может закончиться только победой пролетариата. Мы бросаем вызов „демократическим“ вождям нашей самодержавной „республики“. Кровопролитие неизбежно. Мы будем убивать, — потому что это необходимо. Мы будем разрушать, — ибо только разрушая, можно освобождать“.

Воззвание кончается словами: „Да здравствует социальная революция! Группа анархистов-борцов“.

„Daily News“ обращает внимание читателя на „иностранные“, не-английское построение фраз в этом „документе“. „Ясно, что авторы этого документа — не американцы. Тут перед нами борьба между иммигрантами из восточной Европы, не понимающими духа англо-саксонской демократии (!) — с одной стороны, и чистыми американцами, — с другой“.

В ту-же ночь, с 2-го на 3-е июня, взорвалась бомба в какой-то церкви в Филадельфии, в доме члена конгресса в Ньютонвилле (близ Бостона), в доме судьи в Роксбери (предмestье Бостона), в Питтсбурге и в целом ряде других мест. Всего — 67 бомб. И всего только 5 человек убито: 3 „анархиста-бомбиста“ и 2 служанки. Все „именитые граждане“, для которых, собственно говоря, и предназначались бомбы, каким-то чудом спаслись. Это лучшее доказательство того, что мы тут имеем дело не с заговором анархистов, а с заговором правительства.

Как и следовало ожидать, американская буржуазная печать не преминула „использовать“ этот „заговор анархистов“. Буржуазная печать выдвинула старый и вечный лозунг: „В бараний рог“. Этот лозунг был подхвачен охранкой и полицией. Массовые аресты, обыски, разгром синдикалистских и социалистических организаций — вот ответ Вашингтонского правительства на „анархистский террор“.

Забастовочное движение.

У нас имеются только отрывочные, разрозненные сведения о забастовочном движении в Америке. В начале

июня в Новой Англии (пять северо-восточных штатов) забастовали 80 тысяч портных. Около того-же времени началась — одновременно на крайнем северо-востоке и на крайнем юго-западе — стачка телеграфистов, грозившая стать всеобщей. К тому же времени относится забастовка доковых рабочих в Нью-Йорке.

Американская буржуазная печать выражает опасение, что забастовочное движение из Канады может перекинуться в Соединенные Штаты. „Не забудем“, пишет „New York World“, официоз Вильсона, — „что те же условия и причины, которые создали движение в Канаде, существуют и в наших городах“.

Революционное движение в Канаде.

Вот уже более двух месяцев, как в Канаде не прекращаются серьезные рабочие волнения.

В начале мая в городе Виннипеге (столица провинции Манитоба) забастовали почтовые служащие, предъявив правительству ряд экономических требований (сокращение рабочего дня, введение английской недели, повышение заработной платы и т. д.). Правительство заявило, что оно принципиально готово идти на уступки, готово частично удовлетворить требования рабочих, но что „забастовки в государственном учреждении, каковым является почта, оно не потерпит“. Все участники забастовки считаются уволенными, и их место займут „лояльные граждане“.

Из сочувствия к почтовым служащим забастовали телеграфисты, официанты, служащие и рабочие всех городских учреждений и предприятий, затем строительные рабочие, транспортные рабочие и т. д. Жизнь в Виннипеге совершенно замерла. Всеобщая забастовка сочувствия — явление совершенно новое, никогда прежде не имевшее места в Канаде.

Нечто аналогичное тому, что произошло в Виннипеге, произошло и в целом ряде других канадских городов. В Торонто забастовали, предъявив работодателям чисто-экономические требования, рабочие металлообрабатывающей промышленности, и когда работодатели в ответ на забастовку объявили локаут, вспыхнула всеобщая забастовка сочувствия.

Из Виннипеге и Торонто — этих двух главных центров — забастовочное движение распространилось на север и на запад, охватив все более или менее крупные города и все без исключения отрасли промышленности. Вслед за Торонто вспыхнула всеобщая стачка сочувствия в Ванкувере, затем в Виктории, Брэндо, Квебеке, Оттаве и проч. В начале июня забастовка приняла общегосударственные размеры.

По мере того, как движение разрасталось количественно, происходило и качественное его изменение. Изменился самый характер забастовки: из всеобщей забастовки сочувствия она превратилась во всеобщую политическую забастовку, во всеобщую забастовку протеста против... против капитализма вообще. Впрочем, с самого начала было ясно, что „сочувствие“ отнюдь не является главным мотивом движения, что рабочими массами руководит нечто более серьезное и глубокое, чем этот чисто-идеологический момент — сочувствие.

В „Daily News“ от 2-го июня мы находим передовую статью, посвященную канадским событиям. Тревожный тон этой статьи, выводы, к которым приходит ее автор, уверяющий своих читателей, что „мировая революция не за горами“ (это в буржуазной лондонской газете!) не оставляют никакого сомнения в том, что, действительно, в Канаде мы имеем дело не с простой забастовкой, а с очень серьезным и глубоким революционным движением. Буржуазная английская печать обращает наше внимание главным образом на следующие две характерные черты движения в Канаде: 1) Забастовка захватила самые низы рабочего класса, также как и самые

верхи его. Обыкновенно, в доброе-старое довоенное время, самые верхи и самые низы стояли в стороне от всякого общественного движения, и 2) забастовка проходит под революционными, „большевистскими“ лозунгами.

Мы сказали выше, что всеобщая забастовка сочувствия превратилась во всеобщую политическую забастовку. Когда это „превращение“ стало совершившимся фактом, были найдены и формулированы, были подсказаны самым движением, самими массами революционные политические лозунги. „Национализация промышленности“, „рабочий контроль“ — и самый главный, самый важный, всеобъемлющий, покрывающий собою все остальные лозунги — „Один Большой Союз“.

„Times“ в передовой статье в номере от 4-го июня доказывает, что „то, что происходит сейчас в Канаде и что мы называем всеобщей стачкой, есть, в сущности, революция“, и что „борьба за Один Большой Союз есть, в сущности, борьба за диктатуру пролетариата“. Замечательно, что не столько самое движение, сколько этот „большевистский“ лозунг — „Один Большой Союз“ — нагнал страх на буржуазию и правительство. Лозунг, под которым проходит движение, опаснее для буржуазии, чем самое движение; движение можно подавить, но лозунг таит в себе много страшных возможностей, он чреват многими ужасными для буржуазии последствиями.

Но самое замечательное в канадском движении это то, что, превратившись из экономического движения в чисто-политическое, оно приняло вместе с тем „большевистско-советский характер“, оно превратилось в чисто-советское движение, в движение за советы.

С самого начала во главе забастовочного движения стояли — в каждом городе — забастовочные комитеты. Когда определился чисто-политический, революционно-большевистский характер движения, из этих забастовочных комитетов ушли все старые вожди канадского профессионального движения. Их место заняли новые вожди, выдвинутые самым движением.

В Виннипеге (да и в других местах), благодаря всеобщей забастовке, жизнь была выбита из колеи. Была нарушена нормальная, регулярная доставка продовольствия в город; благодаря забастовке торговых служащих, расстроился распределительный аппарат; благодаря забастовке (или, вернее, локауту) полиции (из 198 полицейских в Манитобе осталось только 9, остальные все были уволены), расстроился административный аппарат. И т. д., и т. д., и т. д. Одним словом, воцарилась полная анархия. Городские власти растерялись... Правительство поспешило противопоставить организованной силе рабочих какую-нибудь свою организованную силу. Оно не могло опереться ни на полицию ни на солдат так как полудемобилизованные солдаты оказались на стороне рабочих. Единственной, что ему (правительству) осталось сделать, это создать кадр штрейкхеров и громил из босяков, башибузуков, профессиональных хулиганов и тому подобного элемента. Из разных отбросов общества были кое-как соштыряны „комитет граждан“ и „гражданская милиция“.

Но эти две „организации“ внесли еще больше анархии и хаоса в и без того расстроенный уклад жизни.

Нужно было выступить на сцену какому-нибудь „устраивающему началу“. И вот таким „началом“ явился забастовочный комитет. Он взял власть в свои руки. Он взял на себя все те общественные функции, которые в „мирное“ время выполняло „демократически-избранное“ городское самоуправление, и целый ряд новых функций, созданных новым ненормальным положением и оказавшихся не по плечу городскому самоуправлению.

Прежде всего забастовочный комитет организовал продовольственное дело, дело снабжения и распределения. Далее он взял на себя всю совокупность административно-организационных функций и при этом, по словам корреспондента „Daily News“, обнаружил недюжинные административные способности. Ему удалось совершенно сломить правительственную штрейкбрехерскую „гражданскую милицию“, которую он заменил своей, рабочей милицией... Состав забастовочного комитета, по мере того, как его деятельность расширялась, постепенно пополнялся делегатами от рабочих организаций, и таким образом забастовочный комитет превратился в Совет рабочих депутатов.

Корреспондент „Daily News“ сообщает, что „при советской власти в Виннипеге поддерживается полный порядок, нет никаких эксцессов, не было ни одного случая насилия“. Корреспондент отмечает только один печальный случай: „Совет рабочих депутатов издал декрет о закрытии всей буржуазной прессы в наказание за клевету на забастовочный комитет и распространение ложных слухов“. Декрет этот был, однако, проведен в жизнь „без всяких эксцессов“.

В Ванкувере возник такой же Совет как и в Виннипеге. В Сиднее (Nova Scotia) был создан Совет рабочих и солдатских депутатов. „Солдаты“, пишет Daily News „везде поддерживают забастовщиков“.

Наши сведения о движении в Канаде обрываются на 7-ом июня. О дальнейшем развитии движения, принимающего все более грандиозные размеры, мы сообщим только в следующем номере „Коммунистического Интернационала“.

А. М.

Ф Р А Н Ц И Я.

Пока еще нельзя сказать ничего определенного о том, как прошла международная „союзническая“ забастовка, назначенная на 21 июля. С одной стороны, уже самое назначение забастовки на заранее точно определенный день должно было послужить значительным препятствием к успеху этого массового выступления; с другой стороны, социал-оппортунисты из Генеральной Конфедерации Труда, ограничившись словесными угрозами по адресу правительства, принялись ревностно тормозить движение рабочих. Возможно, конечно,—так нам, по крайней мере, кажется в момент, когда мы пишем эти строки,—что движение это в ближайшем будущем снова вспыхнет, против воли рабочих „вождей“, все время предающих интересы пролетариата.

Июньские забастовки были красноречивым доказательством революционной жизненности масс и неизменной трусости оппортунистов. Забастовки эти были устроены против воли Комитета Г. К. Т. В Париже в первых числах июня бастовало 500.000 рабочих, в том числе 50.000 металлистов; бастовали служащие городской железной дороги, рабочие вагонных и авиационных заводов и т. д... Забастовка распространилась и на окрестности Парижа, сказавшись с особенной силой в Сен-Дени, Билланкуре и Булони. Вокзалы городской железной дороги и снаружи и внутри были заняты войсками. В Сен-Дени, на улице Авеню де Пари была устроена грандиозная демонстрация, в которой принимали участие 60 тысяч рабочих, причем местное начальство, боясь, что столкновение еще больше раздует пожар, предложило полиции не принимать никаких мер против демонстрации.

Характер этих забастовок был в одно и то же время и профессиональный и политический. Некоторые организации стали на чисто профессиональную точку зрения. Так, резолюция по вопросу о продолжении забастовки, единогласно принятая собранием служащих городской и Северно-Южной железных дорог, происходившим в помещении гимназии Гюйгенса, заканчивается призывом к „патриотизму“ и к „совести правительственных органов власти“.

Тем не менее, эти забастовки, в которых принимали также участие приказчики нескольких больших магазинов, как напр., магазина „Printemps“, и служащие правительственной газеты „Journal Officiel“, носили и политический характер: большинство рабочих, воспользовавшись этим случаем для предъявления экономических требований, вместе с тем требовало от правительства отказа от по-

литики вмешательства по отношению к России. Между тем правительство удвоило строгость цензуры, и в газетных статьях и в публикуемых резолюциях систематически и беспощадно вычеркивалось все, что говорило о политической стороне движения.

Движение перекинулось и в провинцию, причем с особенной силой охватило департаменты Юры и Пад-Кале. Забастовка была в полном смысле слова всеобщей в угольном бассейне. На этот раз впервые не было заметно ни следа того сепаратизма, которым раньше отличались шахтеры различных районов: Па-де-Кале, Кармо, Луарского района, Монсо, Гара, Эро, Мерт-Мозель и т. д.: на этот раз шахтеры проявили полную солидарность.

Не говоря уже о ренегатах Жуо и Бледи, во время этих забастовок игравших все ту же роль, которую они и не переставали играть с 4-го августа 1914 г., члены Социалистической Партии еще раз доказали теперь свое предательство по отношению к делу рабочего класса. Так, парижский муниципальный советник Фиансетт, один из главных представителей центра Социалистической Партии, ратовавший на всех последних съездах партии за единство и восстававший против раскола, обратился к председателю Муниципального Совета с письмом, в котором он настаивал на необходимости достигнуть соглашения между транспортными служащими и железнодорожными компаниями. Этот шаг Фиансетта привел в восторг даже самую правую империалистскую газету „Echo de Paris“, указавшую на то, что письмо проникнуто духом „похвальной умеренности“.

Представители центра и социал-оппортунисты продолжают по прежнему вести все ту же жалкую политику компромиссов. Теперь оказывается, что социал-оппортунист Жан Лонгэ недавно, по собственному почину, ездил вместе с Рамсеем Макдональдом и Бакстоном в Италию и в Швейцарию для того, чтобы попытаться уговорить товарищей из социалистических партий этих двух стран взять назад свое решение о выходе из второго Интернационала. А известный социал-оппортунист Майерас, депутат от департамента Сены, имел даже наглость заявить, что основание III-го Интернационала было лишь „дипломатическим шагом“ со стороны тов. Ленина, угрозой по адресу II-го Интернационала, об обратном вступлении в который будто бы только и мечтает тов. Ленин!

АНДРЭ КАРТИНЫ.

ЛЮЦЕРНСКИЕ АКРОБАТЫ.

Помещаем отчет о первом заседании желтого „Интернационала“ в Люцерне. Мы заимствуем этот отчет из номера берлинского „Форвертса“ от 3 августа 1919 года.

Международная конференция началась в пятницу 1 августа предварительным совещанием, на котором решено было избрать две комиссии. Одна из них должна заняться вопросом о воссоздании Интернационала, другая—вопросом об организации Интернационала. Последняя комиссия, кроме того, займется также вопросами о докладах из разных стран и о социалистической прессе; а первая из упомянутых комиссий должна также разработать вопрос о политическом движении рабочего класса, т. е. заняться проблемой: демократия или диктатура.

Конференция заседает в помещении люцернского курзала. Участвуют в ней около 40 делегатов. Полнее всего представлена Франция. Германских независимых на конференции пока еще нет. Америка, Немецкая Австрия и Польша до сих пор не прислали своих представителей. Брантинга тоже пока нет. Официальные партии Швейцарии и Италии отказались от участия, так как они хотят примкнуть к Московскому Интернационалу. Из Италии явился только реформист Канепи.

Первое заседание в пятницу открыл Гендерсон длинной речью, в которой он сначала обрисовал в общих чертах настоящий политический, экономический и социальный мировой кризис, грозящий гибелью всей цивилизации. Правительства кричат о необходимости увеличения производства. Против увеличения производства мы ничего не имеем, но только не на пользу тем, кто ничего не производит.

Безусловно необходимо немедленно же подвергнуть окончательному пересмотру главнейшие пункты мирного договора.

Мы требуем немедленного созыва собрания Лиги Народов для пересмотра мирных условий в духе основных принципов рабочего класса. В настоящее время Лига Народов является, пожалуй, только орудием в руках одержавшей победу коалиции. О плодотворной деятельности Лиги Народов не может быть и речи, покуда в нее не входят Германия, Россия, Венгрия и другие страны. Мирный договор содержит в себе ряд серьезных экономических несправедливостей, скрытых аннексий и контрибуций, которым придана внешняя форма вознаграждения за убытки; он санкционирует дальнейшее существование невыносимого милитаризма. Затем, Гендерсон резко протестовал против реакционной политики Антанты по отношению к России и решительно высказался против всякого вооруженного вмешательства: „Несмотря на все разногласия“, сказал он, „существующие внутри Интернационала по вопросу о Советах, мы все единодушно протестуем против этого вмешательства и требуем, чтобы положение вещей в России было обследовано особой комиссией Интернационала, результаты работ которой должны быть обнародованы для всеобщего сведения. Мировой финансовый вопрос должен быть также урегулирован в интересах рабочего класса“. (Всеобщее одобрение).

Затем, был подвергнут обсуждению порядок занятия конференции. Следующее пленарное заседание было решено отложить до вторника или до среды для того, чтобы дать комиссиям некоторый срок для предварительной работы.

В послеобеденном заседании был заслушан доклад секретариата.

Кашэн (Париж) жалуется на то, что работа бюро велась недостаточно энергично и открыто, особенно в вопросе о мирном договоре.

Интернационал в своей деятельности должен обращаться не к Лиге Народов, а к самим народам. Если мы не будем действовать энергичнее, работа наша утратит связь с деятельностью масс.

Макдональд (Англия): Чисто отрицательными протестами мы ничего не достигнем. Перед нами стоит вопрос о дальнейшем существовании второго Интернационала. Все государства и народы потерпели моральное банкротство. Ни у одного из правительств нет политической программы, рассчитанной на ближайшее будущее. Наши отдельные выступления носят совершенно разрозненный характер, и даже в мыслях наших нет системы. Мы должны прежде всего заручиться моральным авторитетом. Война бросила вызов в лицо демократии, самые основы которой теперь поколеблены. Интернационал должен найти выход между революцией, наступающей вслед за каждой войной и несовместимой с простой демократией, и расколом во время революции, угрожающим гибелью всей культуры. (Здесь пропуск в отчете).

Трульстра (Голландия) резко обрушивается на дипломатическую политику Исполнительного Комитета. Много упреков было высказано по адресу некоторых социалистических партий за их недостаточно энергичную деятельность в момент начала войны, но и другие социалистические партии не менее виноваты, так как они оставались пассивными теперь, после окончания войны и при заключении мира. Мы сделали ошибку, не оперевшись в нашей деятельности на силы, поднявшиеся из глубины народных масс, и вступив на ложный путь дипломатических ухищрений. Наше поражение очевидно. В Берне было решено превратить первомайский праздник в демонстрацию пролетариата в пользу мира. Но демонстрация ограничилась выпуском какого-то незначительного манифеста. Не следует забывать, что у второго Интернационала рядом с ним имеется конкурент. Нам не приходится постоянно нападать на большевиков. Эти нападки имели бы смысл, если бы мы сами все были революционными социалистами. Мы должны были добиться выдачи нам паспортов. Необходимо было для этого устроить ряд крупных демонстраций во Франции. Если мы поедem в Россию и в Венгрию, то задачей нашей будет не удушение революции, а спасение социальной революции от ошибок. Во время революции одной

парламентарной демократии недостаточно. Для удовлетворения пролетариата мы должны выступить с ясной положительной программой, которая должна доказать и нашу волю к жизни и к работе и наше понимание необходимости революционной борьбы." (Общее одобрение).

Вельс (Германия): „Мы обращаемся взором не назад, а вперед,—к будущему. Нам приходится расплачиваться за грехи властителей старой Германии. Если демократия действительно существует, то она уже во время мира должна быть настолько сильна, чтобы никаких войн больше быть не могло. Интернационал был слишком слаб для осуществления вильсоновской программы. Англия и Северная Америка господствуют сейчас над всем миром. В этих странах должен произойти решительный бой между трудом и капиталом; пролетариат этих стран должен вступить в борьбу и за угнетенные страны с их рабочим классом. Кто думает, что мировая революция без всяких промежуточных ступеней будет перебрасываться из страны в страну, тот предаётся иллюзии, ибо есть страны, в которых нет на лицо необходимых условий революции.

Но неустанная борьба сплоченного Интернационала создаст эти условия и заставит подвергнуть пересмотру мирный договор, который, будучи для Германии невыполним, лишает нас возможности существования. Мы, немецкие социалисты, не думаем о примирении социализма с политикой буржуазии, но пока мы не можем также осуществить социализм, раз большинство германского народа еще не хочет этого. Лига Наций, без Германии и России,—пародия“.

ОГ РЕДАКЦИИ.

Мы перепечатали дословно отчет из дружественного Люцернского конгрессу шейдемановского „Форвертса“.

Отчет этот нагляднее всего доказывает, что второй Интернационал погиб безвозвратно. В этом трупе кишмя кишат черви...

Начать — с состава конгресса. В Берне социал-соглашателями решено было на 1-е августа созвать „всемирный конгресс“. Шуму было поднято много. Готовились устроить ни весть какое торжество. А что вышло? С'ехалось всего на всего... 40 человек, да и то — „мертвых душ“. Пролетарскую Италию, всю кипящую и бурлящую в революционных битвах, „представлял“ какой-то несчастный реформист Канепи, которого не выбирал ни один рабочий. Польшу „представлял“... бундовец-шовинист Коссовский. Даже швейцарская партия, до сих пор достаточно умеренная, и та отказалась участвовать в Люцернской комедии.

Вместо пышного конгресса, получилась убогая косноязычная „конференция“ из 40 человек. И это несмотря на то, что буржуазия всех стран усиленно покровительствовала Люцернской конференции, свободно выдавала паспорта и т.п.

А духовный облик конференции! Разве из каждой строки отчета „Форвертса“ не явствует, как дважды два, что мы имеем здесь дело только

с двумя породами: или откровенных шарлатанов, или совершенно растерявшихся, запутавшихся в трех соснах людей?

— „Безусловно необходимо немедленно же подвергнуть окончательному пересмотру главнейшие пункты мирного договора“ — заявляет председатель этого почтенного собрания. И для этого — для этого... „мы требуем немедленного созыва собрания Лиги Народов“.

Ну, разве же это не клоуны?

Ведь это все равно, как еслибы для борьбы с монархией кто-нибудь в 1917 году требовал бы созыва собрания монархов: Николая Кровавого, Вильгельма Палача и т.п. Или для борьбы с проституцией, — потребовал бы собрания всех сожителей домов терпимости...

Эти 40 люцернских акробатов, кроме того, еще дрались между собой. Из германских телеграмм известно, что эльзасский социал-предатель Грумбах чуть не подрался с германским социал-негодяем Вельсом. „Независимые“ каутскианцы требовали исключения шейдемановцев и — наоборот. Так „восстанавливают“ Интернационал эти люди, желающие, чтобы с ними считались в серьез...

Но особенно характерна речь Трульстры. Трульстра — известная оппортунистическая лиса. Трульстра хорошо знает, где раки зимуют. И если он заговорил о том, что „во время революции одной парламентарной демократии недостаточно“, то это значит, что рабочие массы Европы недвусмысленно указывают на дверь социал-предателям. „Наше поражение очевидно... не следует забывать, что у II-го Интернационала есть конкурент (т. е. III Интернационал)... нам не приходится постоянно нападать на большевиков“. Вот какие меланхолические нотки появляются у самых опытных, у самых искушенных и самых неглупых: вожжаков погибающего II-го Интернационала. Они чувствуют, что они будут расплющены между молотом и наковальней. Они начинают понимать, что почва уходит из-под их ног.

Мы не знаем текста резолюций, принятых в Люцерне. Но, видимо, победил Трульстра. И это дало повод безхребетным „независимым“ из газеты „Freiheit“ торжествовать победу и заявлять, будто в Люцерне II-ой Интернационал... стал на почву коммунизма.

Разумеется, это только смешно. Горбатого исправит могила. Можно, конечно, посмеяться по поводу забавного зрелища, когда видишь, как такие умудренные опытом и увенчанные седидами оппортунисты, как Трульстра, Гендерсон и Макдональд, вынуждены ходить по канату и, с трудом балансируя, чувствуют, что они вот-вот свалятся в пропасть. Но брать в серьез этих акробатов нельзя.

Второй Интернационал умирает. В Люцерне мы слышали его предсмертные хрипы. Мертвый, в гробе мирно спит...

Мимо, мимо траурных процессий. Вперед — к новым решительным битвам под знаменем Коммунистического Интернационала.

Т. Э.

ОТЕЦ НАРОДНИЧЕСТВА О РАБОЧЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 Петроград. 1919).

П. Л. Лавров вместе с Михайловским является основоположником русского народничества, — этой идеологической основы партии эс-эров, игравшей столь печальную роль в истории нашей революции.

Недавно в издании „Колоса“ вышла книга П. Л. Лаврова. Парижская Коммуна 18-го марта 1871. (Петроград. 1919) написанная им в 1879 году. Парижская коммуна, как известно, это — первый во всемирной истории опыт пролетарской диктатуры, вторым этапом которой является Советская республика в России, которой суждено, повидимому, открыть эру Советской власти во всем мире.

К опыту Парижской Коммуны не перестают обращаться деятели начавшейся в 1917 году мировой социалистической революции. Героическая борьба французского пролетариата, по бессмертному выражению Маркса, „штурмовавшего небо“, вдохновляет рабочих России, которые первые после парижских коммунаров победно водрузили в своей стране красное знамя.

Оценка, которую дает автор „Исторических писем“ историческому опыту Парижской Коммуны, крайне поучительна, — ибо у Лаврова отнюдь нет преклонения перед фетишами „демократии“, „народной воли“, которые проявляют, — по крайней мере на словах — его ученики.

Разбор книги Лаврова, который мы собираемся дать, должен представлять, поэтому, значительный интерес. Лавров указывает на необходимость самой беспощадной борьбы со старым миром.

„Против этих рутинных, но потому именно самых упорных сил истории, революционная партия могла успешно бороться лишь путем самой решительной и быстрой деятельности, чуждой всех компромиссов, полной сознания своей силы и своей цели, не допускающей никаких колебаний. Но для этого не существовало основных условий“.

Лавров справедливо видит характерную черту Коммуны в том, что она была рабочей революцией. Он цитирует слова Арну:

„Вспыхнула революция, которая не была представлена ни одним адвокатом, ни одним депутатом, ни одним журналистом, ни одним генералом. Их места занимали: чернорабочий из Крезю, переплетчик, повар и т. д. (76)“.

Лица, именующие себя хранителями идейного наследия Лаврова проповедуют соглашение между классами-антагонистами в эпоху гражданской войны. Лавров же справедливо видит всю утопичность соглашения в эпоху революционного кризиса.

„Мысль о соглашении занимала большинство умов...

Как будто оно было мыслимо между восставшим пролетариатом и представителями либерализма и радикализма, считавшими для себя чуть ли не оскорблением самые переговоры с какими-то лавочниками и чернорабочими „без полномочий“ (80).

На совещании с Центральным Комитетом нынешний „тигр“ — Клемансо говорил:

„Париж не имеет права восставать противу Франции и должен безусловно принять авторитет собрания. Для Комитета существует только один путь из этого безвыходного положения: передать место его собраний депутатам и мэрам, которые решились добыть от Собрания то, чего требует Париж“.

Приблизительно то же мы слышали от меньшевиков в первые дни после октябрьского восстания.

Крайне интересна та оценка, которую Лавров дает работоспособности Коммуны.

„Можно было бы подумать, говорит он, что всего хуже выйдет исполнение первой задачи — управления городом, так как рабочим или журналистам приходилось бороться за дело, которое, как обыкновенно думали, требовало долгой рутинной практики.“

Но случилось обратное.

„Как администраторы и организаторы управления обширного города, представители парижского пролетариата оказались не только не хуже, но едва ли не лучше представителей обычной чиновничьей рутинной,“ — хотя и организовать ежедневное удовлетворение потребностей полуторамиллионного населения „приходилось“ при полном расстройстве всех учреждений и ведомств, так как Тьер постарался не оставить ни одного из них на месте.“ (89).

„Рабочие и мелкие чиновники-пролетарии оказались сразу способными вести все те отрасли общественной службы, которые составляли удовлетворение ежедневных потребностей общества и считались до тех пор неизбежною монополией людей, выросших среди канцелярской традиции и принадлежащих к господствующим классам.“ (91).

Лавров цитирует слова Арну:

„Не было ни жандармов, ни судей, и не совершено ни одного проступка... Все сами наблюдали за своею безопасностью и за безопасностью каждого“... (91).

И таковы не только свидетельства сторонников Коммуны.

Когда президент следственной комиссии спросил начальника полиции Клода о том, не увеличилось ли число преступлений в начале 1871 года, Клод отвечал положительно, что с января до 18-го марта оно „уменьшилось“, относительно же времени Коммуны ему пришлось неохотно сознаться, что увеличение числа преступлений „не могло быть доказано.“ (92).

Весьма поучительно для нас опубликованное первым военным руководителем Коммуны Росселем 9 мая письмо о дезорганизации военного дела в Коммуне:

„Я не считаю себя способным нести более ответственность начальствования, где все обсуждают и никто не повиновется. Когда пришлось организовать артиллерию, Центральный артиллерийский Комитет обсуждал, но ничего не предписал... Я хотел содействовать централизации оружия, реквизиции лошадей, преследованию уклоняющихся от службы... Коммуна обсуждала и ничего не решила... Центральный Комитет федераций почти навязал свое содействие военному управлению... Я принял это содействие... С тех пор Центральный Комитет обсуждает, но еще не успел действовать. Между тем, неприятель делал на форт Исси нападения, произведенные на удачу и с легкомыслием, за которые я наказал бы его, если бы имел малейшую военную силу в своем распоряжении... Вчера, в то время как все должны были быть на работе или в бою, начальники легионов совещались. Из их совещания получился проект, когда нужны были люди, и заявление принципов, когда нужно было действовать. Я не остановился бы перед репрессивными мерами и вчера, пока начальники легионов совещались, страд, готовый

расстрелять их, ждал на дворе. Но я не хочу брать на себя инициативу энергической меры, взвалить на себя одного ненавистные казни, которые надо было бы совершить, чтобы извлечь из хаоса организацию, послушание и победу...

Передо мною два пути: сломить препятствие, которое мешает мне действовать, или удалиться. Я не сломлю препятствия, потому что препятствие это — вы и ваша слабость: я не хочу наложить руку на общественную власть. Я удаляюсь и имею честь просить для себя келью в тюрьме Мазас." (104).

Надлежащей организации и руководства — вот чего не хватало

„расстроенным, дезорганизованным, чуждым самым элементарным и необходимым элементам военной дисциплины в осажденном городе, но до конца стоявшим за красное знамя революции рядам пролетариата с той furia francese, которая едва ли встречается у других наций". (105).

„Организованная дезорганизация", так окрестил в заседании 25 апреля член Коммуны Рауль ее „военную администрацию."

„Первое и единственное собрание военного совета в осажденном Париже имело место 13-го мая. Версальцы вступили в Париж 21-го мая. Оборона вся была представлена личной инициативе.

„Если бы малейший общий план — пишет Лиссагарэ (358) — руководил могучими средствами обороны, если бы Монмартр и Пантеон встретили неприятеля перекрестным огнем, версальское войско расплавилось бы в Париже."

Делеклюз напечатал 22-го мая прокламацию:

„Довольно милитаризма... Дайте место народу, бойцам с голыми руками. Пробий час революционной войны... Народ ничего не понимает в ученых маневрах. Но когда у него в руках ружье, под ногами камень улиц, он не опасается никаких стратегистов сонархической школы. — К оружию, граждане!.. Коммуна полагается на вас, — положитесь на Коммуну."

„Когда военный министр осуждает всякую дисциплину — пишет Лиссагарэ по поводу этой прокламации (346) — кто же захочет еще повиноваться. Если он отказывается от всякого метода, кто захочет рассуждать. И вот сотни людей откажутся оставить улицу, не будут обращать внимания на агонию соседнего квартала, останутся неподвижны до конца и будут ждать, пока армия придет их брать силой."

На другой день взят „без битвы, без осады, даже без отчаянного протеста" Монмартр — эта неприступная крепость — пишет Лиссагарэ (363), — где несколько сот решительных людей могли бы противиться всей армии версальцев."

Лавров цитирует слова умеренного либерала Фио о терроре победителей:

„Религиозные войны при последних Валуа, Варфоломеевская ночь, эпоха Террора, были в сравнении с ними детскими играми. В одну последнюю неделю мая в Париже поднято 17,000 трупов федерированных инсургентов... Убивали еще около 15 июня." (107).

Лавров видит слабую сторону Коммуны в том, что она не могла подвести экономического базиса под завоеванную пролетариатом политическую власть, ибо политическая свобода есть фикция при существовании капиталистической эксплуатации.

„Как говорили Мильеры и Верморели, надо было установить равенство путем экономическим, и тогда только можно было осуществить политическую свободу для всех и каждого. Пока экономическое неравенство существовало и тяготело над большинством, невозможно было ни правильно поставить, ни удовлетворительно решить многочисленные вопросы о свободе собраний, о правильных выборах представителей, об отношениях администрации к администрируемым, об автономии личности в группе, группы в обширном политическом целом, об автономии и федерации коммун в виду политического единства Франции." (109).

Для успешности переворота необходима была личность могучей революционной партии.

„Но, чтобы подобный переворот мог совершиться, необходимо было, чтобы заранее план этого переворота и значение для него экономического базиса были выработаны в своих главных началах: необходимо было, чтобы в среде пролетариата и сочувствующих ему групп или единиц из более обеспеченных классов была заранее организована партия, решившая действовать по этому плану; необходимо было, чтобы в минуту взрыва эта партия вынесла во главу движения представителей своей мысли, сознающих свою революционную миссию, готовых принять на себя ответственность за шаг, который заключает в себе много загадочного и неверного, личностей, вполне определенно относящихся к частным задачам революции; необходимо было, чтобы эти люди были в новом правительстве достаточно многочисленны и между собою с первого же шага достаточно согласны, чтобы отстоять свой план против товарищей, которые не усвоили бы еще смысла борьбы пролетариата с господствующими силами старого общества; необходимо было, чтобы большинство революционного правительства, вынесенное во главу своими сторонниками, явилось пред победоносным пролетариатом с определенной программой, не навязывая массам декретами фантастический строй, им непонятный, но привлекая к своей программе массы тем пониманием их интересов, которое позволило бы программе, предложенной новым правительством, с первой же минуты быть усвоенной массами, как их же мысли, желания, стремления, только выраженные ясно, сжато, систематически, определенно, и поэтому позволило бы этой программе быть немедленно осуществимой. Представители пролетариата в правительстве должны были быть самой сильной группой, самой определенной по своей теоретической программе нового строя, самой решительной по практическим мерам, ею предлагаемым. Только тогда они могли восторжествовать над рутиной сторонников традиционной политики, над неизбежным отсутствием политического понимания у масс, которые всегда идут за тем, кто менее колеблется в мысли и в действии."

Такой партии не было во время Парижской Коммуны, — и это было одной из причин ее падения — но она сложилась в русской революции, и это — партия коммунистов.

Между тем, коммунары это были „люди новых, социалистических начал, не выработавшие определенного плана действия, неуверенные в себе и потому неспособные продолжать какую-нибудь систему новых мер, соответствующих новой задаче социальной революции." (119).

Но логика борьбы толкала коммунаров к признанию принципов, реализованных полностью в русской революции.

„По крайней мере, в № 2 своего журнала „Друг народа" (L'ami du Peuple) от 24 апреля 1871 г., Лавров говорит, между прочим:

„Надо разрушить до основания старое правительство и воссоздать его по плану на основаниях справедливости и науки..."

Вознагражден должен быть только труд... а те, которые не трудятся, не имеют права жить, не имеют по крайней мере права участвовать в общественной жизни... Эти принципы составляют самое существование Коммуны..."

Итак, уже коммунары предвидели неизбежность лишения избирательного права эксплуататоров, проведенную в жизнь российским пролетариатом.

Лавров не перестает указывать, что попытки соглашения шли на пользу только врагам Коммуны:

„Масоны делают крупную демонстрацию в пользу прекращения кровавых действий. Все эти попытки действовали деморализующим образом на население Парижа, снова и снова питая в нем надежду на мирное окончание столкновения, которое противники Парижа решились окончить кровавою расправой во что бы то ни стало, а потому эти попытки ослабляли энергию собственно военных мер в Париже. Они действовали еще более деморализующим образом в том отно-

шении, что затемняли в глазах восставшего и на минуту победоносного пролетариата ту грозную истину, что для него всякое примирение, всякая сделка с буржуазным порядком невозможна, что среди буржуазии у него могут быть только враги, так что всякое соглашение с ними будет всегда или обманом с их стороны, или уступкою с его стороны его основных требований". (135—6).

Между тем буржуа сами отказались работать в Коммуне.

„Весь элемент сторонников старого порядка вышел из Совета Коммуны и тем признал ее фактически движением пролетариата, революцией не допускающей сделок“. (138).

А Каутский противопоставляет еще Коммуну, как „чистую демократию“, Советской республике, как диктатуре.

Лавров ставит вопрос о планомерности насилия трудящихся над враждебным Коммуне меньшинством эксплуататоров.

„В Париже было множество элементов враждебных Коммуне, и все богатое население принадлежало к этим элементам; насколько признанное революцией 18 марта начало самой широкой свободы можно было примирить с необходимостью сдерживать и подавлять эти элементы, которые, при предоставлении им полной свободы, могли принести Коммуне весьма значительный вред по своему материальному влиянию“. (140).

И он отвечает на этот вопрос утвердительно.

„Если бы революция, признав себя откровенно революцией пролетариата, немедленно организовалась в общину рабочего класса, принимая в ее среду лишь тех, которые вступили бы под знамя социальной революции, и решительно устранив из своей среды все элементы, враждебные рабочему пролетариату, то был бы устранен всякий вопрос о разнице между военною и гражданскою властью, были бы устранены и все претензии врагов рабочей Коммуны на равноправность, как граждан разносословного Парижа. Если бы Коммуна была не результат выборов, произведенных случайными жителями традиционного феодально-буржуазного города, состоящего из враждебных элементов, но состояла из представителей рабочего класса, решившегося раздавить господствующие классы, поставивши это первую задачей избранным и подчинивши все прочие задачи организации этой основной задаче борьбы труда с капиталом, то не имел бы место спор о диктатуре Совета Коммуны или об обязательном полномочии, которое они должны были исполнить. Мильер был совершенно прав в том, что всякая революция есть „диктатура“, т. е., именно потому, что она есть революция, представляет отрицание старой легальности и поддержание силою новой общественной программы“. (141)

Итак Лавров ставит в пассив Коммуне то обстоятельство, что она не осознала своей сущности, каковой была диктатура пролетариата, что она была слишком мягка к буржуа, что она слишком считалась с их претензиями на „равноправие“ с трудящимися.

Но диктатура победоносной партии обращена своим острием только к элементам, враждебным новому порядку, внутри же самих победителей не может быть и речи о диктатуре.

„Если же революционный взрыв выдвинул во главу движения людей, выработанных в среде рабочих обществ, находящихся в отношении влияния, в полной зависимости от рабочих групп и не имеющих возможности противопоставить свой произвол мнению обширной организованной рабочей партии, то эти личности сами по себе ничего не значат и не могут; они имеют значение лишь тогда как выразители мнений партии, их выдвинувшей, и настолько они ее представляют; они неизбежно становятся исполнителями ее программы, делегатами с „обязательным полномочиём“. Они могут представить партии программу действий при новых обстоятельствах; они даже обязаны сделать это, если случайно

выгодная обстановка позволила им глубже и полнее обдумать и изучить вопросы, которыми большинство достаточно заниматься не могло; но все-таки они будут в состоянии осуществлять эту программу не как свой личный план, а как программу партии, формулирующую ее более или менее ясно выработанные требования. Принудительность их власти относительно их сторонников не может иметь места и в этом отношении, это собственно не диктатура, но делегаты. Но диктатура принадлежит победившему большинству относительно побежденных врагов революции. Вся законность, ограждавшая их привилегии, обращена в ничто революционной диктатурой и лишь во имя новых революционных принципов, ввиду выгод нового революционного строя, возникают для побежденных новые права путем договора или путем законодательства. Чтобы новое общество могло существовать, бороться с внешними врагами и развиваться в направлении принципов, оно должно так или иначе обеспечить себя относительно тех, которые, живя в той же местности, были и остались врагами его принципов“. (142—143).

Диктатура, суровое революционное насилие по отношению к сторонникам старого порядка, есть ultima ratio победоносной революции.

„Таким образом, на другой день после победоносной революции, неизбежно образуется потребность принудительных отношений к враждебному элементу, необходимость диктаториальных отношений к врагам нового строя, тогда как внутри нового строя принудительный элемент тем менее будет присутствовать, чем лучше была заранее организована и выработана победившая партия, чем теснее ее материальная, умственная и нравственная связь с делегатами ее поставленными во главе движения“. (143).

Между тем, среди руководителей Коммуны далеко не все понимали, чего требует от них революция, и даже сторонники революционных мероприятий ограничивали их действие сферой политики.

„Париж, как община эмансипированного рабочего пролетариата, требовал революционных, т. е. диктаториальных мер относительно врагов нового строя. Большинство Коммуны во имя революционных традиций склонилось к последним мерам, не замечая, что все они будут совершенно бессильны, пока Париж останется разносословною политическою коммуною, где большинство материальных средств останется в руках враждебной буржуазии. Меньшинство, во имя принципов свободы и равенства, боролось против всякой диктатуры во всех ее проявлениях, забывая, что равенство может быть установлено только путем экономического переворота, революционной диктатуры, и что о свободе можно с пользою говорить только тогда, когда это равенство будет установлено“. (144).

Коммуна обязана была отнять у своих смертельных врагов также свободу печати.

„Слишком ясно было, что в осажденном городе, во время битвы, не было ни малейшей возможности позволять существовать прессе, систематически клеветавшей на распорядителей битвы, на войска Коммуны“. (147). И Лавров цитирует слова Арну:

„Осажденный город не может допустить, чтобы в его среде открыто высказывали желание его падения, чтобы призывали к измене бойцов, его защищающих, чтобы неприятелю сообщали движения его войск. Таково было положение Парижа при Коммуне“. (147).

Но Коммуна на свою беду не сумела разделиться с идеологией либеральной законности.

„И потому пришлось Коммуне и Комитету общественного спасения, без уверенности в праве сделать это, запрещать враждебные журналы на зло принципу „свободы слова“, закрывать мятежные собрания на зло принципу „свободы собраний“, делать обыски для отобрания оружия у враждебных национальных гвардейцев; пришлось арестовывать без суда и содержать арестованных под секретом, пришлось даже обращаться к добрым гражданам с просьбою о тайной полиции и о доносах против тайных врагов старого строя“.

Естественно, поэтому, что дело борьбы с внутренним врагом хромало.

«В трудных обстоятельствах, которые пришлось переживать Коммуне,—пишет Малон,—весьма важна была организация хорошей политической полиции. Это было дело комиссии общественной безопасности, вся власть которой концентрировалась в руках Ферре и Ригго, но это дело было им далеко не под силу. Организованной службы тут вовсе не было. Но хотели невпопад пускать в ход политический деспотизм и арестовывали направо и налево, никогда не хватая действительно опасных людей. Между тем, желавшие низвергнуть Коммуну путем внутреннего восстания бес помехи составляли заговоры, чуть чуть не организовав армию недовольных в Париже... А делегаты Безопасности ничего не знали... Ни один из начальников не был взят... Коммуна нуждалась в этом случае в искусном, политическом, благоразумном, хотя и строгом наблюдении, а у нее был только полицейский кутеж"... (149).

И вот что пишет Арну:

«Истинные агенты Версаля ускользали от преследований, или, взятые, были на другой день выпущены; большую частью, неизвестно кем и как"... (149).

О том, как далеки от истины слова о мнимой жестокости коммунаров, доказывает рассказ Арт. Арну об одном из самых «ужасных» членов Коммуны, именно о Делеклюзе, который со слезами на глазах вымаливал у раздраженного национального гвардейца жизнь пленного версальского жандарма, повторяя: «не будем подражать врагам нашим; не будем резать беззащитных пленников». И в этом Делеклюза поддерживал, насколько помнит Арну, еще более «ужасный» член Коммуны, свирепый Феликс Пиа.

«Я никогда не видел — говорит Арт. Арну о Коммуне—собрания людей, которое имело бы такое инстинктивное или сознательное отвращение к пролитию крови, такую непобедимую антипатию к смертной казни».

И Лавров весьма кстати напоминает, что в трагические дни разгрома Коммуны погибло всего 64 заложника из 260, в то самое время как происходило избивание версальцами десятков тысяч жителей Парижа. (153).

Ничего не сделала Коммуна, чтобы установить связь с рабочими других стран.

Лавров цитирует слова Лиссагарэ:

«Во всей Европе рабочий класс жадно впитывал в себя известия из Парижа. Сердцем бился он с великим городом, сделавшимся его столицей, учащал митинги, процессии, адреса. Его журналы, большей частью бедные, смело боролись против клевет буржуазной прессы. Обязанность делегации была—протянуть руку этим драгоценным союзникам. Она ничего не сделала". (157).

Лавров отмечает, что Коммуна сбояла перед трудностью, общей для всякой пролетарской революции,—необходимостью строить новое общество при посредстве людей, воспитавшихся в обстановке старого порядка.

«Люди не переображаются, не перерождаются в один день, не меняют своих привычек, когда угодно». Повторим слова Арт. Арну (III, 95): «Не следует никогда забывать, что люди, которые мечтают о будущем обществе, пытаются положить ему основание, родились и воспитались в настоящем обществе, что его традиции, его примеры, его воспитание пустили в каждом из нас корни, которые трудно совсем отрезать". (161)

И однако, Коммуна за два с половиною месяца своего существования в корне разрушила иллюзию, будто управлять государством могут только имущие и образованные.

«Парижская Коммуна 1871 г. была первой организацией общества, во главе которой стояли Франкель, Варлен, Пенди и другие работники физического труда, и при всех ошибках, при всех несовершенствах управления Коммуны, они доказали, что рабочий класс может

выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распоряжаются ими, чем работники интеллигенции, считавшие до сих пор административную свою специальностью... Сравнительно с декретами, вышедшими из парламентов и министерств, наполненных тщательно выращенными и выхолощенными и дрессированными политическими людьми, законодательство Коммуны едва ли может заслужить какое-либо порицание: переплетчики, слесаря, золотых дел мастера оказались настолько же годными для этого дела, как и воспитанники различных лицеев и специальных школ, выросшие в среде дельцов и политиков. Парижская Коммуна, в свое короткое существование, окончательно уничтожила иллюзию, что буржуазное развитие дает какое бы то ни было превосходство в управлении общественными делами,—иллюзию, что пролетариат, на другой день после победы, все-таки будет нуждаться в интеллигенции побежденных буржуа и все-таки должен будет поставить в своей главе тех, против которых восстал". (163).

Буржуазия сама поняла этот характер Коммуны и покинула ее, не смотря на предоставленное ей формальное равноправие.

«Все выборные ее члены немедленно оставили Совет города, как только увидели, что они распоряжаться силами этого города не будут и поэтому вопрос об «общественной ликвидации» есть лишь вопрос времени". (168).

Деятели Коммуны уступали, однако, своим классовым врагам в понимании непримиримости разделявших их антагонизмов,—они продолжали мечтать о соглашении.

В виду этого «интернационалисты» Журд и Варлен останавливались перед печатями казначейства,—Журд уверял, что Коммуна не касается частной собственности и употреблял все силы, чтобы его финансовые операции не запугали «кредита» т. е. буржуазии. В силу этого интернационалист Лонгэ уверял в «Официальном журнале», что социальный раздор не существует в Париже, который, будто бы, поставил на первый план вопрос о своей политической автономии. Все социалисты проповедывали единство, примирение, хотя не могли не знать, что это примирение невозможно. Эта проповедь мешала ставить резко вопросы социальной революции, деморализировала массы надеждой на соглашение и, как следствие,—мечтой о ненужности очень энергических мер защиты. Лишь под самый конец второй осады мысль о невозможности соглашения стала укореняться, и стали раздаваться из массы голоса, утверждавшие, что «всякий, кто говорит о соглашении, есть изменник". (170).

Лавров подчеркивает, в противоположность иллюзиям коммунаров, что правительство социальной революции должно исключить из рабочей коммуны все элементы, враждебные пролетариату.

«Автономия групп и их федерация здесь важны как автономия групп, установивших экономическое равенство и организованных для его поддержки и для его защиты с исключением всех элементов, враждебных рабочему классу или не приступивших к новому строю". (172).

Коммуна начала делать лишь первые шаги по пути экономической революции.

«Это было делом учрежденной по требованию членов Интернационала в среде Совета Коммуны «Комиссии труда, промышленности и обмена», в состав которой входили Малон, Франкель, Тейе, Дюпон, Авриаль". (172).

Но внешние и внутренние враги не дали ей на это достаточно времени, и единственный путь возможного успеха был бы при данных обстоятельствах совсем иной: выступление пред организованными рабочими группами их представителей с готовым, заранее продуманным планом (хотя бы и весьма несовершенным) экономического переворота и организации труда, производства и обмена, быстрое обсуждение рабочими группами и введение в действие Коммуной этих революцион-

ных мер, как исходного пункта революции пролетариата, и, затем, постепенный, медленный, строго обдуманный пересмотр этого временного революционного законодательства рабоче-организационного нового строя, если бы последнему удалось упрочить свою победу". (173).

Лавров, как мы видим, учитывал неизбежные при реализации нового общественного идеала ошибки, но он ими не смущался, — он знал, что, упрочив свою власть, рабочий класс сумеет их исправить.

Но развернуться преобразовательной деятельности Коммуны мешала борьба с Версалем.

"Все поглощено насущной заботой о ежедневной борьбе против кровавого внешнего врага, против тысячи мелких препятствий и затруднений, возникших из того, что Париж - Коммуна был наполнен врагами пролетариата, обусловленных и уединением Парижа от остального мира; поглощено и мелкими столкновениями, котерий, оспаривавших одна у другой влияние на дела". (178).

Да и сами коммунары плохо понимали задачи, диктовавшиеся им моментом.

"Лозунг пролетарской диктатуры заслоняется криками, раздающимися со всех сторон о свободной политической коммуне, как будто действительная свобода пролетариата была возможна без радикального экономического переворота; как будто солидарность в жизни коммуны была осуществима, пока внутри ее продолжалась ожесточенная борьба между трудом и капиталом". (178).

У коммунаров не было солидного теоретического базиса, — и это, по мнению Лаврова, не в малой мере способствовало их поражению.

"Тем не менее, революции, совершающиеся во имя великих социальных идей, нуждаются, рядом с пылом борьбы, в уяснении своих принципиальных положений, и около падающих жертв или торжествующих знаменосцев идеи напоминание и уяснение истинного смысла кровавой борьбы и ее неизбежных задач может внести в бой новую силу и сделать этот бой более плодотворным для будущего". (179—180).

Подводя итоги, Лавров говорит:

"Можно удивляться не тому, что Коммуна не могла отстоять себя и сделала вообще мало, но тому, что она продержалась так долго и сделала так много". (187).

Неизмеримо значение Коммуны для судеб грядущей социальной революции, несмотря на ее поражение.

"Парижская Коммуна, говорит Лавров, как идея, как "новая революция", врезала неизгладимо свой след в истории социалистической мысли, но ее самую славную страницу в истории человеческого героизма останутся десятки тысяч безымянных, забытых героев и героинь, мучеников и мучениц, которые дрались и гибли на баррикадах 20 — 28 мая, страдали и гибли на понтонах, в тюрьмах, в Новой Каледонии, и своею кровью, своими страданиями оплодотворили почву, на которой вырастет будущая победоносная социальная революция" (189—190).

Лавров выясняет далее колоссальное историческое значение рабочей революции, даже в том случае, если ее первый подъем потерпел поражение.

"В настоящее время нет почвы ни религиозной, ни национальной, ни политической, на которой рабочие пролетарии могли бы и имели бы нравственное право на сделку с господствующими классами или с какой либо их долей. Как только исторические комбинации доставят пролетариату хотя бы временную победу, он должен совершить прежде всего экономическую революцию. Как бы ни была недостаточна и нестройна первая попытка нового порядка, уже то одно, что она совершится сознательно и решительно, будет важным завоеванием.

Артиллерия пролетариата — эта "социальная идея". Если победа пролетариата упрочится, то он будет иметь достаточно времени, чтобы улучшить эту первую попытку рядом реформ более или менее мирных или крутых; ничто не появляется зрелым с первого момента существования; все должно пройти через ряд фазисов развития и созревания; но действительные революции полагают начало новым органическим типам, и развитие, происходящее в новом типе, не имеет ничего общего с развитием старого. Если бы даже революция пролетариата была подавлена, то потрясение в самых его основах старого экономического строя, даже временное, не может остаться без важных последствий. За революцией против представителей старого предания, старых общественных форм могут следовать, как прежде бывало, и цезари-диктаторы и даже реставрации. Но ни возмратившиеся Стюарты и Бурбоны, ни диктатуры новых Кромвелей и Наполеонов, не в состоянии восстановить прошлое, как оно было. Всякая реставрация будет носить в себе следы совершившейся революции и зародыши новых революций в этом же направлении, как первая. Ниспровергнутый, хотя бы временно, порядок собственности и монополии уже не восстановится уже совсем как был, когда его потрясает настоящая революция пролетариата, и после своей починки он будет хранить в себе трещины, которые неизбежно поведут его к разрушению. Дело не в крутых или кротких мерах, не в терроре или любвеобилии к врагам. Дело в мерах действительных. Артур Арну сказал совершенно верно (II, 159): "Ни насилие, ни умеренность не составляют принципов"... Надо делать, что нужно. Вот все. В минуту, когда исторические комбинации позволяют рабочим какой либо страны, хотя бы временно побороть врагов и овладеть течением событий, рабочие должны теми средствами, которые будут целесообразны, каковы бы не были эти средства, совершить экономический переворот и обеспечить его прочность, насколько это будет возможно. Все остальное должно находиться в зависимости от этой главной задачи.

Для этого приходится иметь готовую организацию и готовую программу политического действия. Мы видели, что отсутствие предварительного соглашения, предварительного сплочения, сделало социалистов Коммуны бессильными в борьбе с соперниками." (212).

Между тем вожди парижских коммунаров не были в состоянии планомерно и сознательно руководить движением.

"Но и у них не было согласия, не было уверенности, не было достаточно знания, не было общей программы. В минуту действительного столкновения партия без программы бессильна. Она может восторгаться, может стоять у кормила движения, но она никогда не будет в состоянии дать ему направление. Когда приходится действовать, и нет людей, которые, во имя более передового и более смелого развития своей мысли, указали бы новый путь действия, то неизбежно, фатально, действие должно совершаться по всегда готовой, привычной рутине старых приемов. В решительные исторические моменты массы всегда пойдут за тем знаменем, на котором написана наиболее определенная программа, наиболее простые, ясные и определенные цели; массы пойдут за теми, кто готов и не колеблется." (215).

Ясного и определенного сознания своих целей, твердости и решимости как раз и не хватало коммунарам. Не малым тормазом для революции были соглашатели, примиренцы, тормозившие ее победный ход.

"И там, как мы видели, были примирители, которые хотели уладить борьбу рабочего восстания; и там были буржуа, которые, оставаясь в другом лагере, выражали свое сочувствие Коммуне, свое порицание действиям версальского правительства. Но каков был результат деятельности этих примирителей, этих сочувствующих. Одни из них оказались или изменниками, или явными врагами парижского пролетариата; другие — самыми вредными его друзьями. Мэры и депутаты Парижа своею примирительной, деморализующей деятельностью лишь дали возможность версальцам опомниться,

собраться с силами, устроить армию, в первую минуту вполне деморализованную. В минуту опасности и серьезной борьбы не оказалось в Париже этих „друзей“, а впоследствии их имена украшали приветствие армии, совершившей подвиги „кровавой недели.“ На их совести, на совести тех, которых имена так блистательно фигурируют теперь в самых радикальных журналах Парижа, лежит ответственность за эту „кровавую неделю.“ Их примирительные попытки, их утопические надежды парализовали деятельность парижской революции в те самые дни, когда быстрая решимость, неуклонная энергия в действии одна могла дать шансы торжества движению, неожиданному для большинства участвовавших в нем настолько же, как и для его противников движению, которое лишь быстротою развития, энергиею своей экспансивности и решительностью в минуту деморализации врагов могло завоевать себе симпатию Франции более изумленной этим фактом, чем усвоившей себе его значение.“ (222—223).

Вниманию всех, вздыхающих об ужасах гражданской войны, о кровопролитии, о суровом пути революции, мы рекомендуем следующие по истине вдохновенные слова Лаврова:

„Пусть и они внимательно взглянут в историю Парижской Коммуны. Разве ее представители хотели крови? Разве они не прибегали ко всем казавшимся возможным средствам для устранения столкновения мирным путем? С 19 марта по 21 мая, как мы видели, „не пало ни одной головы, не пролило ни одной капли крови“ внутренних врагов Коммуны. Много ли она выиграла от этого? Разве так называемые историки, публицисты и ораторы противной партии принимают сколько-нибудь в расчет это мирное настроение, эти мирные попытки, так долго и упорно длившиеся? Разве в воспоминании противников Коммуна не осталась нераздельно связана с резкими решениями, никогда не перешедшими в дело, со взрывами страсти, имевшими место прежде установления в Париже какого бы то ни было организованного строя или во время отчаянной борьбы последних часов существования Коммуны. Желание мирного исхода, отвращение от насильственных мер, от кровавых катастроф совершенно естественно во всех мыслящих людях, тем более, что кровавые эпизоды всегда усиливают раздражение в обществе, нисколько не облегчая решение общественных вопросов. Но история беспрестанно ставила и ставит лицом к лицу интересы, аффекты, убеждения, которые примирены быть не могут и все попытки к примирению которых лишь увеличивают число жертв, а не уменьшают его. В известные исторические минуты страсти человеческие совершенно сдержаны быть не могут. Раздражение, вызванное прошедшим, слишком напряжено.

Если наши враги защищают интересы или убеждения, от которых мирным путем отступить, по всей вероятности, не могут, то именно те люди, которые дорожат человеческою жизнью, человеческою кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергичнее для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови. В настоящем общественном строе выгоды, которыми пользуются господствующее меньшинство, слишком значительны, чтобы существовала для предстоящей социальной борьбы хотя малейшая надежда добровольной уступки этих выгод: их будут отстаивать всеми силами; мы должны знать это и должны к этому готовиться. Да разве когда либо обладатели господства в обществе уступали это господство, не отстаивая его кровью? Разве можно было ожидать, что Версальское собрание уступит даже самым скромным требованиям Парижа, если не будет к этому принуждено? Разве можно было думать, что собрание самых тупых и упрямых представителей всех остальных партий Франции поймет требования парижского пролетариата? Разве не Версаль начал борьбу? А если борьба кровавая, на-

силственная борьба была неизбежна, разве она не ограничилась бы меньшим числом жертв, если бы была введена энергичнее и быстрее с самого начала? Если бы Версаль был занят 20 марта, если бы после победы парижан—а она тогда была возможна—и после совершившегося в Париже радикального экономического переворота, явились в города Франции эмиссары Парижа с „призывом к беднякам“ и быстро собрался конвент, опирающийся на вооруженные коммуны рабочего пролетариата по всей Франции—разве больше пролилось бы крови для осуществления постановлений этого конвента, чем пролило ее в „кровавую неделю“? Всякий перелом, совершающийся во имя прогрессивной идеи, выгоднее совершать путем наступления на врага, чем путем самозащиты. Воображение противников, как воображение посторонних зрителей, еще не затронутых движением, должно быть поражено энергиею и быстротою действия сторонников нового порядка, прежде чем убеждения последних могут представиться логическою истинною и нравственною правдою тем, которые еще колеблются. Как раз мы убедились, что между нами и врагами нашего мира быть не может, что они не могут нам уступить добровольно то, чего мы требуем, и когда мы уверены, что будущность человечества зависит от успеха наших начинаний, то во имя человеколюбия, в виду доведения числа неизбежных жертв до минимума, мы должны наносить удары смело, быстро и решительно, именно потому, что мы боремся за будущность человечества“ (227).

Любопытно привести также ту оценку, которую дает Коммуне Лавров в своих письмах к Штакеншнейдер, относящихся к 1872 году и опубликованных в журнале „Голос Минувшего“ за 1916 год, сентябрь. Из этих писем видно, как веско Лавров, несмотря на все признаваемые им ошибки, ценил громадное историческое значение Коммуны. Так 12 июля 1872 г. он писал:

„Вы ставите такие требования защитникам Коммуны, которые выполнить невозможно. Как вы хотите, чтобы доказывали правильность, справедливость, разумность действий людей в бунт, когда всякая иллюзия произвольной деятельности исчезает. Все, что позволительно спросить, это: следовало ли им броситься и бросить других в бурный поток, стремление которого превосходило всякое личное рассчитанное влияние? им следовало воздержаться?“

И вот что мы читаем в письме от 17 июля:

„Относительно коммунаров, на которых вы так сильно нападаете в вашем длинном письме, опишу вам положение двух из них: один был министром Коммуны, имел сотни тысяч в руках; я хожу иногда по утрам в воскресенье к нему на чердак, где он спит, работает среди разных химических частей и ведет переписку с далекими странами. Всю неделю он работает на фабрике, и потому видеть его нельзя. Другой, бывший главнокомандующий целого отдела армии, защищавшей Париж, лежит больной, от старых ран, и между тем, когда я был у него последний, он говорил мне, что, не имея возможности более плавать за квартиру, отныне будет бродить, проводя, где день, где ночь. Он тоже имел в руках огромные суммы. Судите, как хотите, а для меня эти люди стоят уважения: они имели хорошее и крепкое убеждение; сделали для него, что умели, без всяких эгоистических расчетов, и, несмотря на удары судьбы, идут все решительно по той дороге, которую им указало их убеждение. Должны ли бы они поступать именно так, как поступали? Пусть это судит и осуждает тот, кто всегда поступал, как должно, и всегда видел ясно, как должно поступать в самых запутанных обстоятельствах.“

У Лаврова было понимание стихийности исторического развития,—понимание, которого не унаследовали от него люди, именующие себя его учениками. Очень важно отметить, что Лавров отмечал те же ошибки в деятельности коммунаров, которые отмечали и Маркс и Энгельс.

12 апреля 1871 года Маркс писал Кугельману:

„Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж. Вторая ошибка: центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять таки благодаря „честности“, доведенной до мнительности.“

В принадлежащем его перу „воззвании генерального Совета Международного общества рабочих по поводу гражданской войны во Франции 1871 года“, Маркс видит ошибку коммунаров в том, что они не перешли сразу же в наступление против контр-революции, воплощенной в Версальском Национальном собрании.

„Но из отвращения к гражданской войне, которая грозила Парижу, Центральный Комитет всецело придерживался оборонительного положения, не обращал внимания ни на дерзкие выходы Национального Собрания, ни на непрощенное вмешательство исполнительной власти в его дела, ни на все более и более суживающееся кольцо войск вокруг него и его предместий. И вот Тьер начал гражданскую войну.“

Коммуна ничего не делала для борьбы с контр-революцией в самом Париже.

„Полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль. „Сторонников порядка“ не только оставили в покое, но им дана была возможность укрепиться на многих сильных позициях в сердце самого Парижа. Эта снисходительность Центрального Комитета, этот образ действий вооруженных рабочих, столь несвойственный нравам „партии порядка“, был принят ею за сознание рабочими своего безсилия.“

Коренную ошибку коммунаров Маркс видит в том, они не предупредили версальцев, не пошли сами на штурм палаты.

„Центральный Комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером его ночной экспе-

дицией против Монмартра, сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда достаточных средств к обороне — и раз навсегда покончить с конспирациями Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого „партию порядка“ допустили снова попытать свои силы на выборах в Коммуну 26-го марта“.

Как видим, Маркс видит ошибку в том, что из ложного преклонения перед „демократизмом“ рабочие Парижа дали возможность своим врагам участвовать в выборах в Коммуну.

На это же, как мы уже знаем, указывал и Лавров. В 1873 году и Энгельс в статье, помещенной им в итальянском социалистическом сборнике, направленном против трудонистов „автономистов“ писал:

„Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа, против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня. Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась своим авторитетом“.

Пролетарская революция мыслима только в форме диктатуры пролетариата против буржуазии, — говорят на основании опыта Коммуны Маркс и Энгельс.

К этому же выводу, учитывая опыт тех же событий, приходит и представитель идеалистического понимания истории Лавров. Необходимость железной диктатуры пролетариата, беспощадного подавления эксплуататоров и исключения их из рабочей общины, беззаветной смелости и решительности в осуществлении программы пролетарской партии — все это понимал один из духовных отцов современного народничества, — но увы! все эти истины не допустимы пониманию его жалких эпигонов, стоящих под знаменем учредительного собрания и демократии — в одних рядах с Колчаком против революции пролетариата.

В. БЫСТРЯНСКИЙ.

Содержание 4-го номера.

	стр.		стр.
Г. Зиновьев. Две даты	437	К пятилетию со дня убийства Жореса. Радио-теле-	
Н. Ленин. О задачах III-го Интернационала	447	грамма Исполнительного Комитета Коммуни-	
Э. Панкхёрст. Рабочие и социал-предатели в Англии	461	стического Интернационала представителю	
С. Ретгерс. Каутский—Вильсон	469	французских рабочих, тов. Лорио	537
Ж. Садуль. Долг западно-европейских пролетариев	473	К пролетариям всего мира	541
А. Гильбо. Из документов г. Шарля Дюма	479		
К. Тимирязев. Пророчество Байрона о Москве	483	Герои и мученики пролетарской	
Н. Бухарин. Диктатура пролетариата в России и		революции	
мировая революция	487		
А. Луначарский. Народное образование в Совет-		Евгений Левинэ	543
ской России	493	Биография тов. Урицкого	547
Дечев. Тесняки—болгарская коммунист. партия	499	Из личных воспоминаний	549
Документы Интернационального Комму-		Статья А. Луначар-	
нистического Движения.		ского	549
Программная декларация болгарской комму-		Доклады делегатов на I-м с'езде	
нистической партии (социалистов „тесня-		Коммунистического Интернационала.	
ков“ секции Коммунистич. Интернационала)	50		
Долг вмешательства		Доклад тов. Ретгера (Голландия)	553
Завещание Карла Либкнехта	513	Доклад тов. Х. Раковского (Болгария)	555
Воззвание французских социалистов	515	Доклад тов. И. Милкича (Сербия)	555
Воззвание к рабочим стран Согласия	516	Доклад тов. М. Фрейлиха (Восточная Галиция)	557
К рабочим, солдатам и морякам Англии, Фран-		Доклад тов. Ялымова (Восток)	563
ции, Италии, Америки, Швеции, Фин-			
ляндии, Эстляндии и Сербии	519	Отчеты и Хроника.	
Резолюция петроградских митингов	521		
Г. Зиновьев. Открытое письмо Фридриху Адлеру	521	А. М. Англия	565
Корреспонденции Коммунистического		А. М. Америка	567
Интернационала.		Революционное движение в Канаде	569
Письмо из Чехии	525	А. Картины. Франция	571
Революционное движение в Италии	527		
Из деятельности		Люцернские акробаты.	
Исполнительного Комитета		(Отчет о первом заседании желтого „Интер-	
Коммунистического Интернационала.		национала“ в Люцерне)	573
Бойкот желтого Интернационала. К рабочим			
всех стран	529	Библиография.	
К рабочим стран „Согласия“. Международная		В. Быстрицкий. Отец народничества о рабочей	
забастовка сорвана, — да здравствует		революции. (П. Л. Лавров. Парижская Ком-	
международная забастовка	533	муна 18 марта 1871.)	577

Между стр. 544—545 иллюстрации: М. С. Урицкий.—Роза Люксембург и ее защитник, тов. Леви.